Валя Семиохина пришла в институт.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 3 (1752)
15 ЯНВАРЯ 1961
39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

БИОГРАФИЯ НАЧИНАЕ

— Милые мои! Даже уезжать от вас не хочется!

Дома. Первые гости.

О многом надо поговорить Вале с М. С. Аничкиным.

Раннее зимнее утро. То и дело открываются двери Воронежского зооветеринарного института, пропуская спешащих на лекции студентов. Среди них невысокая худенькая девушка в зеленом платочке — Валентина Семиохина.

Еще не так давно в это же время, затемно, шла она по деревне.

...Валя входит в телятник. В круглые оконшечки высовываются широконосые морды. Телята тянутся к девушке, стараются поймать ее руку розовыми шершавыми губами.

— Ну, ладно, ладно... будет,— приговаривает она, ласково похлопывая телят по шее, почесывая у них на лбу крутые завитки.— Сейчас накормлю.

Нельзя сказать, что Валентина Семиохина с детства мечтала стать телятницей. Когда она училась в школе, ей очень хотелось сниматься в кино. Она собирала открытки-портреты прославленных киноактеров, играла в самодеятельных спектаклях... Но вот окончен десятый класс. Как и где найдет Валя свое место в жизни?

В это время, весной 1959 года, на базе нескольких мелких колхозов Сосковского района, Орловской области, было организовано крупное молочно-мясное хозяйство — совхоз «Рыжковский». В деревне Рубчая, где жила Валя, приступили к строительству новой фермы. Решено было заняться разведением чистопородного племенного стада. Не хватало только рабочих рук.

...Тесный совхозный клуб переполнен. Идет комсомольское собрание. На трибуне зоотехник Валерия Андреева:

— Без молодежи нам хоть пропадай! Каждый день телята прибывают. Первых три недели выхаживают их доярки, а потом передавать некому.

Валерию Андрееву на трибуне сменяют подруги-одноклассницы, две Вали — Семиохина и Смирнова: они станут телятницами.

Перед отъездом домой на каникулы Валя Смирнова (вторая слева) и Валя Семиохина (третья слева) со студентками-однокурсницами, посланцами колхозов и совхозов.

Трудно было девушкам поначалу на ферме: не хватало знаний, опыта, сноровки.

Помогали молодым телятницам и опытные доярки, и зоотехники, и заведующий фермой. Часто наведывался к ним парторг совхоза Михаил Сергеевич Аничкин. Нравились ему девушки: старательные, добросовестные.

Однажды вызвали Валь в дирекцию. Встретили их директор совхоза В. А. Каретин и М. С. Аничкин.

— Нравится вам ваша работа? — спрашивает Михаил Сергеевич.

— Очень нравится. Никогда даже не думала, что так полюблю телят,— сказала Валя Семиохина.

— Ну, а учиться на зоотехников хотите?

Девушки переглянулись. Они уже не раз говорили между собой, что хорошо бы получить настоящие знания в институте... Но пока никого не просили об этом, собирались поработать еще на ферме.

— Мы вот тут с директором решили своих специалистов подготовить,— продолжал Михаил Сергеевич.— Получите стипендию от совхоза. Вроде бы вам в долг дадим. Выучитесь — вернетесь в наш совхоз. Согласны?

Так две телятницы стали студентками Воронежского зооветеринарного института, в котором на первом курсе учатся вместе с ними еще двадцать четыре посланца колхозов и совхозов.

Став специалистами, они вернутся на работу в свои деревни и села. И даже сейчас, после 4 месяцев разлуки с родными местами, в первые же каникулы их тянет домой. А что там, в деревне? Как дела на ферме?

— Биография моя только начинается,— ответила нам Валя, когда мы попросили ее рассказать о себе.

И это верно. Большая жизнь распахнула перед Валей свои двери.

Л. КАФАНОВА

В перерыве между заседаниями Пленума ЦК КПСС. Дважды Герои Социалистического Труда председатели колхозов Ф. С. Генералов и Нурмолда Алдабергенов беседуют с другими участниками Пленума.

Фото А. Новикова.

10 января в Большом Кремлевском дворце начал свою работу Пленум Центрального Комитета КПСС.

На повестке дня Пленума: о созыве очередного, XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза; о выполнении государственного плана и социалистических обязательств по производству и продаже государству продуктов земледелия и животноводства в 1960 году и о мероприятиях по дальнейшему развитию сельского хозяйства; доклад об итогах Совещания представителей коммунистических и рабочих партий.

Пленум принял постановление о созыве очередного, XXII съезда КПСС 17 октября 1961 года.

Утвержден следующий порядок дня съезда:

1) Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС — докладчик Первый секретарь ЦК КПСС тов. Хрущев Н. С.

2) Отчетный доклад Центральной Ревизионной Комиссии КПСС — докладчик председатель Ревизионной Комиссии тов. Горкин А. Ф.

3) Проект Программы КПСС — докладчик тов. Хрущев Н. С.

4) Об изменениях в Уставе КПСС — докладчик секретарь ЦК КПСС тов. Козлов Ф. Р.

5) Выборы центральных органов партии.

Вся Куба готова к отпору.

Не закрыть солнца!

На этот сброд рассчитывают американские военачальники.

На горизонте Кубы сгущаются тучи военной агрессии. Тучи идут на молодую республику с севера, из Соединенных Штатов. Американская военщина усиленно готовит вооруженную интервенцию: у берегов Кубы начались провокационные маневры военного флота США; американские агенты снабжают нанятых ими террористов оружием и взрывчаткой; на военно-морской базе Гуантанамо маршируют вооруженные отряды, и, наконец, на самой территории Соединенных Штатов формируются из подонков и негодяев наемные банды для борьбы с революционной Кубой.

Эмигрантское отребье — бывшие батистовцы, преступники, карьеристы, проворовавшиеся в новой Кубе, — все они нашли приют под крылышком империи доллара. Норвежский журнал «Актуэль» свидетельствует, что во Флориде разместились целые лагери, где их обучают будущему «мокрому делу».

Недавно журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» поведал, чем занимаются они на американской территории. Контрреволюционеры учатся обращаться с оружием и убивать; они вывозят из США на Кубу оружие; ежедневно по регулярной программе с американских радиостанций они поливают клеветой новый народный режим на Кубе; они издают на американской земле грязные листки и контрабандой переправляют их на кубинскую землю.

Людям, сбежавшим с родины, чтобы готовить заговор против ее народа, щедро помогают. «Человеколюбивая» католическая церковь отвалила этим подонкам 75 тысяч долларов! Президент Эйзенхауэр тоже не остался в стороне: из государственных средств для них было выделено 35 тысяч долларов!

Иудины сребреники надо отрабатывать. И вот один из лидеров этого сброда, де Верона, уже обещает устроить «кровавую баню» на Кубе к концу января 1961 года. Уже приходят из-за рубежа сообщения, что часть наемников отправлена из Майами в Доминиканскую республику, которая выбрана как база агрессии против Кубинской республики.

Но на Кубе народ бдительно охраняет свою свободу. Политические мертвецы в Майами рискуют превратиться в физических, если они выступят против кубинского народа.

Не закрыть американским тучам солнца свободы, взошедшего над Кубой!

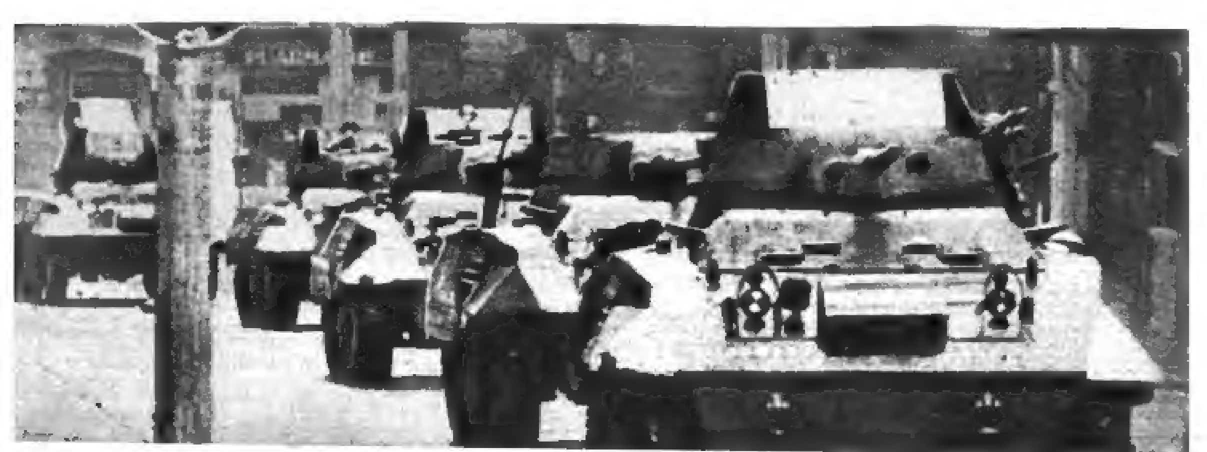
Свобода

Анна Нуньес МАЧИН

(Куба)

Вскипела кровь на улицах столицы,
сердца кубинцев жарко омывая.
И крик «Свобода!», глотки разрывая,
ростком любви на нивах колосится.
Отчизны свет нам озаряет лица.
Истерзанная, но стократ живая,
она, просторы светом заливая,
в свои объятья приняла кубинца.
Идет Фидель с цветком в кармане мятом,
пришел он гражданином и солдатом,
как символ мирных дел и нашей веры.
И мы идем, взрезая криком дали —
он в Байре прогремел в канун баталий
и розами взошел на склонах Сьерры!

Перевел с испанского Павел ГРУШКО.



Броневики как средство агитации.

ТАНКИ, КАСКИ, ПУЛИ...

Это колонизаторы называют «референдумом»

Как военный лагерь, выглядят в эти дни улицы многострадального Алжира. Солдаты и полицейские, полицейские и солдаты...

Генерал де Голль провозгласил референдум ключом к решению алжирской проблемы. Буржуазные газеты Франции ударили во все колокола, восхваляя это решение как образец «уважения личности», как свидетельство преданности существующего режима высоким идеалам свободы, равенства, братства...

Она втоптана в грязь гусеницами танков, эта свобода. Ее расстреляли легионеры и парашютисты.

Сообщения из Алжира в дни референдума напоминали сводки с театра боевых действий. Первое место в них занимал не подсчет голосов, а данные об убитых и раненых. Повсеместно происходили кровавые столкновения солдат и жандармов с патриотами. Ну, а само голосование? Вот что писал о нем корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс: «Избиратели-мусульмане в крупных городах Алжира решительно бойкотировали проводимый французами референдум».

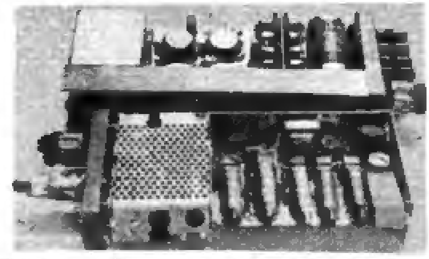
Народ Алжира героически сражается за свое право на жизнь, на человеческое достоинство. Он не ждал правды от издевательского спектакля, устроенного колонизаторами. Правда завоевывается в справедливой и мужественной борьбе против поработителей.

И им не помогут танки, каски, пули.

Правда сильнее!

Ключ или отмычка?

СПРУТ С «ТУМАННОГО ДНА»



Радиопередатчик-«маяк» со снятым кожухом.

Много красивых памятников в Вашингтоне. Возле них часто слышен шум туристских толп. Но тихо в районе «Туманного дна». Здесь на огромной территории расположился «штаб тотального шпионажа» — Центральное разведывательное управление США. Сюда не возят туристов: господин Аллен Даллес, директор «службы молчания», как он сам любит себя называть, предпочитает тишину. Но не всегда его деятельность остается незаметной. Все больше появляется в прессе материалов, разоблачающих истинные цели его ведомства.

«Пойманы с поличным» — так называется выпущенный Советским Информбюро сборник фактов о шпионаже и подрывных действиях США.

Ежегодно на шпионаж и диверсии в США тратится около трех миллиардов долларов американских налогоплательщиков.

Обычно хорошо информированный журнал «Ньюсуик» утверждает, что Соединенные Штаты «имеют на жалованье в разведке около 100 тысяч человек».

В разных школах учились разведчики, имена которых приведены в книге. Из разных стран забрасывали их на нашу землю, но конец у всех был один.

В последнее время некоторым сотрудникам американского посольства в Москве особенно «полюбилась» Россия. Они стали разъезжать по стране, вооруженные специальной аппаратурой. Не пейзажи, а линии высоковольтных передач и заводские трубы, не ширь полей, а размеры аэродромов, не морская даль, а военные корабли привлекают внимание этих господ.

В 1959 году в США создан «Информационный центр для американцев, путешествующих по Советскому Союзу». Некоторые «туристы», поддерживающие связь с этим центром, занимаются сбором шпионских сведений в СССР.

Американский «турист» Роберт Кристнер фотографировал промышленные и военные объекты в нашей стране. В блокноте у И. Каминского были найдены такие же «случайные» записи. Сведения о радарных установках и другие стратегические данные оказались и в блокноте у А. Генкера, посетившего СССР в составе делегации нефтяников США.

Большой интерес представляет раздел книги о действиях американской разведки против Кубы. В нем рассказывается о том, как «Юнайтед фрут» предоставила 8 миллионов долларов контрреволюционному батистовскому генералу Педраса; о том, как готовятся продажные элементы, чтобы свергнуть правительство Фиделя Кастро.

Книга разоблачает попытки империалистов удержать свои позиции в мире при помощи разведки и политических интриг, призывает народы, борющиеся за свое счастье, быть бдительными.

А. ФЕДОРОВ

В Москве закончились переговоры между правительственными делегациями Советского Союза и Великобритании. В ходе переговоров было заключено новое соглашение о связях в области науки, техники, образования и культуры на 1961—1962 годы и первый квартал 1963 года. Соглашение предусматривает расширение культурных связей между обеими странами.

На снимке: Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами Г. А. Жуков (справа) и заместитель министра иностранных дел Великобритании Д. Годбер во время подписания соглашения.

Фото Е. Умнова.

Бельгия клокочет

Анри ЛОРАН,
бельгийский журналист

Его звали Лоран Роддер. Ему был 31 год. В тот день он встал в ряды демонстрантов, заполнивших улицы и площади его родного Льежа. Он шагал, окруженный друзьями, и кричал «долой» правительству Эйскенса, которое замыслило взвалить на плечи рабочих новое бремя — этот «закон-несчастье». И без того уже 12 лет на военные нужды уходят миллиарды франков. А тут еще грязная война против молодой Республики Конго!

Слившись с огромной массой демонстрантов, Лоран вместе со всеми пел, скандировал лозунги. Он следил уголком глаза за жандармами — их было много, но они бездействовали.

Но вот колонны демонстрантов после митинга на площади Сен-Поль, перед зданием Всеобщей Федерации Труда, стали редеть, люди понемногу расходились. Как и все, Лоран был полон радостного возбуждения: льежцы сказали свое слово! С одной из групп рабочих он дошел до вокзала «Ле Гийемен». И тут на разрозненные группы рабочих жандармы обрушили предательский удар. Их давно томила слепая злоба: уже столько дней и ночей они вынуждены были бездействовать перед лицом мощного напора народного гнева. И когда рабочие, закончив песню, стали, как бы на прощание, дружно кричать: «Долой Эйскенса! Долой закон-несчастье!»,— жандармы ринулись на них. Посыпались удары дубинок, пошли в ход гранаты со слезоточивым газом.

Вдруг очередь из автоматов разорвала воздух. На мостовую упал человек. Это был Лоран Роддер. Пуля пробила ему легкие. Жандармы стреляли в спину. В спину!

Рабочие подняли своего товарища, отнесли его в ближайшее кафе «Отель де Юнивер». Потом карета «Скорой помощи» отвезла Роддера в больницу. Хирурги тридцать шесть часов подряд боролись за жизнь молодого рабочего, но их усилия оказались тщетными. Лоран Роддер умер, не приходя в сознание.

Дома у него остались жена и ребенок. Жена ждет второго ребенка. Он еще не родился, но он уже стал сиротой...

* * *

Почему мы рассказали об этой трагической смерти Роддера? Почему начали репортаж о бурлящей Бельгии с подлого преступления правительства Эйскенса?

Убийство Роддера отметило собой некий поворот в ходе великой забастовки. Вначале правительство надеялось сломить ее, испытав стойкость и терпение рабочего класса, пытаясь расколоть его ряды. Но этот план провалился. Забастовщики держались дружно и мужественно. Спустя две недели после начала борьбы забастовщиков было уже около миллиона. Воля трудящихся была непоколебима.

Тогда правительство прибегло к другой «тактике». Улицы и площади городов Бельгии заполнили отряды жандармов, конная полиция и броневики. Вокруг здания брюссельского парламента строились баррикады, опутанные колючей проволокой. Парк столицы превратился в военный лагерь. Из Западной Германии были отозваны отряды парашютистов. Одетые в маскировочные комбинезоны, напоминающие шкуру леопарда, они заняли общественные здания, заводы, вокзалы, мосты. Но и эта тактика ощетинившихся штыков не имела успеха. Забастовка шла своим ходом, страна оставалась парализованной.

Правительство перешло к открытому применению силы. Запахло порохом, проливалась кровь на мостовых, начались массовые аресты, избиения. Рано утром 9 января, когда Лоран Роддер умирал на больничной койке, жандармы арестовали только в Льеже сто тринадцать стачечников. Множество арестованных заполнили полицейские участки в Шарлеруа, Монса и других городах.

* * *

С помощью «закона-несчастья» правительство намерено забирать из рабочего кармана пятую часть годового бюджета Бельгии. Вот почему по всей стране зреют новые демонстрации. Семьям рабочих нелегко: ведь уже двадцать дней мужья и отцы не получают ничего! Но бельгийские трудящиеся держатся замечательно. Они вступили в четвертую неделю своей забастовки, полные решимости одержать победу.

Правительство Бельгии пустило в ход конную полицию против бастующих трудящихся.

ЖИВЫМ ОТ ИМЕНИ МЕРТВЫХ

сedатели постоянного военного комитета НАТО.

☆ Западногерманские власти продолжают покровительствовать военным преступникам. Бывший комендант нацистского концентрационного лагеря «Штутгоф» Хоппе, осужденный за военные преступления, досрочно освобожден из тюрьмы западногерманскими судебными властями.

Мы, бывшие узники лагеря Штутгоф, возмущены тем, что в Западной Германии палач Хоппе выпущен на свободу! Мы протестуем от имени десятков тысяч людей, которые не могут поставить свою подпись под этими строками. Они остались там, в Штутгофе, навеки!.. Палач Хоппе сжигал их в крематории, травил собаками, морил голодом. Им никогда больше не ходить по земле, но их тени всегда следуют за нами. Мы помним, всегда помним! И детям и внукам своим накажем помнить! Те, кого нет, хотели жить так же, как и мы. Они погибли, мы чудом уцелели. И мы несём на своих плечах груз их несвершенных надежд и чаяний...

Они завещали нам бороться за мир, за благополучие в мире, за то, чтобы Штутгоф никогда не повторился, за то, чтобы не повторились хоппе и их черные овчарки. И мы ставим под нашим письмом подписи замученных узников Штутгофа. Их почти сто тысяч!

Последний номер заключенного в Штутгофе был, кажется, 120 000. Мы говорим: «кажется», потому что восстанавливаем по памяти, перед нами нет «Книг смерти» Штутгофа! И если мы ошиблись, то ненамного. Более ста тысяч узников прошло через руки Хоппе! Когда в 1945 году Советская Армия освободила Штутгоф, там насчитывалось несколько тысяч еле живых, искалеченных, измученных узников! Искалеченных на всю жизнь...

Мы обращаемся к вам, бывшие узники Штутгофа! Помните ли вы палача Хоппе? Помните ли вы его ненавистную физиономию? Помните ли вы, как вешали детей, как нас заставляли часами стоять на морозе и петь гимн, пока Хоппе охотился за нашими товарищами? Как палачи в черных масках и в черных перчатках по приказанию Хоппе расстреливали узников в крематории? Помните ли вы камеру смертников, где за стеной выли и лаяли собаки, дожидаясь своих жертв — им бросали на растерзание живых людей? Стены этой камеры испещрены надписями на всех языках — английском, французском, немецком, русском, датском и прочих, прочих. Там были трогательные и наивные надписи, вроде «Старая Англия, добрая Англия — помоги!», и надписи гневные, полные ненависти и презрения к нацистам.

Немцы! Там, в Штутгофе, гибли ваши соотечественники. Одни умирали медленной смертью, как и мы, других привозили и тут же казнили. Их вешали рядом с крематорием на «персональной» виселице для арийцев. Но не все ли равно, на какой виселице быть повешенным? Многих привозили с мешками на голове, чтобы даже палачи не видели их лиц. И Хоппе лично руководил всеми казнями...

Еще один палач на свободе! Немцы, не будьте близорукими, помните страшные уроки войны! Помните: судьбы мира, судьбы и жизни наших детей в наших руках!.. Тот, кто освобождает таких, как Хоппе, тот развязывает черные силы новой войны, тот расчищает дорогу фашизму.

Николай КУЗНЕЦОВ, художник, лагерный номер Штутгофа	— 13 350
Леон СЛАПАК, конструктор	номера не помнит
Федор СОПРУНОВ, доктор биологических наук, профессор	23 506
Николай СИМОНЕНКО, учитель	30 049
Михаил СОЛОМОНОВ, учитель	29 735
Даниил СЕЛЮТИН, врач	30 052
Семен РОГОЖА, учитель	30 046
Александр ШЛЫКОВ, научный работник	30 063

Так появилось это письмо

...Москва. Январь. Малая Щукинская улица. Квартира профессора Сопрунова Федора Федоровича. За окнами, за тюлевыми занавесями, ночь. Горит елка. Накрыт стол. Шумят гости. Их восемь человек — все мужчины. Они сняли пиджаки. Они — на «ты», они старые знакомые. Предлагают тосты, поют песни...

Особенно гремит бас Николая Симоненко. Это плотный, коренастый человек. Ему, должно быть, под пятьдесят, а может, и за пятьдесят: он чуть медлительный, грустный. Он педагог, сегодня приехал с Черниговщины.

— А ну, Микола, стоп, не греми зазря! — вскакивает Семен Рогожа, худощавый, подвижной. Он

Бывшие узники Штутгофа — Л. Слапак, Д. Селютин, С. Рогожа, Ф. Сопрунов, Н. Симоненко, М. Соломонов. Они хорошо знают, что такое фашизм, что такое лагерь смерти и что такое настоящая дружба. Они остались в живых, но они и от имени мертвых протестуют против освобождения Хоппе.

Фото Л. Бородулина.

дирижирует поющими. Он тоже с Черниговщины, тоже педагог. У него седой ежик волос.— Хлопцы, тихо! — И вдруг резко по-немецки командует: — «halt Mund!»[1]. Это мы сейчас для тебя, Хведя, спивать будем,— обращается он к хозяину дома.— Вдвоем с Миколой, как було!.. А ну, Микола, выводи!..

Будет буря, мы поспорим,
И поборемся мы с ней.

Сопрунов откинулся на спинку стула и глядит куда-то поверх голов. Когда обрываются слова песни, Федор Федорович встает и молча обнимает певцов.

— А Саша этого не знает! — Рогожа́ опускается на свой стул и хлопает по плечу соседа — Шлыкова.— Тебя тогда не было. Федор бежал, а его поймали, повели по лагерю. Мы с Миколой около кухни стояли, видим, у парня душа вон. Ну, а как поддержать его, чтобы, значит, дух в нем воспрял, как дать знать, что мы с ним, мол, сочувствуем... Сообразили — спрятались за ящики с картофельной шелухой и пропели ему эти самые слова. Сигнал дали: держись, мол, Федор!..

— Он тогда в Штутгоф, в лагерь смертников, и угодил...

— Ну, в Гаммерштейне еще могли быть какие-то надежды на побег, а в Штутгофе...

— А я никак не могу вспомнить, братцы, как моего приемного сына фамилия была! — говорит Симоненко.— Помню, Петькой звали. Их, когда привезли в блок, я спросил: «А кто из вас пионер?». Молчат. Боятся. А этот вскочил, вытянулся. «Я, — говорит, — пионер!». Не хотел красную звездочку снять, его в Штутгоф из Гаммерштейна и перевели, как политически опасного! Я, когда в Штутгоф попал, думал найти его. Он меня все батькой звал. Я его подкармливал..

— У тебя, Микола, приемных сыков хватало...

— А те двое ребят — братишки, которых повесили? Я рисунки делал. И так отчетливо их лица помню...

Это говорит художник Николай Кузнецов. Он здесь самый молодой, ему еще нет сорока. Из школы пошел на войну. Потом плен... Штутгоф...

— И я помню! Одному лет одиннадцать было, а старшему, должно быть, лет четырнадцать. Меньшой все кричал, вырывался, а старший его уговаривал, а потом вдруг запел. Маленький удивился и затих, тут их и повесили обоих. На двойной виселице.

— Ты чего, «доходяга», загрустил? «Цуляги»[2] хочешь? Или тебе ворону поймать?! — И доктор Даниил Селютин обнимает за плечи своего соседа Михаила Соломонова — педагога.— А живучим оказался наш «доходяга», против всех правил медицины попер...

— Так я ж, братцы, почему живой? Если бы вы не подкармливали, я бы здесь не сидел. Я тогда в ревире[3] лежал, на нарах. Немецкий врач ткнул в ногу, а они у меня так отекли, что весь палец ушел. «Выписать!» — говорит. А Федор ему что-то все объясняет по-немецки, доказывает. Оставили. Я тогда с Федором и знаком не был. Ну, думаю, хороший человек, свой, советский! В другой раз опять этот немец говорит: «Выписать!» А Федор опять отстоял. А выписать — это что значит? Раздеть и на улицу, на мороз, сам дойдет на тот свет! Потому и «доходяга»!

— А Федор, между прочим, знал, что я еврей,— говорит Леон Слапак,— я лежал у него в ревире...

Мы с хозяйкой Наталией Яковлевной сидим в стороне на диване. Молчим. Я дружу с Сопруновыми и просто к ним зашла.

Федор Федорович пишет книгу, там будут главы о лагерях в Гаммерштейне и Штутгофе. Он через Комитет ветеранов войны разыскал своих товарищей по лагерю, и они собрались у него. Рогожа́ и Симоненко даже специально приехали с Украины, чтобы встретиться.

Это было третьего января нынешнего года.

— Ты, когда будешь, Федя, писать, не забудь про моего датчанина Вилли, хорошие это были ребята, датчане!

— А немец Фай? Старожил лагеря, его еще до войны заключили. Коммунист. Какой был старик! Он как-то к нам в блок зашел и говорит потихоньку: «Доживете до светлых дней, победа будет за вами!». Его Майер расстрелял. Сто человек он мог уложить сразу одного за другим, не сходя с места...

— Вы видели когда-нибудь на картине, как древние германцы возвращаются с охоты?

Этот вопрос относится к нам, сидящим на диване, к Наталии Яковлевне и ко мне.

— Торжественное шествие с собаками. Охотники несут на плечах палки, к которым привязаны за ноги убитые звери... Вот так же возвращался с охоты и Хоппе, комендант лагеря Штутгофа. Когда кто-нибудь бежал из лагеря, объявлялась охота с собаками. Овчарки были тренированы специально на людей. Из Штутгофа все равно было не убежать. Лагерь находился в треугольнике: с двух сторон — рукава Вислы, их не переплыть «доходягам», с третьей стороны — море. Эсэсовцы даже давали фору — пусть убежит подальше, а потом пускали собак. Пока шла охота, мы должны были стоять на коленях. А потом появлялось победное шествие. Во главе шел Хоппе со своей черной овчаркой, она была тренирована только на половые органы. За ним все лагерное начальство тоже с собаками, а за ними двое несли на плечах на палке беглеца, привязанного за руки и за ноги. Вернее, то, что осталось от беглеца. Его проносили по всем рядам, стараясь ударить окровавленным трупом по лицу каждого узника...

— Товарищи, встанем, почтим память тех, кто погиб! Мы ведь тоже выходцы с того света...

Восемь мужчин встают. Восемь советских граждан. Восемь отцов. Мужей...

Семен Рогожа́, он здесь самый шумливый, вдруг запевает:

Броня крепка, и танки наши
быстры...

— Наделали же вы тогда переполоху!.. До вас в лагере русских почти и не было — все больше поляки, французы, немцы, датчане. А тут вдруг колонна русских военнопленных, политических из Гаммерштейна — восемьдесят три человека...— говорит Николай Кузнецов, он из присутствующих самый старый узник Штутгофа.

— Да... Тогда на «аппельплаце» какой-то блоковый бросился нами командовать. А наш советский офицер, лейтенант — как его фамилия, никто так и не знал,— вышел из рядов: «У нас есть свой командир!» — и подал нам команду. А мы строем прошли по лагерю, гремя колодками, и пели:

Броня крепка, и танки наши
быстры,
И люди наши мужества полны,
В строю стоят советские
танкисты,
Своей любимой Родины сыны.

И снова встали восемь мужчин, скрестив над столом руки в пожатии.

— Привыкли там держаться друг за друга и здесь тянешься...

— А эсэсовцы так растерялись, что даже и не стали стрелять...

Из тех восьмидесяти трех здесь в гостях у Сопрунова Семен Рогожа́, Николай Симоненко, Даниил Селютин.

...За окнами падает снег. Дверь в соседнюю комнату закрыта. Там спят сыновья Сопрунова — школьники. Горит елка. Уже за полночь. Уже началось четвертое января 1961 года.

А седьмого января раздался звонок по телефону.

— Говорит Федор Федорович. Вы читали в газете сообщение: в ФРГ досрочно выпущен Хоппе...

— Какой Хоппе?

— Ну, тот самый Хоппе, комендант Штутгофа... Я и мои товарищи, мои гости, мы протестуем. Мы пишем письмо...

Так появилось письмо, которое я принесла в «Огонек».

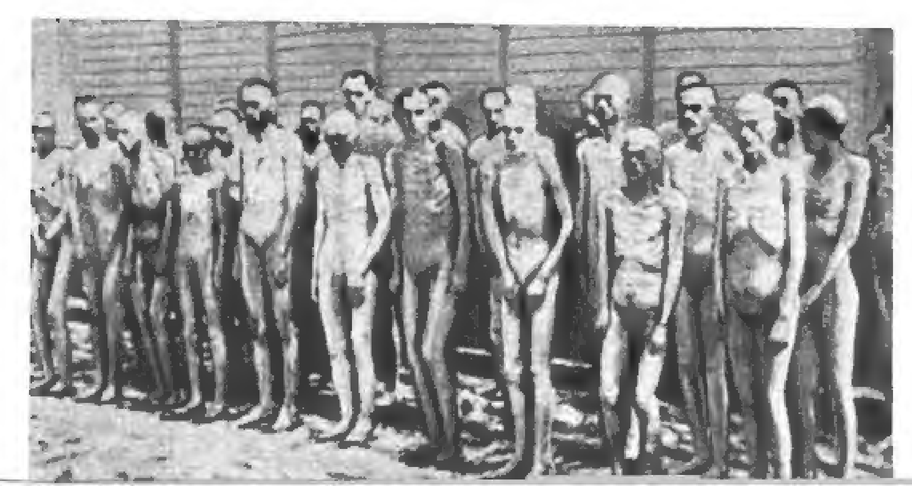
Мария БЕЛКИНА

[1] Заткни рот!

[2] Цуляга — добавочная порция.

[3] Ревир — лагерный лазарет.

Этот снимок сделан в лагере Штутгофа пятнадцать с лишним лет назад. Пусть те, кто выпустил на свободу палача Хоппе, вспомнят недалекое прошлое: десятки тысяч живых скелетов, десятки тысяч повешенных, расстрелянных, умерших от голода...



Полдневные строки

В. СОЛОУХИН

(Из книги стихов «Как выпить солнце»)

РАБОТА

Что нам надо уметь? Дрова колоть?
Исколол я их сто поленниц.
Еловые, как бы из янтаря,
Пронзенные черными сучьями
До сердцевины наискосок;
Осина — синенькая древесина —
Распадается с легким щелчком
И опрокидывается на желтый песок.
Клен хорош. Сосна неплоха.
Царские дровишки сама ольха.
(Горячи изразцы с мороза!)
Но лучше всех, конечно, береза.
Плохо колется — только клинится,
Как в печь-то она подкинется,—
Уголь мелкий, да не угарный.
Все березе мы благодарны.

Что нам надо уметь? Железо резать?
Обучал меня мастер обращенью с железом.
Сопротивленье металла преодолевая
(Умеет сопротивляться металл),
Вгрызаешься понемногу зубилом,
Напильником лишнее убираешь,
Керном бьешь его,
И сверлишь, и строгаешь,
Зажав покрепче, чтоб не убежал.
Ну, а если сталь, что так крепка,—
Не останется даже и метки,—
Вхолостую напильник скользнет, соскочит зубило
И в сторону отлетит?
Учил меня мастер: на каждую крепость
Найдется другая крепость,
Ступай в кладовку, выпиши «победит».
Что мы делали с ней, со сталью крепчайшей?
В сущности, делали всё, что хотели,
Вернее всё, что нам было нужно:
И ласкали ее наждаком и калили в огне...
Были искры, жара, цвета побежалости,
Но не было робости,
Не было жалости.
Ах, как эта работа нравилась мне!

Что нам надо уметь? Слово схватить,
Из тысячи самое точное?
И кинуть в огонь, и зажать в тиски,
Или положить его на наковальню?
И делать с ним все, что я захочу,
Вернее, все, что мне только нужно,
Чтоб оно, граненое, заблистало?
Я уж вам говорил: не похлопывая по плечу,
Обучал меня мастер обращаться с металлом.
Главное в жизни — не щадить ладоней,
Не воспитывать жалости
К чувствительной, ласковой коже их.
Смотрите,
Меняет цвета побежалости
Мой
Постепенно раскаляемый стих.
Дрова ли колоть, стога ли метать,
За другое ли браться дело,
В каждой работе должна прилипать
Рубаха к горячему телу
От первого пота,
От третьего пота,
От седьмого пота...
А иначе... какая же это работа!

ОБЛАКА

Сколько их пролетело за сорок-то дней,
Облаков над нашим селом.
Над селом, над бугром, над зеленой землей,
Над полями, где рожь,
Над садами, где яблони,
Над картошкой,
Над гречей,
Над клеверами,
Над гороховыми,
Над льняными полями —
Облака... облака... облака...
Не хватает им музыки полковой,
Барабана, кидающего в озноб,
Ибо ветер — полководец всех облаков —
Развернул их могущественно, как войска.

С дочкой смотрим мы вверх
С зеленой земли
На белые цепи,
На цепи полков,
На цепи без края и без конца,
На цепи штурмующих синеву облаков,
Белых, но с легким налетом свинца.

— Папа, угадай, а почему облака
Не бывают из молока?
— Потому что для этого было бы нужно
Очень много вкусного молока.
И к чему? Хорошо, если бы были они
Из простой, из прохладной воды дождевой,
Из золотой прозрачной воды.
Вся б трава напилась, все б цветы напились,
Все б грибы напились, колоски б напились,
И картошка,
И греча,
И клевера,
Ну, а также леса и сады.

Но который уже день над землей облака —
И не из воды и не из молока —
Совершенно бесплодны,
Совершенно пусты
Облака... облака... облака...

— Папа, а видишь, за тем леском
Стало черным-черно.
Наверно, дождик сейчас придет
Из золотой, из прозрачной воды,
Чтоб трава напилась, чтоб цветы напились,
Чтоб грибы напились, колоски напились,
И картошка,
И греча,
И клевера,
Ну, а также леса и сады.
— Что ты, девочка! Туча-то, видишь, где?
Там, куда летят облака.
Ветер ее далеко унесет,
Ветер ее в клочки разорвет.
Разве может туча встречь ветру идти,
Нет сюда этой туче пути.
Видишь, движутся к ней, окружают ее, как войска,
Облака... облака... облака...

А сосед проходил, закурить не прочь
Да и выпить тоже всегда не прочь.
Встанет,
Взглядом прищуренным взглянет
И прикинет точно,
Как метром:
— Ты девчонке голову не морочь,
Разве не видишь: гроза идет?
Туча-то эта, что за леском,
Идет со своим ветром!
— Как же так?
Как же может такое быть?
Как же может туча встречь ветру плыть,
Против ветра встать,
Белый фронт прорвать
И господствовать в небе?
Где там...
— А я говорю, что ей наплевать,
Сейчас придет и начнет поливать.
И-де-ет
Со своим ветром!

Еще спину щекочет горячий зной,
Пылью еще порошит, как золой,
А в лицо уж летит прохлада.
Все кипит вверху, как в большом котле,
Тонет белая рать в черно-синей мгле
Над полями. Над лесом. Над садом.

ЯГОДА

В зеленой лесной траве, в трех шагах от тропинки,
Выросла ягода, вызрела до черноты.
Сорвать бы... да мало ли ягод в лесу,
Не за этим пришел... три шага... да еще нагибаться...
Пусть висит! Брызнет дождик — на землю собьет,
Или птица склюет.
А ягода мне говорит:
— Не ленись, подойди, наклонись, избалованный жизнью,
Не ценящий мгновенья,
Сорви меня
И
Насладись.
Я мала, это правда. Но запахи летнего леса,
Солнца утренний лучик, упавшая в землю дождинка —
Все в меня воплотились, во мне воедино слились.
Положи меня в рот. Языком разомни меня нежно.
Через зубы меня, прохладную, процеди.
Равнодушно идущий, на солнце глядящий небрежно,
Сколько ягод осталось еще у тебя впереди?
Говорят, умирая, все прошлое перебирают:
Что видали, где были, в чем были правы-неправы.
Меж событий других,
Затемняя их и отстраняя,
Может, я-то и вспомнюсь, кивну из зеленой травы.
Может, вспомнив меня, ярко-красную, с пятнышком белым,
Перед тем как обрушится мрака последний обвал,
Не о том пожалеешь, что где-то чего-то не сделал,
А о том, что сегодня
Меня не сорвал.

Рисунки Л. Хайлова.

ОНИ ЖДУТ

Для сотен тысяч людей во всем мире стало делом чести требовать освобождения замечательного греческого патриота Манолиса Глезоса.

Но есть три человека, которые с особенно жадным нетерпением мечтают о минуте, когда перед Манолисом Глезосом откроются двери тюрьмы. Это его седая мать Андромаха Глезу, жена Тасия и пятилетний мальчик с такими же живыми черными глазами, как у Манолиса,— сын Никос.

Когда весной 1949 года Глезоса приговорили к расстрелу и прямо из здания суда отправили в камеру смертников тюрьмы «Авероф», мать его писала:

«С болью в сердце я хожу к той же тюрьме, где в годы гитлеровской оккупации сидел мой сын, и всякий раз не знаю, найду ли его живым — я, гречанка-мать, надеявшаяся, что родина оценит заслуги моего сына в движении Сопротивления. Сердце мое разрывается на части, когда я думаю обо всем этом, и я плачу. Мой сын всегда оставался верным себе. Греция всегда была в его сердце. Он всегда был готов пожертвовать своею жизнью ради отчизны. Почему же сегодня, когда в нашей стране нет больше гитлеровских оккупантов, его пять раз судили

Манолис Глезос, его сын Никос, жена Тасия и мать Андромаха. (Снимок сделан во время процесса 1959 года.)

ПО БЕЛУ СВЕТУ

Трогательная наивность

Недавно индийский еженедельник «Блитц» рассказал о том, как супружеская чета богатых американских туристов совершала поездку по Индии. Они побывали во многих городах страны, на берегах Ганга, в предгорьях величественных Гималаев. Наконец, они совершили паломничество в Агру, где возвышается прекрасный памятник зодчества XVII века — гробница Тадж-Махал.

За всю историю много замечательных слов было сказано о Тадж-Махале. О снежно-белом мраморе слагали песни поэты. Кружевные стены и стройные минареты писал с натуры Верещагин. Индийцы говорят: «Побывать в Индии и не увидеть Тадж-Махал — это все равно, что не увидеть Индию».

Американские туристы тоже отдали дань восхищения Тадж-Махалу. А когда они вернулись в гостиницу и за чашкой крепкого чая обменивались впечатлениями об увиденном, жена робко спросила своего супруга:

— Мой дорогой, как же эти индийцы смогли построить такую замечательную гробницу в столь далекие времена? Ведь мы же тогда не помогали Индии!

Поистине «необъяснимая» загадка! Американская гостья, вероятно, забыла, что египетские пирамиды и дуньхуанские храмы Китая появились на земле в те времена, когда в природе не существовало не только доллара, но и самих Соединенных Штатов!

Преступники не носят наручников

Под броским заголовком «Убийца среди нас» западногерманский журнал «Бунте иллюстрирте — Мюнхнер иллюстрирте» рассказывает, как его корреспондент Гельмут Зоре два часа ходил в наручниках по городу Штутгарту. Он не прятался, нет! Напротив, он всячески пытался привлечь внимание: покупал билеты на трамвай

и в кино, газеты, фрукты, просил прикурить и так далее. К одному молодому человеку он даже обратился с просьбой сбить наручники... И никому не пришло в голову позвать полицию!

Цель несколько необычного эксперимента заключалась в том, чтобы призвать население ФРГ к бдительности. «Быть преступником слишком легко у нас», — сообщает своим читателям журнал и добавляет, что нужно покончить с этим.

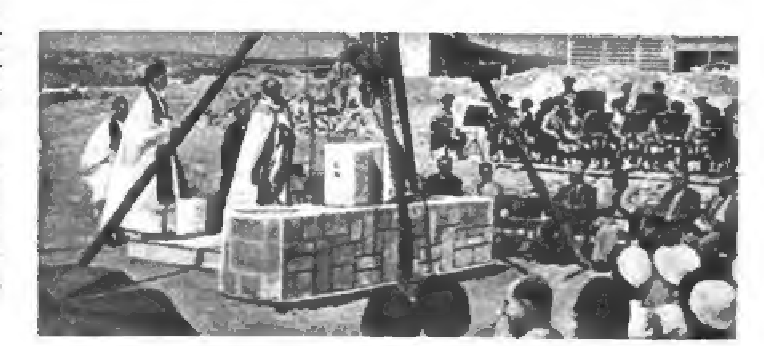
Призыв, без сомнения, важный и своевременный. Но возникает вопрос: почему же все-таки жители города Штутгарта уделили столь мало внимания «преступнику» Гельмуту Зоре?

Видимо, немцы из ФРГ уже привыкли, что люди, место которых за решеткой, в сегодняшней Западной Германии заседают в правлении концернов и банков, занимают министерские посты, командуют дивизиями бундесвера или надевают мантии судей.

Сделка с господом

Викарий Фрэнсис Джонстон совершал богослужение под аккомпанемент военного оркестра...

Церемония происходила по случаю закладки фундамента церкви для британских летчиков на острове Кипр. Вынужденная предоставить независимость своей колонии, Англия все-таки украла у киприотов часть их земли. На территории, захваченной в «суверенное» владение, разместились английские военно-воздушные базы. Нарушив христианскую заповедь «Не укради», английские руководители поспешили сотворить что-нибудь богоугодное и решили построить церковь. Осеняя крестом свои нечистые дела на Кипре, они надеются, что бог поможет им удержаться на острове. Напрасные надежды! Придет время, когда киприоты поставят крест на английских военных базах и Кипр станет полностью независимым.



Голос и подголосок

«Голос Америки»,— написано на табличке, прикрепленной к микрофону. Выступает человек, которого справедливо считали американским подголоском. Это Аднан Мендерес, бывший турецкий премьер-министр. Сегодня его судят как государственного преступника. Весьма поучительный финал!

военным судом, дважды приговаривали к смерти? За что?»

Письмо написано кровью исстрадавшегося материнского сердца. Андромахе Глезу много пришлось вынести. В памятную ночь с 30 на 31 мая 1941 года она не сомкнула глаз, дожидаясь Манолиса в маленьком домике афинского предместья. Ей одной Манолис показал лоскут от ненавистного фашистского флага, который он сорвал той ночью с флагштока на Акрополе. Мать благословила сына на борьбу, хотя хорошо знала, с каким смертельным риском связано благородное дело, которому беззаветно отдал себя Манолис Глезос. За свой подвиг он был заочно приговорен гитлеровцами к смерти. Оккупанты несколько раз арестовывали и пытали его. Еще тогда в тюрьме он заболел туберкулезом. Не один раз он был на волосок от смерти...

В конце войны на плечи Андромахи Глезу обрушилось новое страшное горе: фашисты расстреляли ее второго сына, Никоса, младшего брата Манолиса.

Гордость за своих мужественных сыновей помогла Андромахе перенести и это горе. Но вот оккупация кончилась, гитлеровцы изгнаны из Греции, а ее сын, так много сделавший для этого, снова в тюрьме.

Греческий народ вырвал Манолиса из рук палачей. Он избрал приговоренного к смерти Глезоса своим депутатом в парламент и в конце концов заставил распахнуть перед ним двери тюрьмы.

Это было в 1954 году, а четыре года спустя, 5 декабря 1958 года, греческая охранка снова арестовала Глезоса. Горе снова пришло в его семью.

После ареста Манолиса мне довелось встретиться в Афинах с женой Глезоса Тасией, и она рассказала мне, каким большим ударом был для маленького Никоса арест отца.

— Манолис очень любит сына,— говорила мне Тасия.— Как бы ни был он занят работой, он всегда находил минуту, чтоб поиграть, повозиться с мальчиком. Никос засыпал отца вопросами, а Манолис всегда рассказывал ему что-нибудь поучительное или смешное.

Когда ночью 5 декабря полицейские ворвались к нам в дом,— продолжала Тасия,— Никос спал. Они подняли его, чтобы обыскать кроватку. Мальчик испугался, расплакался и все повторял сквозь слезы:

— Уходите, уходите отсюда!

После той ночи что-то случилось с ножками ребенка. Он временами переставал ходить. Афинские врачи не могли определить, что это за болезнь, а полицейские власти не разрешали Тасии отвезти ребенка за границу, чтобы показать специалистам.

Манолис так тосковал о сыне, что Тасия поехала с мальчиком на Крит, где тогда держали Глезоса, чтобы они смогли посмотреть друг на друга хотя бы издали, через тюремную решетку.

Как-то раз в воскресенье мать спросила Никоса:

— Сегодня твой день. Куда ты хочешь поехать: к морю или в горы?

Мальчик подумал и сказал:

— Пойдем лучше в редакцию. Вдруг мы придем, а там наш папа!

Своим личным горем Тасия мало с кем делилась. А между тем из пятнадцати лет, которые прошли со дня их свадьбы, Глезос оставался на свободе менее шести лет. Все остальное время она провела в постоянном страхе за жизнь Манолиса, в борьбе за его спасение. Тасия настойчиво стучалась во все двери, требуя освобождения мужа. А по ночам она шила, чтобы заработать на жизнь, чтобы иметь возможность послать больному туберкулезом Глезосу лекарства и продукты. И никогда, ни на минуту она не позволяла себе пасть духом, даже тогда, когда тюремщики вдруг зловеще отказывались принимать передачи для «смертника»...

— Он ничуть не изменился,— говорила она.— Все такой же веселый, деятельный, неукротимый. Все так же любит людей и верит в них. Наверное, это и дает ему силы так мужественно переносить все испытания. Он всегда о ком-то заботится, всегда чем-то увлечен, даже в одиночке он ухитряется следить за тем, что делается у нас и за границей...

Тасия вспоминает, как вернулся Глезос из Москвы, с празднования 40-й годовщины Октября.

— Он приехал от вас,— говорит, улыбаясь, Тасия,— как влюбленный мальчишка, влюбленный в вашу страну, ее людей. Он мог часами рассказывать Никосу и всем нам о вашем спутнике, об атомном ледоколе, о ракетах. Раз он сказал: «Когда я состарюсь и на земле от меня не будет больше проку, я непременно полечу исследовать Луну!» Я даже обиделась тогда на него и сказала: «А как же мы? Опять будем ждать твоего возвращения?..»

Тасия помолчала, потом заговорила снова:

— Однажды произошел курьезный случай. В день, когда в Советском Союзе была запущена первая космическая ракета в направлении Луны, в тюрьму к Глезосу пришел его адвокат. Первыми словами Глезоса были: «Что нового вы слышали о ракете?» Случилось так, что адвокат еще не видел газет и ничего не слыхал о запуске ракеты. Глезос долго потешался над адвокатом и прочел ему целую лекцию.

— Я не зря добивался этого свидания,— смеялся потом адвокат.— Правда, мне почти не удалось переговорить с Глезосом о его собственном деле, но зато я так много узнал интересного о покорении космоса советскими людьми.

* * *

Борьба, которая ведется сейчас за освобождение Манолиса Глезоса, должна вернуть греческому народу его верного сына. Эта борьба вместе с тем должна вернуть матери ее любимого сына, маленькому Никосу — отца, а мужественной и самоотверженной Тасии — мужа и друга.

Л. ТЮРИНА

SOS!

Стремясь хоть как-то уменьшить утечку долларов из Соединенных Штатов, американские власти решили отправить на родину семьи военнослужащих американских баз за границей. По этому поводу английская газета «Санди таймс» замечает: «Женщины и дети, вперед! Звучит довольно мрачно». Действительно, сходство с кораблем, терпящим бедствие, заметить нетрудно. Во избежание ненужных жертв следовало бы своевременно снять с «корабля» весь экипаж.

Дела жилищные

Несмотря на острый жилищный кризис, в городе Гельзенкирхен-Буере пустуют восемнадцать новых жилых домов. Дома принадлежат «Эссенской акционерной компании по добыче каменного угля», и построены они для 150 шахтерских семей. Однако в настоящее время все эти горняки уволены с работы. Компанию захватил общий для Западной Германии кризис сбыта каменного угля. В настоящее время компания ведет переговоры с Бонном, и предполагается, что вновь отстроенный жилой квартал будет использован в качестве военного городка...

Американский петух из «Шарли-бара»

Бывают люди, о которых говорят, что у них все написано на лице. О детине, изображенном на снимке, можно сказать, что у него все написано на спине.

Взгляните! Название «Хаан эйр бэйз» — «Военно-воздушная база в Хаане»,— карта Западной Германии, самолет, вылетающий в сторону Востока...

Перед вами американский солдат из числа тех, кого воинственная политика руководителей США забросила на чужую землю. Он служит на базе американских военно-воздушных сил, расположенной в местечке Хаан, близ Лаутценхаузена, в Федеративной Республике Германии.

«Хаан» в переводе с немецкого означает «петух». Те, кому довелось наблюдать, какие драки и дебоши устраивают изо дня в день американские солдафоны на чужих территориях, согласятся, что название местечка, где находится база США, очень точно отражает характер ее хозяев...

Но слово «хаан» имеет еще и другое значение —

«курок». Да, американские военные базы на иностранных территориях — это курок пистолета, угрожающего международному миру и безопасности.

Быть может, владелец «Шарли-бара» в Лаутценхаузене, где репортер журнала «Бунте иллюстрирте — Мюнхнер иллюстрирте» сфотографировал столь живописную спину, будет сожалеть, если ему придется расстаться со своими заокеанскими клиентами. Но огромное большинство западногерманского населения придерживается другого мнения на этот счет.

Пусть самолеты с базы в Хаане и с других баз летят восвояси, заявляют американским оккупантам немцы из ФРГ. И к этому решительному голосу рано или поздно придется прислушаться деятелям Пентагона.

Броня не поможет

Президент Гватемалы Идигорас Фуэнтес разъезжает в бронированном автомобиле. Его заставило залезть туда недавнее восстание в армии, когда группа патриотически настроенных офицеров выступила против угоднического проамериканского курса правительства Гватемалы. У гватемальского президента, преемника кровавого палача Армаса, есть основание дрожать за свою судьбу: Армасу отомстила пуля патриота, сосед — диктатор Батиста на Кубе — был сброшен революцией, как на вулкане, чувствуют себя ставленники США в других странах Латинской Америки. Спасет ли Идигораса Фуэнтеса броня от народного гнева? Даже в Соединенных Штатах не взят патент на такую броню...

Скидка на политику

Центральным управлением почт и телеграфа Англии недавно выпущен новый указ: «Впредь надлежит принимать к отправке телеграфом лишь такие предложения, которые нельзя понять в двояком смысле. Исключение следует делать лишь для служебных и правительственных телеграмм». Весьма полезное исключение! При теперешнем политическом курсе от английского правительства трудно ожидать недвусмысленных телеграмм...

СТАРЫЙ

ДОБРЫЙ

ЛЕН...

В. БЕЛЕЦКАЯ

Рисунки Б. Воссарта.

Если бы вещи умели говорить, сколько важного о своем характере и свойствах рассказали бы они покупающим их людям!

«Конечно,— можете сказать вы,— синтетическим вещам есть что порассказать! Но ведь не у всех такая интересная «биография». Например, что нового узнаешь от льняных тканей?»

Не торопитесь с выводами...

Соревнование в пустыне

Это было в Средней Азии на строительстве Каракумского канала. Лето в тот год выдалось особенно жарком. Температура воздуха даже в тени доходила до пятидесяти градусов, а на солнце песок был так горяч, что казалось: поставь на него чайник — и он закипит.

В эти дни на Каракумский канал приехали научные сотрудники одной из лабораторий Института общей коммунальной гигиены Академии медицинских наук. Из какого материала лучше всего шить спецовки для работы в подобных условиях? Вот вопрос, который интересовал ученых.

Оказалось, что рабочие меньше всего ощущают жару в спецовках из льна. Опыты показали, что температура на поверхности льняных костюмов была на 5 градусов ниже, чем хлопчатобумажных, а внутри — даже на 10. И это в то время, когда повышение температуры даже на один градус болезненно ощущалось рабочими.

Испытывались и женские платья из льна, натурального шелка, хлопчатобумажных и штапельных тканей.

И что же? Лен опять занял первое место. Все платья были одного фасона, однако температура кожи у женщин, одетых в льняные платья, оказалась самой низкой, в шелковые — чуть-чуть выше, а в платьях из мадаполама и штапельного полотна сразу поднималась на 5 градусов.

А прошедшей зимой льняные ткани проходили испытания в Арктике. На этот раз у них была совсем иная задача: защитить человека от холода и пронзительного ветра. Опыты показали, что мужчины в льняном белье, поверх которого было надето фланелевое, чувствуют себя ничуть не хуже, чем... в ватном костюме. И, что самое интересное, люди, носящие льняное белье, гораздо реже простужались...

Как же объяснить эти волшебные свойства льняных тканей?

Минус волшебство

— Никакого волшебства нет,— сказала Галина Павловна Трыкова, заведующая Центральной химической лабораторией комбината имени Ленина в Костроме.— Волшебства нет,— повторила она,— есть особенности строения льняного волокна. Именно в строении волокна заложены все свойства льняных тканей: и те, которые нас радуют, и, увы, которые огорчают...

Льняное волокно состоит из множества отдельных тончайших волоконец. Каждое волоконце внутри полое. Каналы, находящиеся в волоконцах, ничтожно малы: какие-то тысячные доли микрона. Эти каналы вбирают в себя влагу.

Хлопчатобумажное волокно тоже имеет канал, но гораздо короче, шире и несколько иной формы. Поэтому хлопчатобумажная ткань мгновенно намокает, но и так же быстро высыхает. Льняное же волокно, собирая влагу, долго остается сухим, а намокая, очень медленно испаряет ее. Вот поэтому-то, когда жарко и душно, особенно полезно носить льняные платья. Ведь температура человеческого тела может поддерживаться на постоянном уровне лишь при обильном выделении и испарении влаги. Впитывает влагу лучше всего льняная ткань. В результате воздух как раз там, где одежда соприкасается с кожей, охлаждается.

Зимой же, наоборот, влагоемкость льняной ткани не охлаждает, а утепляет нас. Ведь всегда при движении на теле появляются мельчайшие капельки влаги. Попал человек на сквозняк — и готово: получил насморк.

Льняная же ткань мгновенно высушивает кожу и этим спасает нас от простуды.

— Но есть у льна одно не особенно приятное свойство — сминаемость,— продолжает рассказывать Галина Павловна.— С этой его дурной наклонностью мы успешно боремся.

Недавно Центральный научно-исследовательский институт промышленности лубяных волокон в Москве разработал новый метод придания льняной ткани несминаемой отделки.

Интересно, что вместе с несминаемостью льняная ткань получила и еще одно положительное качество: сшитые из нее вещи при стирках уже не будут больше садиться.

— Я думаю, что в этом году мы выпустим первые сотни метров такой несминаемой ткани,— говорит Галина Павловна и прибавляет: — Могу сообщить вам и еще одно радостное известие. Льняные ткани издавна славятся прочностью окраски. Тут имеет значение и то, что лен всегда красили дорогими и прочными красителями, и строение самого льняного волокна. Оно медленно и как бы неохотно воспринимает краску, но зато и с трудом отдает ее. Поэтому-то льняные ткани почти не линяют и мало выгорают. Скоро наша фабрика должна получить новые красители. Они знамениты тем, что закрепляются на ткани химическим путем, проникая в целлюлозу волокна. Таким краскам будут не страшны, как говорится, ни солнце, ни вода...

То ново, что хорошо забыто

— Посмотрите! Двухсотый номер!

Анатолий Иванович Курцев положил передо мной моток льняных ниток, тоненьких, как волосок ребенка. И на его лице я уловила блеск законной гордости: «Вот какие замечательные мастера жили в нашей Костроме!» Но он сразу же помрачнел и тихо добавил:

— Эту пряжу на кружево царице сработали. Четырнадцати-пятнадцатилетние девочки ночами пряли, многие ослепли...

В шкафах кабинета Анатолия Ивановича Курцева, заместителя председателя Костромского совнархоза, хранится не только далекое прошлое, но и сегодняшний и даже завтрашний день костромских льняных фабрик. Тут и покрывала, и известные на весь мир скатерти, и образцы материй на платья и костюмы, и новинка производства Костромского совнархоза — льняные ковры. Их стали делать совсем недавно из отходов льняного волокна, которое раньше шло лишь на мешковину да на веревки. А ковры получились — загляденье. Практичные, дешевые, красивые.

Такие ковры и льняные портьеры удивительно гармонируют с низкой малогабаритной мебелью, глиняными вазами, деревянными народными украшениями. И главное — они прекрасно моются, не собирают пыли, не разводят моли, зимой утепляют комнату, а летом создают приятную прохладу.

Словом, старинный русский город Кострома не оскудел мастерами. Недаром костромские льняные ткани были отмечены на Всемирной выставке в Брюсселе серебряной медалью.

— И все-таки народ стал забывать добрые свойства льняных тканей,— говорит Анатолий Иванович.— Прошелся я как-то по магазинам, посмотрел: мало покупает молодежь льняное постельное белье, льняные полотенца. И не потому, что льняное белье немного дороже хлопчатобумажного, просто не знает молодежь, что лен вдвое прочнее хлопчатки и, главное, гораздо полезнее для здоровья.

— Особенно своевременно вспомнить о льняных изделиях сейчас, когда народное искусство, народные рисунки, орнаменты настойчиво входят в наш быт, украшая и облагораживая его...

Проблема носового платка

Эти слова Анатолия Ивановича Курцева я вспомнила, когда просматривала вещи, отобранные на Всесоюзную выставку льняных изделий в Москве. Многие из них радуют благородством расцветок, строгостью рисунка. И все же двух вещей я так и не нашла на выставке. Это детская пеленка и самый обыкновенный носовой платок, так необходимый при гриппе.

Все знают, что дети особенно подвержены простуде. У них еще плохо развиты потовые железки, кожа тоньше и нежнее, кровеносные сосуды ближе расположены к ее поверхности. Достаточно слабого сквозняка, чтобы малыш уже начал кашлять и чихать. Профессор Института общей коммунальной гигиены Академии медицинских наук Вадковская утверждает, что употребление льняных пеленок и льняного белья сократит не только простуживаемость, но и кожные заболевания у детей. Ведь не случайно при ранениях и нарывах полезнее всего пользоваться льняными бинтами. Мягкая льняная ткань сама как бы вытягивает гной, препятствует его задержке в организме.

Пожалуй, ни одна болезнь не бывает у людей чаще, чем насморк. И гигиенические свойства льна и то, что льняные ткани можно безболезненно кипятить при стирке, говорят, что при борьбе с гриппом льняные платки гораздо полезнее хлопчатобумажных и особенно вискозных. Льняной носовой платок не безделица. И очень обидно, что наша промышленность перестала их выпускать.

* * *

Вот видите теперь, сколько важного и интересного могли бы рассказать изделия из льна! Но, увы, говорить они не умеют. Поэтому об их добром характере должны сказать врачи, инженеры-текстильщики, модельеры и обязательно продавцы, те, кто протягивает их покупателю.

М. Бельский. РАБОЧЕЕ УТРО.
Выставка «Советская Украина».

В. Чеканюк. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Выставка «Советская Украина»

Всем, кто меня слышит

Повесть

Павел ХАЛОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

II

Мы с Язепом уступили свою штурманскую каюту Вадиму и Володе и заняли очень неудобную, мрачную двухместку на баке. Кроме нашей, здесь еще три: матросская, где поместились Родионов, Степанов и те двое; трехместная каюта лаборанток и Танькина — почти такая же, как наша. Нас от нее отделяет узенький коридорчик. Если в коридорчике Танька, мы ждем, пока она уйдет: двоим стать там нельзя. Меня это даже радует: после своего позорного падения с мешком я стараюсь не попадаться Таньке на глаза. Без жертв с моей стороны не обошлось. Дело в том, что освободившуюся «пионерскую» вахту Танька в первом часу ночи поит чаем или кормит остатками от ужина. Обыкновенно в кают-компанию ходят по одному: первым ест Родионов, потом является третий механик, он долго перед этим моется и тщательно расчесывает свои короткие редкие волосы. Позже всех может прийти вахтенный штурман, то есть я. В первый же вечер, сдавая Язепу хозяйство, я предложил Родионову пойти ужинать вместе. Но он отчужденно посмотрел на меня и ждать не стал. Я наносил на карту место «Алмаза», брал радиопеленг, тоскливо соображая, что одному на камбузе мне делать нечего. Слишком хорошо мне запомнилась Танькина насмешка. Спать я лег злой и голодный. Не пошел туда и на другой день. За обедом я ловил на себе насмешливые взгляды Таньки. Она время от времени высовывалась из раздаточного окошка и поглядывала в нашу сторону. И только присутствие капитана спасало меня. Но кусок не лез в горло. Ненависть к Таньке захлестывала. Хотелось подойти к ней и сказать такое, чтобы потускнели ее зеленые глаза, чтобы она заплакала. «Корабельная дрянь, плесень!» — про себя злился я и по-прежнему старался не попадаться ей. Но судьбе есть судьба, и однажды мы с Танькой столкнулись в этом проклятом коридорчике нос к носу. Отступать было поздно.

— Здравствуйте,— хмуро поздоровался я, пятясь назад.

— Будьте здоровеньки! — Танька тряхнула своими мелкими кудряшками.— Вы что же, Владимир Павлович, вечерять не приходите? Может, не по вкусу вам стряпня моя или еще что? Так вы скажите — я приготовлю... Мыслимо ли голодным ходить!

— Спасибо, не надо...

— Сердитесь, что ли?..

— Нет... Но я просто сыт, Таня...

Туго обтянутая желтой ситцевой кофточкой Танькина острая грудь почти касалась нечищенных пуговиц моей тужурки. Надо было уйти, не стоять же здесь целый час! Но если я повернусь, то обязательно задену ее. Мое смущение нарастало. А Танька выжидающе смотрела на меня. Я только что накурился и разговаривал с ней отворачиваясь.

— Вы и смотреть на меня не желаете.— В голосе Таньки слышалась обида.

Выручил меня боцман. Он заглянул в тамбучину и позвал:

— Третий штурман! Капитан зовет!

Вдогонку Танька мне сердито прокричала:

— Сегодня если не придете, передайте, чтоб я не ждала, как дура, до двух часов! Мне в пять вставать!

— Чего это она? — участливо спросил меня боцман, когда мы поднимались на мостик.

— Не знаю.

Боцман лукаво посмотрел на меня.

— Говорили же тебе: берегись! А вообще-то девка хорошая. Не пожалеешь...

На этот раз не идти было нельзя, да и терпеливость моя иссякла. Пока я торопливо глотал гречневый суп, Танька, непривычно притихшая, сидела за соседним столиком боком ко мне и что-то вышивала. Океан бережно вздымал траулер и так же осторожно опускал его...

— Устаете, Таня?

Она недоверчиво посмотрела на меня.

— Устаю? Нет, сейчас не устаю... Вот когда на селедку ходили, уставала. Там ведь и ночью кормить ребят приходилось, да еще и с рыбой возиться... Вы рыбачили?

— Я на рефрижераторе плавал...

— А-а.— Она немного помолчала, отставила в сторону вышивку, полюбовалась ею, склонив голову набок, и насмешливо добавила: — Да вы у Коли про меня спросите или у боцмана: он знает... Он много чего знает. А еще лучше у стармеха.— Танька улыбнулась каким-то своим мыслям и засмеялась.— Только стармех не скажет: вспоминать не любит...

Стармех вспоминать не любит... Однажды уже перед самым рассветом меня разбудил какой-то шум. Говорили в Танькиной каюте. Я прислушался. Один из голосов, срывающийся на визгливый шепот, принадлежал стармеху. Другой — Таньке.

— Да уходите же, Василь Василич! О господи!

— Не нравлюсь я тебе?

— Не нравитесь. Третий год не нравитесь. И чего спрашивать!

— Кузьменко нравился, а я нет? Что же ты его тогда в теремок посадила? А штурманок этот?

— Сам он сел! Ведь знаете. Эх вы, люди! — Танька вздыхает.— Сопляк он, дорвался до казенного, остановиться не мог. Сеть нейлоновую пропил.

— А ты не на те же деньги праздновала!

— Я не спрашивала... Мужем он мне был! Понятно!

— Мужем...

Молчание.

— До сих пор жалею, не сказала тогда ему, как вы ко мне подсыпались, как проходу от вас не было... А парнишку не приплетайте: молод он для меня...

Снова молчат... Глухая возня...

— Да уходи же ты, черт слюнявый! Слышишь? Капитану скажу!

— Не скажешь: побоишься,— бормочет стармех, задыхаясь.

— Уходи, кричать буду!

Весь этот разговор я слушал, сцепив зубы. А тут не выдержал: сорвался с койки босиком, в одних трусах выскочил в коридор, резко хлопнув дверью. Голоса притаились... Я немного постоял и вышел на палубу. Чернота южной ночи сменялась мягким голубоватым светом. Кое-где поблескивали звезды. Мерно дышало море, бесшумно расступающееся перед «Алмазом». Влажная палуба приятно холодила голые ступни... Минут двадцать я стоял у борта. Мимо меня на цыпочках шмыгнул стармех. В иллюминаторах его каюты вспыхнул свет.

Чем дальше мы уходим на юг, тем синее и прозрачнее становится океан. Никак нельзя себе представить, что мятежное темно-зеленое Охотское море, к которому я так привык, и эти теплые, ласково вздыхающие волны принадлежат одному и тому же телу — Великому океану.

Где-то северо-западнее и северо-восточнее остались судоходные линии. И если неделю назад еще иногда встречались суда, то теперь море пустынно и печально. Последний дымок я видел позавчера. Капитан, которому я об этом доложил, долго следил за ним в бинокль. А потом сказал:

— Вот и все... Теперь мы одни. Здесь редко кто ходит.

Солнце неотступно висит над головой, и свет его ровный и золотистый. Особенно утром. Странно, утром в пять часов, когда оно только еще поднимается над горизонтом, лучи его уже имеют этот спокойный золотистый цвет — ровного накала, как в полдень.

Томительно тянутся дни. Ночью — дрейфы, утром — пустые сети, днем — неизменные остановки и взятие проб. Каждое утро Вадим уходит к капитану. Они запираются и разрабатывают курс на сутки. Мы идем еще южнее. Температура забортной воды — двадцать четыре градуса. Нина с анемометром в вытянутой руке ловит ветер на верхнем мостике. Но он только еле-еле вращает черные поблескивающие че[illegible]

У Нины в коробке есть пробирка с жидкостями различного цвета: от темно-бурого до светло-голубого. Это шкала цвета моря. Нина ласково поглаживает пальцем самую светлую пробирку.

— Вот наш океан. Смотри, Маша, какой задумчивый цвет. Это оттого, что в воде мало микроорганизмов...

— Позвольте, барышня, полюбопытствовать,— попросил стармех. Он долго разглядывал прибор. Потом ткнул корявым пальцем в буро-зеленую пробирку: — А это что?

— Средняя часть Охотского...

— Так... А это, голубое, то, что сейчас за бортом?

— Да,— ответила Нина.— Верно, красиво?

— Красиво, барышня... Очень красиво... Только бурое-то красивее.

— Почему? — удивилась Нина...

— Эх, наука,— вздохнул стармех.— Да ведь эта красота голубая — вода, а не море... Мертвая она. Рыбку-то пятый день в глаза не видели...

Нина со спокойной усмешкой взглянула на стармеха.

Стармех начинал злиться.

— Я, милая девушка, двадцать лет по морям катаюсь. Краси-и-во, красиво, когда сети полны!..

— Нина, берите ветер и давайте сводку,— позвал с мостика Вадим.

Лаборантка ушла. Но дед еще долго обиженно хмыкал.

Продолжение. См. «Огонек» № 2.

Следующий дрейф принес нам двести штук скумбрии. Рыбу начисто объели кальмары. Из ячеек сетей торчали одни головы и хребтинки.

— В третий раз закинул он невод — пришел невод с одними хребтинками,— провозгласил Лешка.

Стармех разыскал Нину и привел ее за руку.

— Вот вам красота ваша,— сказал он.— Сколько же здесь этой красоты, что она за три часа обглодала этих зверей?

— Кальмары умные. Видите, головы у рыб целы! Знают, что можно есть.

— Да-да, умные... Рыба защитить себя не может: башка в сетке, а они тут как тут. Мне от их ума жарко делается... Разный ум бывает.

Маша линейкой меряет каждую хребтинку, записывает что-то в огромный журнал и тоненько вздыхает:

— Хоть бы одну чешуечку найти!..

Когда Вадим и шумливый Вовка измеряют степень прозрачности океана, около них собирается весь свободный от вахты народ. Белая фарфоровая тарелка, крутясь, погружается в воду. Сухо пощелкивает счетчик. 22 метра, а тарелка все проглядывается сквозь этот колоссальный слой воды, как луна в морозную ночь.

Мы изредка обмениваемся замечаниями. Боцман солидно и уважительно покашливает, третий механик авторитетно рассуждает о неприспособленности нашего «Алмаза» к дальним переходам. Но больше всего его смущает, что наши сети пусты.

— Заработаешь в этой разведке, как же...

Однажды, когда мы с Язепом наблюдали, как лаборанты берут пробу, Иван Степанович отозвал нас в сторонку:

— Мореходы, не хотите ли искупаться? Правда, до экватора мы не дошли,— пошутил он,— но освежиться можно. Воду надо беречь: меньше на себя выльют.

Была моя вахта. Родионова, Степанова и Вовку, сознавшегося мне по секрету, что он не умеет плавать, я поставил на самом верху — следить за водой (в этом месте могут быть косатки и акулы, мы их уже не раз видели). Бинокля было два, они достались матросам. Но на лице у лаборанта так ясно выразилось страдание, что капитан, крякнув, полез вниз по трапу и принес свой великолепный цейсовский «телескоп».

Купаться в реке, даже в морском заливе — одно, и совсем другое — в океане. Бывало, входишь в речку и знаешь, сколько метров до противоположного берега, знаешь, что если «смерить дно», обязательно встанешь на него или по крайности коснешься мягкого песочного грунта. А здесь от одного только сознания, что под тобой будет несколько сотен метров воды, населенной черт знает чем, охватывает легкая дрожь.

Язеп медленно через голову стаскивал майку, аккуратно положив на край лючины[1] мичманку. Коля сбросил рабочие короткие штаны, влез на планшир, немного постоял и, взвизгнув от собственной храбрости, первым ухнул за борт. Высоко взлетели брызги. Когда он вынырнул, глаза у него испуганно округлились, он едва овладел собой, чтобы тотчас не вцепиться в штормтрап, и держался возле борта.

Из полуюта выскочила Танька.

— Они тут купаются, а я жарься в этом вонючем камбузе!

— Кто виноват, что он вонючий? — спросил стармех, лежавший на сетях вдоль левого борта.

Но Таньке некогда было отвечать. На трюм одна за другой полетели ее желтенькая ситцевая кофточка и парусиновая юбка. Она потуже повязала косынку и растерянно оглянулась. Нина с нескрываемым презрением глядела на нее. Танька смутилась. В наступившей тишине она медленно, как бы раздумывая, подошла к борту, постояла, потом резко повернулась и стремительно побежала к трапу, ведущему на [illegible]

— Девчата, а вы? — обратился я к Нине.

— Благодарю вас. Я уже вымылась под душем...

Рядом стоял Язеп. Я глянул на него. За мгновение до этого спокойное лицо Язепа, обращенное вслед убежавшей Таньке, вдруг засветилось изнутри неуловимым восторгом и изумлением.

Я оглянулся. На крыле мостика стояла Танька. Солнце облило золотом всю ее с головы до пят. Красная косынка пылала. Танька еле заметно потянулась и переступила босыми ногами: мостик накалился от жары.

— Золотая рыбка! — воскликнул кто-то сзади.

Может быть, солнце и море, может быть, отчаянная смелость сделали ее прекрасной. С палубы не видно ее рябоватого лица. Перед нами только прекрасное молодое тело. Рискованные, похожие на мужские плавки, трусики, плотный черный лифчик подчеркнули ее линии; невольно мне вспомнился тот ночной разговор. Я оглянулся, ища стармеха. Он приподнялся на локте и смотрел на Таньку, лицо его было светлым и грустным.

А Танька, словно чувствуя на себе наши взгляды, нервно повела плечами, перелезла через поручни и, как по лезвию ножа, пошла по качающейся доске, которую еще в начале станции пристроил там Вадим. Вдруг она тихонько ахнула, сильно оттолкнулась и прыгнула вниз.

Не успела еще вода сомкнуться над ней, как все оживленно загалдели, зашумели, задвигались. Я взглядом опросил у старпома разрешения — он кивнул мне,— сбросил, почти сорвал с себя одежду и, не взбираясь на планшир, махнул в воду. Следом за мной посыпались ребята. Смеющуюся рожу Лешки я увидел прямо перед собой... И тут меня что-то начало поднимать. Я даже не успел удивиться, как оказался почти на уровне борта. Потом борт стал расти, расти, и я увидел окрашенную суриком подводную часть «Алмаза». «Вот тебе и штиль! — пронеслось у меня в голове.— Океан дышит...»

— Далеко не ходить! — крикнул капитан в мегафон.

Пропитанная солнцем голубая вода, легкая, как воздух, ласково обволакивала тело. Над головой опрокинулось такое же голубое и так же пропитанное солнцем, без единого облачка, огромное небо. Замирает сердце, захватывает от высоты дух. Я ищу Таньку, но она плывет в отдалении от всех, редко, по-мужски взмахивая руками. Рядом с ней ни души...

У трапа я уступил ей дорогу. Передо мной промелькнул побледневший профиль, сверкнули розовые пятки. На щеку мне упало несколько капель. Они показались мне горячими, и я еще долго чувствовал их.

Наши вещи лежали рядом. Танька, изогнувшись, выжимала косынку. Серебро воды струилось между ее порозовевшими пальцами. И случилось так, что за одеждой мы нагнулись враз. Руки на мгновение столкнулись. Я выпрямился и встретился с ней взглядом. Ее глаза странно потемнели, тревожно и вопросительно глядели на меня. Возле рта чуть-чуть подрагивал маленький мускул. Она словно спрашивала меня: «Ну как, Володя? Как мне быть?» Губы ее готовы были улыбнуться, и я боялся, что улыбка сделает ее другой — чужой и непонятной. Никаких ослинок. Ничего вызывающего не было в ней. Я видел только эти странные глаза, они занимали почти все ее лицо.

На палубу, шумно отряхиваясь, вылезали возбужденные ребята. А я слышал, как возле моих ног отчетливо падали капли с Танькиной косынки...

Ночью начался шторм. Раз в несколько лет он бывает в этих широтах в июле.

Без десяти восемь меня разбудил Лешка. Он стоял надо мной в прорезиненном мокром плаще, на лоб из-под зюйдвестки упал мокрый, развившийся чуб. Сквозь иллюминатор сочился немощный синеватый свет. «Наверно, что-то случилось: Язеп не пришел»,— подумал я.

— Вставай, Владимир Павлович... Владимир Павлович,— тряс он меня за плечо.— Пора на вахту.

Вскакиваю, но тут же снова валюсь на койку: палуба стремительно катится куда-то вниз и вправо. Наверное, у меня оттого такой растерянный вид, что Лешка сказал:

— Шторм — девять баллов, обещают больше...

Сам он стоял как вкопанный, широко расставив ноги.

Надевать брюки пришлось лежа. Сначала одну штанину, потом другую. Когда я стал обуваться и уже натягивал правый сапог, судно резко метнулось, и я со всего маху стукнулся головой о плафон на стенке. К такой качке трудно приноровиться: взбираясь на гребень волны, задрав форштевень кверху, траулер одновременно кренится на борт.

Тошнота подкатила к горлу. В дверях каюты я еще раз крепко стукнулся о переборку плечом и ринулся вверх по трапу. В это время траулер круто полез на гребень, и меня со страшной силой вынесло к задраенным дверям тамбучины. Еле удержавшись на ногах, я выскочил на палубу. В вантах выл ветер. Громадная водяная гора, закрывая небо, росла, пучилась, загибала пенящийся гребень над левой скулой судна. Траулер вздрогнул всем корпусом: водяная гора с гулким грохотом разбилась о борт и сплошным потоком хлынула вдоль палубы. Высоко взлетали брызги и клочья пены. Я присел, держась за тамбучину, и по пояс оказался в воде. Сквозь свист и грохот шторма громкоговоритель голосом капитана отрывисто произнес.

— Штурман, шторм-леер справа!

От тамбучины к полуюту в метре над палубой тянулся тонкий стальной трос. Я вцепился в него и помчался на полуют, обжигая ладонь о стальной леер. Сзади, догоняя меня, ревела новая волна. Уже у траловой лебедки она накрыла меня с головой. Вода была теплая и синяя: я не успел закрыть глаза. В следующее мгновение мокрыми дрожащими руками мне пришлось задраивать вход в надстройку.

Пошатываясь от слабости, преодолевая дурноту, ввалился я в рубку. У правого штурманского окошка стоял капитан. Из-под его серого дождевика виднелась бело-розовая пижама. Судно держал на курсе Язеп. Вахтенного Родионова еще не было. Видно, Лешка не успел поднять его.

Язеп, не отрываясь от картушки компаса, кивком поздоровался, а капитан пытливо окинул меня взглядом.

— Как спалось?..

Наверное, вид у меня был неважный. Я понял это по тому, как вздохнул капитан. Лицо его стало озабоченным.

— Прихватило нас. Вечернюю сводку прозевали... Маленький циклончик... Вам, добрым молодцам, полезно,— шутя добавил он,— а у меня, как у старого баркаса, шпангоуты тре[illegible]...

Я плохо слышал его и старался сдавить, протолкнуть внутрь подступившую тошноту, напрягая мышцы горла, до ломоты сжимая зубы и нарочно больней упирался спиной в какой-то выключатель.

[1] Лючины — доски, которыми закрывается люк трюма.

— Володя... Володя! — позвал меня капитан.— Вы не завтракали?

Я отрицательно помотал головой.

— У вас есть пять минут, сбегайте перекусите. Там наша Татьяна...

Моей выдержки едва хватило добраться до гальюна...

Когда я вернулся, Родионова еще не было. Чтобы сменить Язепа, мне нужно отпустить ящик для бинокля, метра не два, на полтора передвинуться в сторону, упереться одной ногой в основание задней стенки рубки, а другой — в штурвальную тумбу, выждать, когда траулер замрет на мгновение на вершине гребня, опустить левую руку на рычаг руля и с последними словами Язепа:

— На румбе двести двадцать, сдал! — одним движением встать на его место.

— На румбе двести двадцать, принял!

С каким блеском, с какой четкостью эту операцию проделывал я на «Индустрии» даже при восьми баллах! Но здесь все оказалось значительно сложнее. Когда я потянулся к рулю, судно резко покатилось вниз, меня всем телом прижало к Язепу. Я вцепился в ремень на его брюках. Пришлось ждать следующего гребня...

Из рубки волны казались несколько ниже, но зато ясно были видны вскипающие буруны на их вершинах. Каждый раз, когда волна обрушивалась на палубу, лохматые клочья пены хлестко ударялись в лобовые стекла, глаза невольно сами собой прижмуривались. Стеклоочиститель не успевал очищать маленький кружок окна до следующей порции брызг и пены. Где та поразительная прозрачность и голубизна, которая всего несколько дней назад казалась такой безмятежной! Девятиметровые волны, непроницаемые, как оплывшее стекло, несли свои гребни на уровне глаз. В вантах тонко свистел ветер. Когда судно оказывалось между двумя водяными горами, ветер стихал, и было слышно, как шпигаты и штормовые лючки с храпом всасывали катившиеся наискосок по палубе остатки схлынувшей волны.

Из тамбучины выскочил Родионов. Он стремглав побежал, так же, как и я, держась за шторм-леер. Только на правой руке у него белела брезентовая рукавица, а сзади из раскрытых дверей за ним тянулся линь: Лешка привязал матроса — на всякий случай. Почти на середине пути вал настиг его. Он повернулся к нему лицом и согнулся на леере... На том месте, где был Родионов, образовался водоворот. Крыльями взмахнули полы черного резинового плаща и исчезли. «Смыло!» — замирая от ужаса, думал я. Но вода схлынула, и Родионов, смешно отряхнувшись, помчался дальше. Капитан облегченно вздохнул, а Язеп еще круче сбил мичманку на затылок...

Родионов переносил качку не легче меня. Лицо его приняло зеленовато-землистый оттенок, глаза ввалились, тонкие серые губы судорожно сжались. Принимая от меня руль, он с трудом прохрипел положенные слова...

Минут через десять капитан ушел. Язеп достал из кармана брюк бутылку с какао и жестом предложил мне. Я отказался. Тогда он, держась одной рукой за поручень у окна и запрокинув голову, стал звучно глотать коричневую пахучую жидкость. Его могучий кадык размеренно, как механический, двигался.

«Что ему нужно?» — со злобой подумал я. И вдруг вся фигура второго штурмана — и этот двигающийся кадык, и чудом держащаяся на голове мичманка, и грубый волосатый свитер, и его мертвое спокойствие возбудили во мне страшный протест.

«Какого черта он дразнит меня! Катился бы отсюда, весло кунгасное!» — мысленно проклинал я его.

Язеп допил какао, сунул пустую бутылку в карман. Потом ровно семнадцать минут возился в штурманской с картами, включал эхолот. И наконец позвал меня. По карте было видно, что резкий, почти восемнадцать метров в секунду, зюйд-вест прочно держит нас на двухтрех узлах хода, с небольшим дрейфом к осту.

— Курс держите немного бейдевинд [1] слева. Пока двести двадцать... Будет трудно — придется будить капитана...— Язеп хотел еще что-то сказать, покрутил карандаш в пальцах, помялся и передумал...

Давно уже был день, а свету не прибавилось — такие же хмурые клочья мглы неслись над самой поверхностью океана, ветер смешивал их с водяной пылью, и невозможно было понять, где кончалась вода и начиналось небо. Нас мотало из стороны в сторону, перебрасывало с гребня на гребень. «Алмаз» лез в зенит, мелко дрожа от напряжения. Иногда оголялся винт, и тогда, заглушая все внизу, так опасно гремело и лязгало, что казалось: вот-вот на куски разлетится корма... А белые турманы пены все летели и разбивались о стекла рубки...

Моя первая штормовая вахта тянулась бесконечно. Время остановилось. Как в бреду, я видел капитана, несколько раз приходившего в рубку, слышал шумное дыхание промокшего насквозь боцмана, который почему-то стоял рядом со мной и мобилизовывал последние крохи воли на борьбу с неумолимым желанием лечь вот тут же, в рубке, под ноги всем присутствующим и больше не подниматься. Попробовал было открыть окно, но вместо ветра в лицо ударила какая-то горько-соленая смесь.

За четыре часа я только несколько раз спросил рулевого, как на румбе... Каким чудом я достоял до конца, добрался до каюты, а в двадцать снова стоял в рубке, не знаю. Мне и сейчас кажется, что я никуда не уходил, а так и держался целые сутки за поручень у окошка.

Было совсем темно, в рубке царил синевато-зеленый свет от подсветки приборов, когда пришла Танька.

Я долго не мог понять, что ей нужно; оказывается, она принесла теплый манный суп в капитанском термосе — все, что ей удалось за эти два дня сварить в электрическом кипятильнике. Ни я, ни Родионов есть не могли: от одного запаха пищи начинало тошнить Таньке тяжело было стоять, держа в руке увесистый термос, а уйти, не накормив нас, ей не позволяла рыбацкая совесть. Она то жалобно упрашивала нас поесть и даже как-то умудрилась отвернуть блестящий стаканчик, то ругала нас трусами, салагами и дохлятиной, пока Родионов, на миг оторвавшись от компаса, не зашипел на нее:

— Да отвяжись ты! И без тебя тошно. Вали отсюда!..

— Ну и подыхайте тут! — обиделась Танька и ушла.

На другой день в девять сорок пять свистнули из машины. Вахтенный механик Сидоренко кричал в переговорную трубку:

— Мостик! Даю малый: подшипник греется!

— Что? — не расслышал я.

— Подшипник на валу греется! — надрывался он.— Средний даю!..

Грохот внизу ослаб. Стало сразу труднее держаться на курсе. «Алмаз» почти не выгребал против шторма...

В десять — я как раз взглянул на часы — начал раздраиваться рыбный трюм номер два. Клинья, очевидно, не забитые как следует, выскочили. Тяжелые железные шины в одно мгновение исчезли, а брезент, еле держащийся на трюме, взгорбился, вздыбился и обнажил щелястые, неплотно подогнанные красные лючины. Я даже не испугался; в воспаленном мозгу лениво роилось: «Сейчас сорвет лючины, наш конек-горбунок примет восемьдесят тонн в трюм. .»

— Трюм! Штурман, трюм! — взвизгнул Родионов.

Глаза его, налитые белым ужасом, страшно вылезали из орбит. Нас разворачивало лагом [2]. И вдруг время снова двинулось — до меня дошло, что еще немного — и конец. Я рванул ручку телеграфа — «полный вперед», еще раз — «полный вперед» (для механика это значит — давай полный, хоть умри: от хода зависит жизнь) и крикнул рулевому:

— Лево на борт!

Но «Алмаз» неумолимо катился вправо.

— Лево на борт! — уже совсем по-звериному прорычал я.— Лево на борт, идиот!

Родионов не ответил: он, как-то сломившись, оседал на пол, цепляясь руками за рулевую тумбу. Судно накренилось. Родионова оторвало от руля и швырнуло в сторону. Он обо что-то ударился и обмяк...

Лючины еще держались. Руль до отказа положен влево. Картушка компаса замерла, но сто сорок градусов не возвращались. Первое, что пришло мне в голову,— гудок. Я с трудом поймал рукоятку ревуна, похожую на стремя, потянул на себя. Густой тоскливый рев заложил уши. Я помнил, что надо включить авральную сигнализацию или по крайней мере вызвать на мостик капитана, но оторваться от руля не мог: тут я что-то еще делал, что-то хотел сделать. Взбесившийся океан, чувство одиночества придавили меня к рулю.

За спиной на щитке множество выключателей и рубильников, но какой из них авральный, я не знал.

Радист первым влетел в рубку и привычно включил аврал...

Я представил, как в машине Сидоренко остановившимися глазами смотрит на вспыхивающий красный плафон тревоги, как лихорадочно мечутся по каютам матросы, подхлестываемые звонками. Промелькнуло бледное лицо Таньки. Мой лоб покрылся холодным потом. Вот почему Язеп всегда так медленно сдавал мне вахту, вот почему капитан так часто приходит в рубку и подолгу разговаривает со мной!..

— Что здесь происходит? — звучит надо мной.

Это капитан. Он в нижней рубашке, в брюках и в сапогах.

— Трюм... Родионов...— пытаюсь объяснить я. Губы меня не слушаются.

[1] Бейдевинд левого галса — направление, когда ветер приходится слева и спереди

[2] Разворачивать лагом — ставить бортом к волне.

Капитан включает трансляцию, пальцы его дрожат, но говорит он спокойно и нарочито [redacted]:

— Второй штурман, боцман, палубные, задраить трюм номер два. Старпом — на мостик!

«Не задраить уже,— думаю я,— на палубе стоять невозможно: смоет». Но капитан продолжает распоряжаться.

— Штурман, право на борт! — металлически звучит его голос.

Я понял замысел: поставить «Алмаз» кормой на ветер, тогда волна не будет перехлестывать палубу. А капитан кричал в машину:

— Делай все, что можешь!

В рубке задребезжали крышки, приборы, лобовые стекла, двери: главный двигатель пошел вразнос. «Алмаз» рыскнул вправо. Развернувшись почти на пятке, мы подставили шторму высокую тяжелую корму и сбавили обороты.

Пока мы проводили маневр, старпом и радист унесли Родионова в радиорубку. Капитан остался на мостике и не сводил глаз с людей, пытающихся задраить трюм. Их было четверо: Язеп, Коля, боцман и лаборант Вовка. Под плащами у них ясно вырисовываются пробковые нагрудники. Только Вовка растрепанный, мокрый, в узкоплечем городском пиджачке без нагрудника. Ребята гонят его вниз, но он упорно, стоя на коленях перед трюмом, пытается натянуть тяжелый, негнущийся брезент. Я почему-то вспомнил Вовкины руки — мягкие, покрасневшие от кислот, с бледными ногтями на коротеньких пальцах. Язеп и боцман уже накладывали шину, когда брезент, рванувшись под ветром, выскользнул у лаборанта из рук, мазнул его по лицу и, хлопнув, накрыл их с головой. Золотые Вовкины очки сверкнули и отлетели к борту. Упав боком на скользкую мокрую палубу, Вовка незряче шарил вокруг себя руками и не мог встать. Теперь работают трое. Они торопятся, они знают, что кормой на ветер «Алмаз» плохо слушается руля. Коля повалился на лючины и всем телом прижал брезент. Наложены шины — остается забить клинья.

«Гах-гах-гах!» — стучит киянка боцмана.

«Гук-гук-гук!» — чем-то железным работает Язеп.

В десять двадцать, спустив на море несколько килограммов дизельного масла, чтобы сгладить волну, мы легли на прежний курс — бейдевинд левого галса.

Родионов изредка приходит в сознание. В эти короткие минуты старпом и радист пытаются узнать, что с ним случилось. Дают ему нюхать нашатырный спирт, пробуют поить теплым какао; для этой цели Танька где-то нашла резиновую грушу: ни стакан, ни ложка, ни любая другая посуда при такой качке не годится. Родионов делает несколько судорожных глотков, но тут же его рвет. Рвет с кровью. Весь его острый подбородок, поросший редкой колючей щетиной, покрылся бурыми пятнами засохшей крови. В неярком свете радиорубки это заметили не сразу. А когда Танька, поднеся ко рту руку и охнув, одними губами вылепила: «Люди добрые, кровь!»,— все притихли. Положение становилось серьезным...

За тысячи миль от родного берега, один на один с взбешенным океаном, измочаленные штормом, придавленные свалившейся на нас бедой, мы — старпом, Язеп, дед, радист, Вадим и я,— сидя и стоя кто где и кто как мог, глядели в спину капитана, который не в состоянии был повернуться к нам,— он нес ходовую штурманскую вахту. Родионова заменять некем. Степанов и те двое уже третьи сутки не выходят наверх из каюты. Я становился рулевым к Язепу на «пионерку», старпом с Колей стоят с четырех до восьми и с шестнадцати до двадцати, как обычно. Вахту второго штурмана взял на себя капитан — с ноля до четырех и с двенадцати до шестнадцати.

— Товарищи,— Иван Степанович впервые так обращался к нам.— Товарищи... Матрос Родионов опасно болен. Никто на судне не может сказать, что с ним. Судов поблизости нет: кто сунется сейчас сюда? Уйти от шторма мы не можем: он потащит нас за собой... Ближайший порт — Теоси...

— Позвольте, Иван Степанович,— вежливо перебил его Вадим.

— Не позволю: я еще не кончил... Я принимаю решение форсировать курс двести двадцать — идем в Теоси. Каждый из нас два часа после вахты должен быть у больного. Механикам придется примириться: от них зависит многое, если не все. Старшему помощнику считать не вышедших сегодня на работу уволенными и отданными под суд. Лаборанта Владимира Соболькова зачислить на должность матроса второго класса с окладом по расписанию. Особо отметить в судовом журнале проявленную Собольковым смелость в критическую для судна минуту...

— Послушайте, капитан,— несколько раздраженно заторопился Вадим.— Мы не знаем, что с матросом. Лопнул сосудик — это часто бывает, поверьте мне. Но ведь... Но мы не выполним годовой регламент. А если окажется, что болезнь не так опасна, нас обвинят в панике. Мы многим рискуем. Я...

Капитан тяжело посмотрел ему в глаза.

— Я разрешу себе напомнить вам, любезнейший Вадим Борисович, что жизнь человека на море — святая святых... Даже если вся скумбрия в мире сию минуту всплывает вверх брюхом, а Родионов в порту встанет на ноги и извинится за беспокойство,— я не могу поступить иначе. Рискуем? Мы все,— он показал рукой на нас,— мы все рискуем остаться без судна: его определенно поставят на ремонт... Радист, дайте сигнал срочности, известите управление флота.

«...Всем... Всем... Всем...

...Всем судам и радиостанциям. Всем, кто меня слышит».

«Точка — тире — тире —точка — тире — [redacted]...»

«Точка — тире — тире — точка — тире — точка...»

«Точка — тире — тире — точка — тире — точка...»

«Средний рыболовный траулер «Алмаз» ...гр. северной широты, ...гр. восточной долготы. Прошу срочной помощи... тяжело болен матрос Родионов... отсутствии борту врача болезнь установить не можем. Признаки — кровотечение изо рта, лихорадит... частые потери сознания... Всем... Всем... Всем, кто меня слышит...».

«Точка — тире — тире — точка — тире — точка...»

Дважды в жизни я слышал этот сигнал. Дважды невидимый за расстоянием радист стучался в мое сердце: «Спасите наши души, «МЭЙДЕЙ».

Как-то от нечего делать после вахты мы собрались в радиорубке «Индустрии». Радист работал с управлением, а мы потихоньку нащупывали в эфире концерт из Нагасаки: нам, будущим штурманам, это позволяли. Настроились на волну. Высокий мужской голос затосковал над морем... Вдруг радист крикнул нам: «Тише!» Подался вперед и стал напряженно вслушиваться. Мы не обратили на него внимания. Я даже сказал ему что-то вроде: «Вася, побереги нервы для объяснения с женой...» Но Вася еще раз крикнул: «Тише, вы!» Потом, сорвав с головы наушники, выскочил к нам, разъяренно выключил питание на приемник и ринулся обратно к себе. Мы недоуменно переглянулись: «Спятил хлопец...» А радист, придерживая наушники левой рукой, что-то лихорадочно писал, стучал ключом и снова писал. Когда он поднялся из-за стола с радиограммой в руках, я его не узнал: Вася — известный всей Находке болтун, «веретено кривое», как его называли на «Индустрии»,— был смертельно бледен:

— «SOS» принял...

Помню, в радиорубку стремительно вошел капитан, и мы поспешили убраться. Вскоре вся команда знала, что принят сигнал бедствия: в открытом океане горит американский танкер десяти тысяч тонн водоизмещением, идущий из Сан-Франциско с грузом нефти. В кают-компании Родька попробовал пошутить: «Чем у дяди Сэма меньше нефти, тем лучше...» Громадный электрик, отодвинув миску с супом, аккуратно положил ложку и сказал Родьке:

— Дух от тебя тяжелый идет, салага... Пахнешь плохо. Там же люди, понимаешь, люди!

Второй раз — это случилось несколько месяцев назад — я стоял на руле. Капитана вызвали в радиорубку. В трехстах милях сзади нас терпел бедствие рыболовный сейнер. Был объявлен аврал. Десять часов «Индустрия» шла на помощь сейнеру. Наши машины работали боль-

ше, чем самым полным. Никогда так четко не выполнялись команды, никогда в кубриках не было такой тишины... И все же мы опоздали: за два часа до нас команду сейнера — четырнадцать человек — снял подоспевший буксир. А «Индустрия» пришла в Петропавловск на сутки позже и не выполнила месячный план перевозок. Капитан знал об этом, когда приказал сменить курс... И вот мы сами стучимся в эфир!

«Всем... Всем... Всем, кто меня слышит...»

Ветер не ослабевал. Правда, иногда мне казалось, что уже не так круто ложится на борт «Алмаз», не так часто грохочет, оголяясь, винт. Но это только казалось: по-прежнему свистит ветер, в иллюминаторы почти не проникает свет, и стонет палуба под натиском обрушивающейся на нее воды.

Только что пережитое не прошло для меня даром: дрожали ноги, кружилась голова. Я задремал, облокотившись на стол в кают-компании. «Хлопцы, девчат надо выручать»,— это голос капитана...

Они остались в каюте на баке. А команда сама собой переселилась на корму...

Сидоренко прогудел:

— У них есть начальник, пусть сам следит.

— Начальник! — возмутился боцман.— Он из каюты своей не выходит... А за Машей бы тебе надо сходить. Ты же стрелял за ней, никого не подпускал...

— Что ты ко мне привязался? Чего тебе надо? Я за борт не хочу. Дуй туда сам!

— Я-то дуну... Эх, ты... Флотский...

В разговор глухо вступает Язеп:

— Девушек надо сюда.

Я поднимаю налитую свинцовой тяжестью голову, Язеп застегивает ремешок еще мокрой зюйдвестки. Я знаю: надо идти — и силюсь встать.

— Повремени, штурман,— басит мне боцман, но Язеп, не говоря ни слова, двигается к выходу. Иду за ним вслед. Нет, это только кажется, что иду. Ноги подгибаются, перед глазами плывут радужные мыльные пузыри, кружится голова... Боцман нарочно движется вплотную ко мне. Я чувствую на шее его горячее дыхание и думаю: «Не упаду, боцман, не бойся...» Шаг... Еще шаг... Стальная дверь выхода. В трех метрах от нее ревет океан.

Скользя на мокрых досках, повисая временами на леера, добираемся до тамбучины и один за другим ссыпаемся вниз. Каюта лаборанток заперта. На отрывистый стук Язепа никто не отвечает. Впрочем, может быть, и отвечает, да разве перекричишь рассвирепевшее море? Втроем наваливаемся на дверь. Через несколько минут мы в каюте. Пол залит чем-то скользким, душно, света нет. Из угла в угол в такт качке перекатываются банки. Боцман ловит одну из них.

— Пить хотели...

В банке ягода. Желтая жестяная крышка исковеркана и порезана ножом: девчата не смогли ее открыть...

Включаем свет, отдергиваем от коек занавески. Я нагибаюсь и встречаю жуткий, полусумасшедший взгляд Нины. Одной рукой она судорожно прижимает к груди скомканную простыню.

— Нина, мы пришли за вами... Надо перебираться на корму.

Она суетливо собирается, иногда в изнеможении откидываясь на подушку. У меня не хватает смекалки отвернуться. Поддерживая друг друга, выбираемся наверх. Я обхватываю Нину за худые широкие плечи и почти волоком тащу по палубе. С размаху мы падаем на руки Язепа и боцмана, которые принесли совсем ослабевшую Машу.

В кают-компанию Нина идет сама. Ситцевое платье мокро, прилипает к ее голым ногам. Она заметно дрожит.

— Ложитесь пока здесь,— показываю я на диван.

Нина отрицательно качает головой. Губы ее закушены до крови.

— Ложись, тебе говорят! — кричит Танька.— Никто на тебя не смотрит.

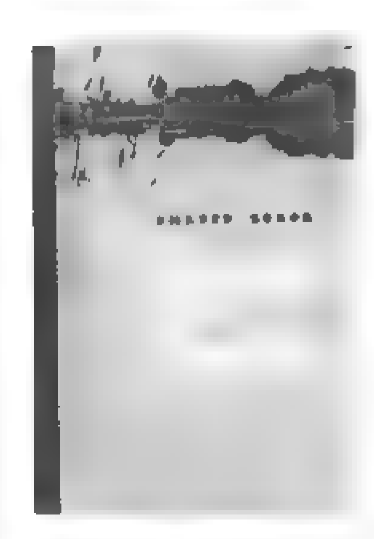
Корма переполнена. И девушек поместили в капитанскую каюту. С ними остается Танька. Провожая нас, она тянет меня за рукав:

— Владимир Павлович!.. Володя...

Но стоять невозможно, дверь с силой захлопывается сама, а я иду принимать вахту.

(Окончание следует)

Своими словами



Тракториста принимали в партию. Надо было рассказать свою биографию. Трудно ему поначалу. «А ты своими словами»,— надоумил его секретарь райкома. И вот какие простые, но замечательные слова нашел тракторист: «Моя биография как стеклышко. Первое дело — родился. Второе дело — вырос. Третье дело — работать научился. Всё!» Ответ удовлетворил товарищей.

К словам тракториста Виктор Боков прибавил от себя: «Кажется, что очень просто своими словами, а ведь может ли быть что труднее! Вот тут-то и приходит робость, когда из себя свои слова начинаешь доставать. И, как всегда бывает, если сумеешь, то обязательно народ подхватит эти слова, не раз повторит их».

Эти несколько строк из новой книги В. Бокова «Над рекой Истермой» можно отнести и к самому писателю. Скромные лирические миниатюры Бокова раскрывают важные черты душевного облика советского человека. Заметки, зарисовки, наблюдения поэта привлекают родниковым, незамутненным языком, свободой формы, подсказанной самой природой.

Боков не особенно смущается тем, что теоретикам прозы будет трудновато определить жанр его книги. Конечно, при ее чтении вспомнится чудотворец русской речи Михаил Пришвин. Он создавал в этом жанре преимущественно пейзажные зарисовки. Боков же, следуя большому художнику в его «родственном внимании» к природе, изострил свое зрение и слух в наблюдении жизненного уклада нашего современника. В его зарисовках отчетливо проступает новое. И прежде всего — глубокое уважение к труду как основе жизни.

В языке Бокова проявляется не только его мастерство, но и нешумная, глубокая любовь к Родине. Сколько бережной нежности в его описании «разговористой» речки с таинственным названием Истерма! И вот как она разговаривает, эта дивная речка: «Прислушаешься к ее московскому говору — речь чистая, не картавит, не косноязычит; не любит она задумываться и медлить, а если где и выбьет омуток или затишь, в каждом из них себе кружевных воротничков навяжет, и сколько бы вы ни стирали белья, не быть ему белее речной пены». А какие чудеса творятся у этой речки: «Когда месяц оторвется от сказочно белых вершин, вам покажется, что приняли вы новорожденного и умыли его черемуховым мылом»!

Обращаясь к родной природе, Боков остается в кругу понятий повседневного быта русского человека. Настолько мил ему этот человек, что все связанное с ним дышит первоначальной свежестью чистоты, здоровья и красоты. Природа у Бокова незримо населена людьми, гостеприимно распахнута перед ними: «Береговые ивы ложатся над водой с берега на берег, иди куда хочешь!»

Думается, что книгой «Над рекой Истермой» заинтересуется языковед, с пристальным интересом прочтет ее писатель. Но всего нужнее она молодежи. Читая книгу, юноши и девушки увидят, как прекрасен в своем богатстве родной язык, и стыдно им станет говорить убогим, суконным языком, неприятна будет им и мут-[illegible] словаря. Поредеет число любителей легкого чтива после той ни с чем не сравнимой радости, которую доставляет волшебное русское слово, так празднично играющее в поэтической прозе Бокова.

Григорий ЛЕВИН

Виктор Боков. Над рекой Истермой. Записки поэта. Изд-во «Советский писатель» 1960. 208 стр

Африка будет свободной

В связи с недавними событиями в Конго английский журнал «Нью стейтсмен» поместил гневное письмо-протест писателя Бэзила Дэвидсона против действий бельгийских военных властей.

«...Бельгийцы попали в Конго при помощи таких методов, о которых им и теперь стыдно вспомнить...» — говорится в письме.

Прогрессивный английский писатель, автор книг «Пробуждение Африки», «Старая Африка, открытая вновь», «Погибшие города Африки», хорошо изучил Черный континент. Ему он посвятил и свой новый роман «Речные пороги», где резко осуждается политика британского колониализма.

Действие романа об африканцах, восставших против колонизаторов, происходит в вымышленной стране Дельмине. Но описанные события могли произойти в любой другой колонии: английской, французской или бельгийской.

Голос Дэвидсона отличает хорошая пристрастность публициста. С откровенной симпатией пишет он о коренных африканцах — простых и добрых, цельных и серьезных, сумевших сохранить под вековым гнетом человеческое достоинство и жажду свободы. Пламенный агитатор, умный борец за свободу, Сабалу удивляет колонизаторов уверенным спокойствием, убежденностью в правоте своего дела. Обаянием интеллекта покоряет Мусомбе. В нем, интеллигенте, сочетается одухотворенность и широта взглядов с высокими душевными качествами. Недаром именно его полюбила красавица Стэлла. Девушка постепенно почувствовала разницу между Мусомбе и теми самоуверенными, нравственно опустошенными молодыми людьми из состоятельных европейских семейств, с которыми ей приходилось встречаться.

Отцу Стэллы, старому колонисту Стэнтону, решение дочери выйти замуж за негра кажется катастрофой. Однако подлинная драма для него, человека с твердыми убеждениями, наступает позже. За тридцать лет, прожитых в чужой стране, он не сумел понять ее жителей, разглядеть за их внешней покорностью растущую готовность к борьбе, смелость и решительность. Еще тяжелее ему разочаровываться в тех, кого он считал своими друзьями: играющем в либерализм губернаторе, педантичном полицейском Хансене, матером хищнике Ковальском, двоедушном Мартинсе. Постепенно и психологически точно автор подводит Стэнтона к мучительному, но единственно возможному для честного человека шагу. Стэнтон становится на сторону восставших негров. Символична одна из последних картин — чудом уцелевшие при переправе через речные пороги, на отмели стоят двое: старик Стэнтон и его черный слуга, как бы «неразделимо связанные друг с другом».

Советскому читателю близки мысли и чувства романа, который сам автор в предисловии оценил как «часть истории пробудившегося африканского народа».

А. БАСКИНА

Бэзил Дэвидсон. Речные пороги. Перевод с английского Л. Мирцевой. Изд-во иностранной литературы. Москва, 1960. 279 стр.

21.0

Не правда ли, этот дом напоминает гигантский книжный шкаф?

Сходство не только внешнее От первого до последнего этажа он набит книгами. Здесь расположено основное хранилище Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Более 21 миллиона книг, журналов и комплентов газет разместилось на полках. Если бы можно было поставить их в один ряд, полки вытянулись бы от Москвы до Ярославля.

Сколько тут народу сейчас? Сколько голов, склоненных над раскрытыми книгами? Пожалуй, начнешь считать — и собьешься со счета. В одном только этом читальном зале 460 мест. А всего таких залов в Ленинской библиотеке двадцать.

Какие только адреса не прочтете вы на бандеролях! Эти книжные посылки отправятся из Москвы в США, Францию, Китайскую Народ-

00.000 ИЗДАНИЙ

Фото А. ГОСТЕВА.

ную Республику, в Румынию, Англию, Индию, Австралию. Их рассылает далеким читателям Международный абонемент Ленинской библиотеки.

Кроме того, в порядке книгообмена с зарубежными библиотеками только в прошлом году было отправлено за границу 254 тысячи томов и получено оттуда почти 214 тысяч.

Большие окна задернуты темными шторами. В полумраке светятся экраны, на которых воспроизводятся микрофильмы. Заснятый на пленку текст уникальных, поблекших от времени изданий оживает перед читателями. Каждый год библиотека печатает около 8 миллионов кадров.

С помощью одного из таких микрофильмов читается исторический, полувековой давности номер «Правды», датированный 1912 годом.

Движутся грузовые лифты. По металлическому желобу под потолком катятся вагончики. Все они нагружены книгами. Так выглядит подвальный этаж библиотеки, похожий на заводской цех.

За окованной железом дверью своеобразный музей. Тут хранятся древние рукописи:

«Архангельское евангелие» 1096 года.

«Мариинское евангелие», писанное глаголицей.

«Русская Правда».

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина... Бессмертные памятники древне русской письменности. Тут и автографы. Кого не взволнуют собственноручные подписи Петра Первого и Ломоносова, Вальтера Скотта и Виктора Гюго, Лермонтова и Гоголя!

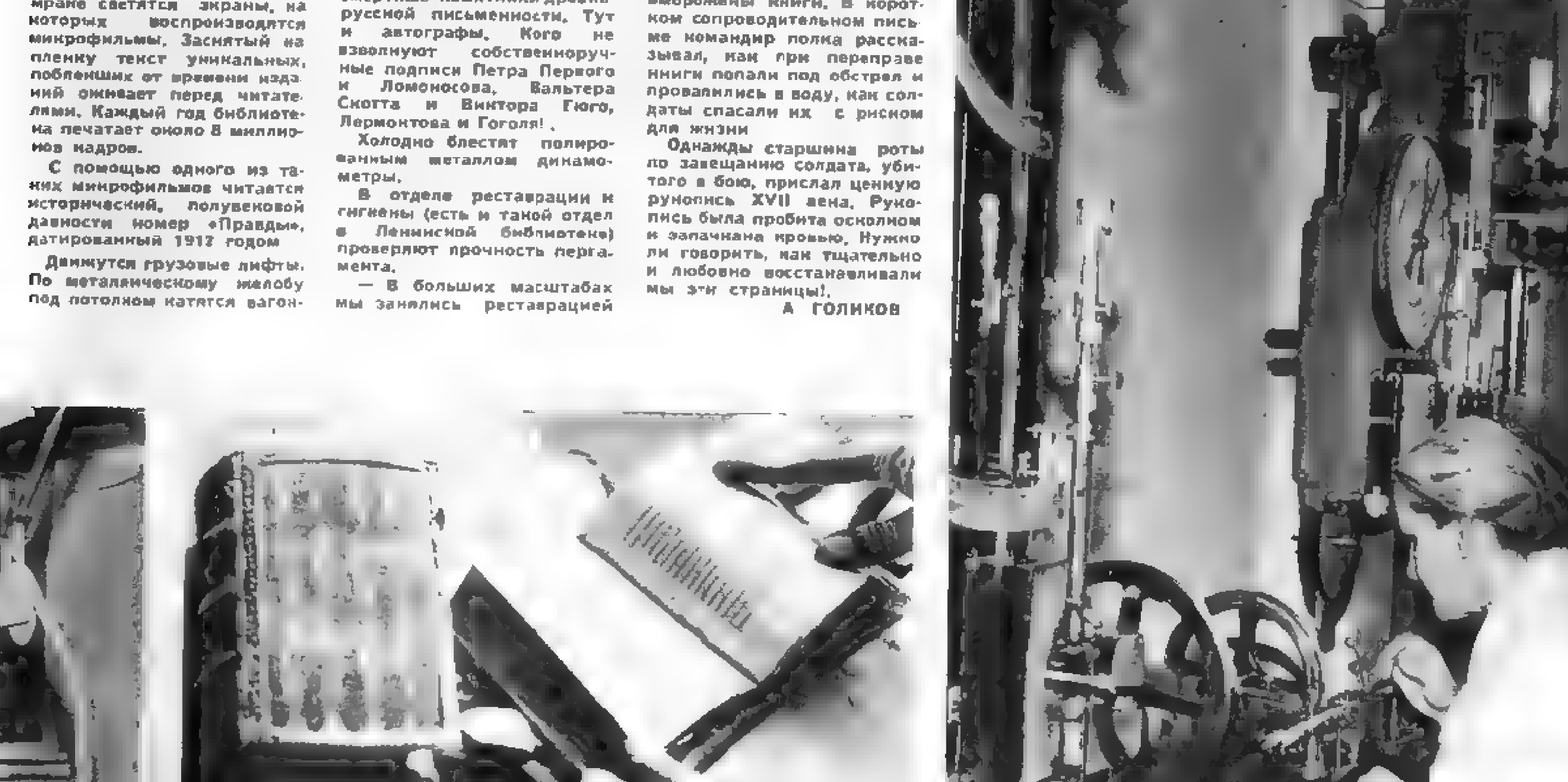
Холодно блестит полированным металлом динамометры.

В отделе реставрации и гигиены (есть и такой отдел в Ленинской библиотеке) проверяют прочность пергамента.

— В больших масштабах мы занялись реставрацией книг в годы войны,— рассказывает заведующая отделом Стефанида Хрисанфовна Иванова,— когда много книг попортилось в подвалах, куда они были спрятаны от бомбежек. Немало книг поступало и с фронта, из городов, освобожденных от фашистской оккупации. Помню, как-то зимой 1943 года в наш адрес пришло двадцать тяжеленных ящиков. Вскрыли их — и видим: глыбы льда, в которые вморожены книги. В коротком сопроводительном письме командир полка рассказывал, как при переправе книги попали под обстрел и провалились в воду, как солдаты спасали их с риском для жизни.

Однажды старшина роты по завещанию солдата, убитого в бою, прислал ценную рукопись XVII века. Рукопись была пробита осколком и запачкана кровью. Нужно ли говорить, как тщательно и любовно восстанавливали мы эти страницы!

А. ГОЛИКОВ



РЕКА ЧЕЛОВЕ

О. КУПРИН

Посмотришь на карту — дух захватывает. Вот она — Башкирия. Затейливой ниточкой вьется здесь река Белая. А вот — «славное море, священный Байкал». Тысячи километров между ними. Никогда Белая и не мечтала породниться с сибирским богатырем,— далеко он; не судьба. А человек рассудил по-своему...

Хлынула из башкирской земли нефть. Начали прокладывать русла новые «реки», неподвластные природе, реки, закованные в сталь — трубопроводы. Самую большую люди решили направить к Байкалу. По длине эта «река» сродни красавице Волге.

Стальное русло ползет на восток. Вокруг него кипит жизнь. Давайте совершим небольшое путешествие по маленькому отрезку русла будущей «нефтяной Волги».

«Люблю вас»

В нескольких десятках километров от Новосибирска есть поселок Новый Сокур. Возник он по воле авторов проекта нефтепровода. Здесь целый городок контора строительного управления, столовая, магазин, дома, дома, дома... Таков сегодня Новый Сокур. Он действительно новый. Несколько лет назад это место называлось иначе: Мокрая Елань. Она славилась непролазными болотами. Забредет, бывало, сюда теленок — пиши пропало, засосет его трясина.

Сейчас тут штаб одного из крупных подразделений армии строителей нефтепровода. В штабе всегда шумно и всегда много неотложных дел. Особенно сегодня.

...В кабинете жарко, накурено, тесно. Спор идет уже на октаву выше, чем обычно. Каждый что-то предлагает и одновременно ругает кого-либо.

Что же произошло? Закончили работу на участке почти в двести километров. В трубе вода. А тут нежданно-негаданно ударили морозы. Нужно срочно выгнать воду. Но попробуй это сделать, если связь по всей трассе нарушена. Ветер порвал провода. Восстановить связь — наипервейшая за-[redacted]

...Столбы шагают вдоль нитки нефтепровода на восток. Через овраги и болота. Через таежные дебри и по степи, где хозяйничает пронизывающий ветер. Собираюсь в дорогу с аварийной бригадой связистов.

Дорога... Смешно звучит здесь слово «дорога». Конечно, ее нет, и проехать вдоль по трассе можно только на той машине, которую вы видите на цветном снимке. Называют ее здесь по-разному: «мирная танкетка», «главгазовский бронетранспортер» или просто «ГАЗ-47».

В стальной коробке «танкетки», как говорят связисты, «Ташкент — наоборот»: сорок градусов, только не плюс, а минус. Рычит мотор. Скрежещут гусеницы. От дыхания воротники и ушанки покрываются мохнатым инеем. Смерзаются ресницы, и хочется сидеть с закрытыми глазами.

Напротив меня словно примерз к скамейке парень. На вид ему лет двадцать пять. Неотрывно смотрит в окно на провода и без конца курит. Когда он по временам снимает меховую варежку, чтобы достать очередную папиросу, я вижу на его руке татуировку «Люблю вас». Наверно, думаю, местный ухажер. Да как будто непохож на такого. Весь его облик дышит спокойствием и этакой жизненной твердостью.

Уже едем час, а он все молчит. Его сосед, техник-механик Виктор Терентьев, ежась от холода, неожиданно начинает рассказывать:

— Сейчас что!.. Летом было дело! Жара. Мы тогда восточнее работали. Там, где болота. Раз ехали ночью на «ГАЗ-69» исправлять повреждение. И вдруг — хлюсть!— сели. Трясина. Чувствуем, засасывает машину. Все ниже, ниже. Затянуло до рамы. Дальше не пошло. Одна беда миновала, а другая тут как тут. Навалился на нас комар. Задраили мы окна и паяльной лампой эту нечисть изничтожили. Сидели, как в душегубке, целую ночь. Нет, братцы, так что сегодня мы роскошно живем! — И он начал притопывать по железному полу валенками.

— Всё. Ни одного,— наконец подал голос наш молчаливый попут-[redacted]

Вечером я узнал, что означало это «Всё. Ни одного». На участке, который остался позади, связь прокладывала его бригада. Ехали час — и ни одного обрыва.

Когда тянули здесь провода, он был бригадиром, а сейчас уже мастер. Мастер связи Павел Воро-[redacted]

Вскоре сделали первую остановку. Соединили разорванные провода. Поехали дальше. Позже я узнал нехитрую историю Павла Воронова.

Никакой он, конечно, не ловелас. Хороший, работящий парень. Сменил несколько профессий. Работал столяром где-то в Ульяновской области. Служил в пограничных войсках. А теперь связист. Все у него просто и ясно.

— Каждый человек должен иметь свое дело,— говорил он.— Без этого какой же он человек? Я свое нашел. Хотите, назовите это призванием или другим каким словом, но это — самое главное. Человек должен работать так, чтобы и ему и вокруг всем было тепло. А у нас особый жар в руках нужен. На столбе в мороз, да с ветерком, изолятор в варежках не накрутишь. Настоящие связисты без рукавиц работают.

Удивительно просто он говорил о больших вещах. О призвании — и смотрел опять на провода, убегающие вдаль. О человеческой теплоте — и курил папиросы «Север», выпущенные сухумской фабрикой. О своем сыне, ровеснике семилетки, который в 1965 году пойдет в школу,— и почти по-детски улыбался.

А рука с татуировкой «Люблю вас»! Она без рукавицы навинчивала на сорокаградусном морозе изоляторы. Соединяла порванные провода. Она делала все, чтобы другим было тепло. «Люблю вас» на руке труженика — это почти как клятва друзьям, работе, мо-[redacted]

Экипаж «мирной танкетки» продолжал выполнять боевое задание...

[redacted]

— Ну зачем он так? А еще, говорят, умный человек! Перед всеми ребятами опозорил! Уеду. Держать он меня не станет. А что я ему такого страшного сказал? Подумаешь, валенки попросил! Нет, я с ним еще поговорю! Один на один! Будь он трижды начальник, а оскорблять не имеет права!..

Горечь, злость, досада — все смешалось. За один день... Да что там за день — за час все словно перевернулось. Анатолий Миронов и раньше знавал всякое. Но такого еще не было.

...Жил парнишка на юге, на берегу теплого моря в городе Жданове. Ходил в школу. Ничем как будто от других не отличался. Разве только высоким ростом да силой не совсем ребячьей. Поступил в институт. В тот самый, о котором мечтал,— в металлургический. Решил стать специалистом по сварке. Интересная и нужная штука — сварка. С большим будущим.

Пять студенческих лет пролетели быстро. Хорошие были годы. Трудновато порой приходилось. Кому объяснять, что на стипендию жить нелегко! Вечерами иногда работал грузчиком. И еще успевал заниматься спортом. Выполнил норму третьего разряда по тяжелой атлетике. Несмотря ни на что, хорошие были годы. Потом дипломная практика в Таганроге по котлостроению. Защита диплома. Оценка «отлично». Направление на строительство нефтепровода.

Юность кончилась. Поезд вез инженера Анатолия Александровича Миронова на восток. Из юности в зрелость.

А навстречу неслись другие поезда. Пассажирские и товарные. Часто мимо окон мелькали цистерны. Они вихрем проносились за окном вагона. Только колеса постукивали: «Тàта-тàта... тàта-тàта». И в этой немудреной дорожной мелодии отчетливо звучали слова: «Надо-надо... надо-надо».

Да, восточным районам страны очень нужна нефть. К концу семилетки она должна добежать по стальным трубам из Башкирии за тысячи километров к Байкалу. Экономисты подсчитали, какой это даст громадный эффект. Ведь перекачка нефти по трубопроводу почти в три раза дешевле, чем доставка ее по железной дороге. Трудно себе даже представить, сколько теряется нефти, пока ее довезут в цистернах, предположим, из Башкирии в Иркутск. Нефть испаряется, расплескивается, пропадает десятками, а может быть, сотнями известных и неизвестных нам способов. А сколько для перевозки ее нужно железнодорожных цистерн! Тысячи, десятки тысяч! А тут труба. Побежит нефть на восток исполинской «рекой». Невозможно перечислить все сибирские предприятия, которые ждут ее. Под Иркутском и под Красноярском два завода будут перерабатывать башкирскую нефть.

Но пока за окном вагона мелькают цистерны и настойчиво поют свою песню: «Надо-надо...»

Молодого инженера принял начальник СУ-3 Дмитрий Андреевич Юрков.

— Посылаем вас на четвертый участок. Мастером на площадку. Будете заниматься поворотной сваркой. И вообще хозяйничайте. До вас там был хороший товарищ, бывший подполковник. Мы его послали учиться. Принимайтесь за дело,— улыбнулся и протянул руку.

Легко сказать — принимайтесь за дело! Как вести сварку на трубопроводе, в институте не учили. А здесь своя специфика. Начал присматриваться: в общем-то не так уж все сложно. Площадка — это база участка. Тут трубы сваривают в плети на полуавтоматах. Не очень хитрая машина вертит трубу. Около нее сварщик. Стоит и варит. Самое трудное начинается потом. Плети везут на трассу. А там слово за потолочниками. Плети центруют и сваривают в нитку. Нитку уже не покрутишь. Крутиться приходится самому сварщику. Самое тяжелое — варить трубу снизу. Нужно лечь на землю и варить шов над собой. Поэтому и называется такой сварщик потолочником.

Одно Миронов понял сразу: работа по технологии хоть и не очень сложная, зато трудоемкая. Шутка сказать — нефтепровод! Стоило бы начальству побольше внимания уделять трассовикам. И ему, Миронову, тоже.

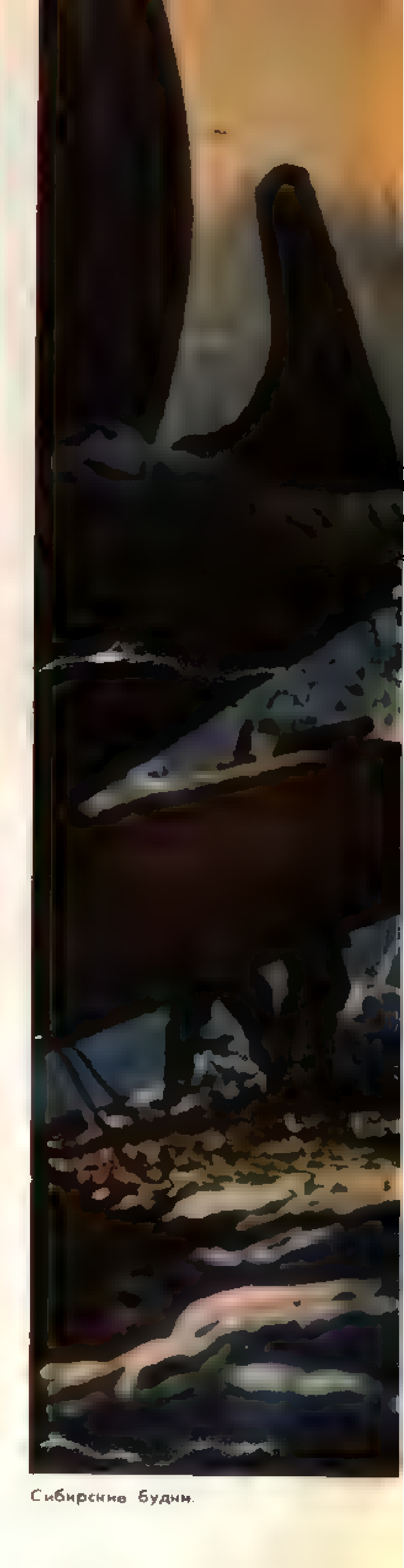
Приехал как-то на участок тот

Мирная «танкетка» на марше..

Фото В. ТАРАСЕВИЧА

ЧЕСКИХ ДЕЛ

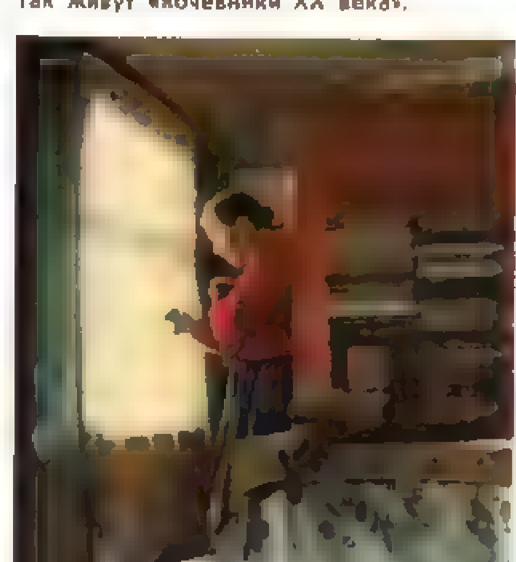
Ас потолочников Владимир Сальков.



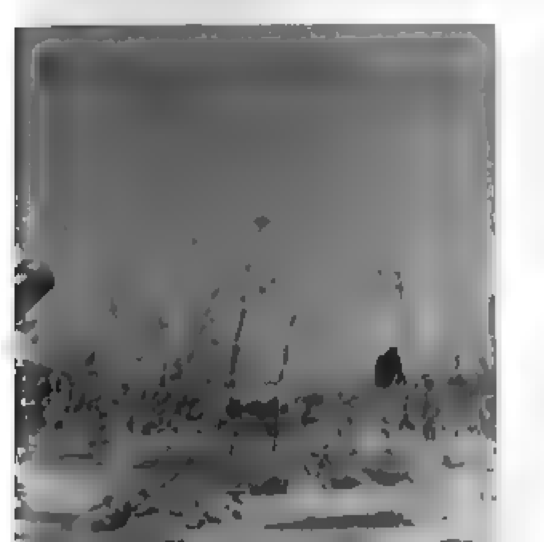
Сибирские будни.

В Новом Сокуре — минус 39°

Так живут «кочевники XX века».



Русло нефтяной Волги в воздухе.



«Не трусь, косой! Теперь не замерзнешь!»

Трасса живет.

ед готов!

самый Юрков, что определил его сюда. Анатолий и выложил ему все свои претензии: мол, что там думают в тресте? Хорошо им в Москве в тепле сидеть, а тут рабочим зарплату задержали. Вошел молодой инженер в раж, наговорил с три короба лишнего, чего толком и не знал. Начальник управления долго беседовал с ним. Спокойно, не спеша. Все это не так просто. И в тресте, дескать, не дураки сидят. Короче говоря, площадка не санаторий, где все по первому требованию является, а очень трудный участок, иногда и потерпеть и подождать придется. Что касается зарплаты — дело поправимое. Поговорил и уехал.

Прошел месяц. Подсыпало снега. Ударили морозы. Да еще какие! Ребята вырядились в полушубки. Закрутила, засвистела над площадкой вьюга. Тут и началась вся эта история с валенками.

Конечно, сам виноват: ехал в Сибирь в том, в чем в Жданове в институт бегал. Хорошо, хоть телогрейку купил. Но вот сапоги явно не сибирская обувь. А валенки такого большого размера, какой нужен Миронову, купить — пробле-[redacted]

В один из хмурых метельных дней появился на площадке все тот же Юрков. Миронов сидел в красном уголке и ел мороженую колбасу с хлебом, как сахаром, припорошенным кристалликами льда. Сидел злой и обиженный на весь свет. В просторной комнате было тесновато: все пришли погреться и коллективно поругать мороз и начальство, которое в теплых кабинетах. А начальство тут как тут.

— Почему не работаете? Почему в мастерской грязь? Почему красный уголок превратили в свинарник? Обедать надо в столовой.— Последние слова относились к Миронову.

— А что, неприятно смотреть, как мастер мерзлую колбасу ест и льдом закусывает? — огрызнулся Миронов.

— Тоже мне, хозяин! — Реплика мастера, видно, здорово кольнула Юркова.— Кухня у вас есть. А вы себе же обеда сварить не можете. Позор! Мерзлую колбасу жуете! По красным уголкам хоронитесь!

— А я, например, по морозу в сапогах щеголять не намерен. Обеспечьте меня валенками, а потом требуйте работу! — В эту минуту молодой мастер, может быть, даже считал себя героем.

— Нет, вы послушайте, какой маменькин сынок на нашу голову свалился! — В голосе Юркова был искренний гнев, и начальник не скупился на гиперболы.— Работу развалил! Люди у него у печки греются! А сам слезу пускает. Ему утром завтрак горячий подавай. И чтоб в столовой жара была. И чтоб добрый дядя ему на ноги валенки надел. А ведь все его забота: и обед и столовая. И валенками мастеров обеспечивать управление не обязано. Сами покупают.

Рабочие по одному, по двое молча поднимались и выходили на мороз, аккуратно закрывая за собой дверь.

— Я же по-человечески говорю,— без прежней заносчивости бормотал Миронов,— без валенок воспаление легких подхватить недолго.

«Все здесь замерло до утра...»

— Смотрите, сосунок какой! — не унимался начальник.— Не успел приехать и морозов настоящих понюхать, а уже хнычет.

Красный уголок опустел. Миронов доедал мороженую колбасу. Руки у него дрожали.

— Если не нравлюсь вам, так и скажите,— с трудом выдавил он из себя.

— Очень не нравишься.

— Хорошо,— мрачно и со смыслом бросил мастер, видимо, решив, что через несколько дней его уволят, и решительно шагнул к двери.

Весь день он мерз у стеллажей с трубами на поворотной сварке и все думал: «Уеду! Ну его к лешему, этот нефтепровод!» Ребята-сварщики в тот день переругались между собой. Особенно отличался местный заводила — бригадир со взъерошенным рыжим чубом и страшной фамилией — Шакалов. Работали с остервенением, изредка перебрасываясь обидными, крепкими словами. Греться в красный уголок уже никто не ходил.

И вдруг крики, смех, суета. В красный уголок ввалилась гогочущая ватага. Впереди все тот же Шакалов, в руках у него здоровенный заяц. Как не бывало ссоры, и слова другие зазвучали. Каждый тянулся к косому погладить, потрепать его за уши. Внимательно изучали его глаза и заиндевевшие усы. Была во всем этом та почти детская непосредственность, которая не оставит спокойным самое заскорузлое сердце.

— Стали мы поднимать трубу,— с жаром рассказывал чубатый бригадир,— смотрим, внутри что-то копошится! Мы к трубе с двух сторон. А он сидит и ушами двигает. От ветра прячется. Замерз как цуцик.

Так всегда бывает в большом и трудном деле: работает человек, кажется, ничто не сможет его тронуть, растормошить, осветить лицо улыбкой. А случись порой какая-нибудь мелочь — куда уходит мрачность, грубость. Расцветают вдруг робким подснежником самые обычные людские чувства. И становится тепло вокруг.

...Через два дня на площадку прикатили «боевые соратники» Юркова. «Зам. по тылу» великан Добровольский и всезнающий парторг Курченко. Они приехали в летучке и привезли много всякого добра. В том числе и большие валенки лично мастеру Миронову.

У истока проблем

Есть у Д. А. Юркова маленькая записная книжечка в синей обложке. В ней список всех управленческих проблем. Едет он по трассе, останавливается в каждой бригаде. Список растет и растет. И, может, на первый взгляд кажется, что иная проблема выеденного яйца не стоит, а копни ее — тут тебе и производство, и идеология, и психология. Все что угодно.

Взять те же мироновские валенки. Как будто ерунда, мелочь. Для кого как. Вернулся Юрков в управление, вызвал в кабинет своих помощников, тех самых, что через два дня приехали на площадку четвертого участка, и появилась на столе записная книжечка в синей обложке. Чем сильнее лютует мороз на трассе, тем жарче разговоры в кабинете начальника СУ. Так и на этот раз: проблемы, проблемы, проблемы... И среди десятка других — валенки для мастера Миронова. По поводу этих валенок начальнику и с парторгом пришлось вести серьезный разговор. Любопытный человек — Николай Иванович Курченко, секретарь партийной организации. Все знает. О чем захочешь, о том и расскажет. Интересуешься международными событиями — пожалуйста, во всех подробностях. Спросишь, как идут дела в подшефном колхозе,— обязательно скажет, сколько там коров, в каком состоянии техника, вытащит из кармана несколько зерен, покажет — семенные.

Завел однажды с ним кто-то спор об исламе — парторг моментально положил соперника на лопатки. Оказалось, по образованию он историк. Об этом на трассе мало кто знает. Зато все чувствуют: есть в парторге «ученая» жилка. Говорит он с людьми понятно, живо, а то вдруг как загнет, например, такое: «Потребность в газете не зависит от степени утомляемости организма».

Состоялась у него беседа и с Мироновым. Все здесь было: и быт, и производственные дела, и педагогика, и даже философия.

— Не враг он тебе — Юрков, пойми ты, образованная твоя голова! Поставь себя на его место. Думаешь, он не знает, что работать в морозы трудно? Знает, потому и мечется по трассе день и ночь. Он тебе о своих бедах не очень-то рассказывает, потому что не место здесь плакать. А ты с того и начал, что о своей персоне заговорил. Ты же народ воспитывать должен. Тут волевые люди нужны. Что такое трасса, по-твоему? Река характеров. Речка бурная. Берега должны быть гранитные. А берега — дисциплина. Не какая-то там персональная дисциплина для начальника и неначальника, а коллективная. Понял? Около этой трубы и железок разных человек новый растет, коммунизм рождается. А ты — валенки, валенки... Прислал он тебе валенки. Не человек, что ли, не понимает? И черт тебя дернул поставить эти самые валенки на принципиальную высоту!..

А «газик» начальника СУ-3 тем временем пробирался среди высоких сугробов на следующий участок к новым проблемам, к новым неразрешенным вопросам. И сам Юрков, обращаясь к своим попутчикам, говорил:

— А из этого Миронова хороший мастер получится. Вот увидите...

Неизвестно, что лучше нужно знать начальнику, чтобы ответить на все многотрудные вопросы стройки: технологию сварочного производства или психологию сварщиков? Почти каждый вопрос — своего рода психологическая атака. Нужно всегда быть готовым к ней.

Вот он стоит у трубы, высокий, подтянутый человек средних лет с хитрыми-хитрыми глазами. Его окружили рабочие. Злой ветер бросает в лицо колючий снег. Мороз совсем уж распоясался. Ребята зябко ежатся, надвигают на самые глаза ушанки, притопывают валенками. А начальник будто и не замечает мороза. Шапка на затылке, воротник он и не думает поднимать.

Если вы подумаете, что ему не холодно, то ошибетесь. Это просто своего рода психологическая контратака. Покажи, что замерз, подними воротник — сварщики совсем иначе разговаривать будут. Обязательно заведут речь о теплых кабинетах.

— Дмитрий Андреевич, можно вас спросить? — Юрков уже тысячи раз слышал эту фразу. На трассе хлебом не корми, дай задать вопрос начальству. Вопросы бывают разные: толковые, бестолковые, смешные, сложные. И на все нужно ответить. А как бы хотелось Юркову, чтобы на некоторые вопросы отвечал кто-либо другой! Какой-нибудь начальник рангом повыше!..

— Дмитрий Андреевич, скажите, пожалуйста: почему в Москве думают, что нашего брата моториста зима, как родная мать, любит, а перешли мы, скажем, в потолочники или машинисты — уже нежности ее к нам нет?

Вопрос явно с подвохом. Сразу даже не поймешь, в чем дело.

— Так оно и выходит. Потолочнику и машинисту полагается как спецодежда полушубок, а нам, мотористам, нет. Верно, думают, что нас мороз греет, а ветер обдувает, чтобы жарко не было. На деле получается, как будто мы люди вроде как второго сорта. Не такие ценные. Правильно это или нет?

— А как сам думаешь?

— Шучу я...

— А зачем такие вопросы задаешь?

— Как же не задавать? Я вам вопросик, а вы еще кому-нибудь. Глядишь, польза будет.

Не знаю, задал ли кому-нибудь этот вопрос Юрков. Если нет, то стоит задать.

Правда, почему одним полушубок по инструкции положен, а другим нет? Работают-то они рядом! Какой научно-исследовательский институт установил, что сварщик должен носить валенки именно два года? Почему бы тому же институту не придумать какую-нибудь универсальную конструкцию взамен парусиновых палаточек на проволочных каркасах, которые сибирский ветер иногда по ошибке принимает за перекати-поле? Разве столь уж сложна проблема: как сделать, чтобы потолочник зимой не валялся в снегу? Весной применяются специальные резиновые подстилки, но лежать на них зимой хуже, чем на снегу.

...Уже под вечер мы добрались до площадки второго участка. Догорал закат. Трубоукладчики со своими вздыбленными кранами, штабеля труб, гаснущие костры, подле которых днем греются рабочие,— все, вместе взятое, на фоне последних сполохов уходящего дня рисовалось сказочной, таинственной, фантастической картиной.

На этом участке площадка непохожа на соседние. Устроена она по-новому, но скоро и остальные станут такими же. Здесь раскинулся целый городок маленьких удобных вагончиков на полозьях. Городок, как забором, огорожен толстыми трубами.

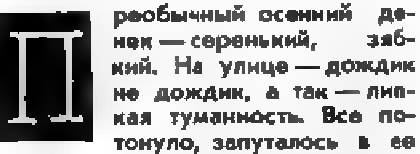
В каждом домике две комнаты, на шесть человек каждая. На участке хорошая столовая с проворной хозяйкой Марией Ионовой. Есть магазин, регулярно перевыполняющий план. Издалека видны ночью огоньки в домиках «кочевников XX века» — строителей нефтепровода. Искрится маленькими светлячками и манит теплом притихшая на ночь в промерзшей степи река человеческих судеб.

...Стальное «русло нефтяной Волги» все ползет и ползет на восток.

Как я был на по

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.



Преобычный осенний денек — серенький, зябкий. На улице — дождик не дождик, а так — липкая туманность. Все потонуло, запуталось в ее тонкой паутинной пряже: и дома, и темнеющие за ними нагие сады, и река внизу, и луга за рекой с многочисленными стожками сена, и лес в конце лугов.

По грейдеру, разрезающему село на две равные части и одновременно являющемуся главной улицей, или проспектом, как не то в шутку, не то всерьез величают его здесь, взад-вперед проносятся грузовики, автобусы и легковые машины.

Грузовики везут на рынок и заготовительные пункты картошку, капусту; свежий, сочный, холодный дух капусты пропитал, кажется, насытил весь здешний мир, и коровы на колхозной ферме беспокойно мычат, вожделенно раздувают ноздри: им, коровам, должно быть, очень хочется подцепить тронутый морозцем упоительно лакомый капустный лист, оброненный на дороге.

В автобусах разный люд. Главным образом молодежь, а из молодежи — девушки. Не нужно быть провидцем, чтобы догадаться, кто они и куда спешат. Это большей частью доярки. Они только что из правления. Там, перед маленьким окошком, расписались в ведомости — и прямо в автобус, благо, останавливается он возле самого правления. Через час этих розовощеких красавиц вы можете увидеть в магазинах города Брян-[redacted].

Легковые машины — чаще всего «Волги» — с шашечками на сияющих боках проносятся мимо моего окна стремительно, вспугивая сполошный крик гусей, кур и свиней, и не без труда определишь, кто же их пассажиры. Но все-таки определишь: это мчатся прямо с вокзала в родные свои края отпускники — среди них офицеры, золото погон вспыхнет на мгновение и там выдаст про-[redacted]

Обычный осенний денек.

Обычный? Погоди, погоди, а это что же такое?

Вдоль улицы, по сю и по ту ее сторону, мимо заборов и плетней, мимо свежих срубов, мимо правления и сельского Совета, мимо клуба, мимо горланившего на весь белый свет репродуктора, мимо афиш, извещающих о том, что там-то и тот-то во столько-то часов прочтет лекцию о Луне, мимо школы, и, лишь ненадолго притормаживая у магазина, движется цепочка старух. Старухи закутаны в черные теплые шали, из-под ватников видны длинные темные юбки, в руках — по одному, а то и по два узелка. Что же это за шествие?

Я отрываюсь от письменного стола и вопросительно гляжу на Дорофеевну, мою семидесятисемилетнюю квартирную хозяйку. Она тоже чем-то озабочена, вытаскивает из сундука черную шаль, что-то бормочет себе под нос, видать, очень торопится. На столе, против печки, узелок. Из него нахально и, похоже, очень некстати высунулась красная, снегиревая головка четвертинки. Хозяйка, косясь на меня, пытается незаметно замаскировать, упрятать эту головку, но у нее ничего не получается. Я смеюсь:

— Зачем вы ее прячете, Дорофеевна? Аль отыму?

— А кто знает, может, и отымешь,— смущенно отшучивается она.

Я продолжаю вопросительно наблюдать за ее сборами. Она это чувствует и говорит сердито:

— Родительский день нынче. Помянуть надо.

— Куда же вы?

— Известно, куда. На могилки.

— Так и я с вами.

Она недоверчиво смотрит на меня. Но потом, убедившись, что не шучу, соглашается.

— Что ж, пойдем,— сказала, подумала минуту, прибавила строго и наставительно, не скрывая упрека в совершенно определенный адрес: — Родителей поминать надо. Помнить!

И вот мы — Дорофеевна и я — включаемся в общую цепочку и движемся в одном с ней направлении. Впереди спорым, частым шагом, взявшись под руки, идут две бабушки. Идут и все время бойко разговаривают. Мы становимся невольными слушателями их беседы. Беседа отнюдь не о потустороннем мире. Земные дела заботят наших спутниц. Дорог шифер, да и трудно его достать. С лесом полегче маленько стало. Сорок, вишь, рублей за кубометр. А с крышей — прямо беда, хоть плачь. Соломой ныне уж никто не кроет, да и мало ее, соломы: вся на подстилку свиньям да телятам уходит на фермах. Шифером — оно и красивше и понадежней будет. Не худо б и железом, да где ж его, милая, возьмешь? Можно бы и тесом, дранкой, но молодежь хочет, как бы покрепче да повидней. Ведь она нынче какая, молодежь-то? Сладу с ней нет — нас, стариков, и слушать не хочет. Одним словом, образованные!

В сыром воздухе, то близко, то далеко, а в общем по всему селу, раздается сочный и вязкий хряск топора. То в одном, то в другом месте белыми птицами вспархивают щепки. Возле многих стареньких избушек стоят свежие срубы. И старушка-изба подслеповато и обреченно глядит на быстро вырастающую красавицу, призванную сменить ее, отслужившую свой век. От некоторых ее соседок, таких же древних и неказистых, осталось одно лишь воспоминание: на их месте стоят свежие и молодые, как невесты, новые избы и улыбаются миру из-под шифера светлыми, большими окнами. Над всем селом висят провода — во всех хатах радио и электрический свет. Вдоль улицы, через каждые сто метров, стоят водоразборные колонки, они пришли в село совсем недавно — столетиями люди носили воду из Десны, подымаясь на высокую гору, и в зимнее время добывание воды было сущим адом. Но к колонкам уже привыкли, будто стоят они тут века. «И свет и вода пришли в их избы, а заговори с ними, начнут ворчать»,— думаю я, глядя на пожилых женщин и помня об извечной слабости человека — быть всегда чем-то недовольным.

Кое-где на задах горят костры. Оттуда легкий ветерок нагоняет запахи дымка, паленой щетины. У костров толпятся люди. Короткий предсмертный визг свиньи, выхлестнувшийся из близкого от нас хлевушка, указал на происхождение костров: помянуть родите-

минках

лей лопушана собирались как следует!

От видневшейся вдали фермы прямо к реке с высокой кручи медленно стекает белый ручеек. Он достигает Десны и расплывается по ней большим белым неровным пятном. Кажется, будто там, на горе, пролито молоко и оно стекает в реку. Иллюзию эту подкрепляет только что промелькнувшая мимо нас машина с белой цистерной, на которой крупными буквами выведено: «Молоко». Подходим ближе и видим: сотни, тысячи белых уток, важно переваливаясь, спускаются к реке. Над ними с гортанным криком, размахнув саженные крылья, туда же летят гуси.

— Вот схватят ледку, тогда, небось, не полетят. Сразу жиром окинутся, — замечает Дорофеевна.

Идем мимо большого старого сада.

— Зачем вот он ему такой? — спрашивает Дорофеевна, указывая на сад.

— Кому? — не понимаю я.

— Известно кому, помещику. Сад-то этот был помещиков, а теперь колхозный. А помещик-то, говорят, был хороший, добрый человек, только не жил тут вовсе. Управляющий его жил. Этот — разбойник разбойником. Поймает в саду мальчишку, до смерти высекет. А помещик ничего себе, добрый был. Мы его и не видали...

— У вас и молодой сад есть?

— Как же, есть. Годов пять ему. Взялись сейчас за сады. На питомнике, вишь, саженцы стали воровать.

А вот и могилки. Вид их печален. Так и вспоминается тургеневское: «Есть небольшое сельское кладбище в одном из отдаленных уголков России...» Однако и тут время положило свою печать. Среди стареньких, покосившихся крестов там и сям красные пирамидки с пятиконечной звездой. Белые рушники висят на крестах, на пирамидках — символ того, что покоящиеся под ними прожили чистую и честную жизнь. И как же не поверить в это, ежели вспомнить, что под большинством из пирамидок лежат знаменитые брянские партизаны! Лежат они и под многими крестами, захороненные своими близкими по-старинному. По всему кладбищу над густым, колючим, перепутанным кустарником рдяными каплями горит шиповник. Может, и это символ пролитой в бою святой крови? От шиповника веет чуть внятным, едва уловимым, нежнейшим, сладостно-терпким запахом, грустноватым и тихим.

На узкой дороге, возле могилок, стоит, понуро опустив большую костистую морду, старый-престарый мерин. Это «пенсионер» с артельной конюшни. Он давно уже отработал свое. И теперь о мерине вспоминают лишь один раз в году, когда надо отвезти священника до кладбища и привезти его обратно домой в день поминовения родителей. Попик этот давно уже живет тут на птичьих правах, и не столько из религиозных чувств, сколько из простого чувства жалости к старому человеку приглашают его на эти поминки, потревожив заодно и древнего меринка. Ветерана впрягли в телегу, и он терпеливо и покорно ждет, пока батюшка отслужит панихиду. По всему было видно, что старого мерина уж мало что волнует на этом свете.

Возле могилок столпились пожилые женщины. Там прямо на полу, на скатерках, разложена снедь. В окружении закусок — бутылка либо с водкой, либо с самогоном — гонят его все-таки потихоньку! — либо с настойкой. Попик переходит от одной могилки к другой. Дряхленький, поддерживаемый под руки, он поет что-то, а закончив петь, угощается, выпивает чарку. Через некоторое время голос его, и без того слабый и немощный, становится еле слышным, а потом и вовсе неразличимым. На синем, сморщенном лице четко выделяется большой, красный, увлажнившийся от холода и великого усердия нос. На общую панихиду его уже не хватает. Женщины видят это и, лукаво перемигнувшись, подымают священника на руки и несут в телегу, как малое, неразумное дитя. Там они закутывают его хорошенько, осеняют крестным знамением и с богом отправляют домой. Видя, как охотно они это сделали, я спрашиваю Дорофеевну:

— Во всех почти избах нет икон. И вдруг эти поминки с попом. Зачем это?

— А так. По привычке,— быстро отвечает она.

Спровадив попа, старухи мгновенно оживляются, словно бы только этого и ждали. Отовсюду слышится:

— Угощайтесь, бабыньки!

— Помянем стариков!

— Царство им небесное!

— Хорошие были люди!

— Не дожили, родимые!..

— А вы не стесняйтесь. Пейте!

Оставшуюся закуску женщины увязывают в платки, в рушники и покидают кладбище. Однако не расходятся по своим домам, а, разбившись на компании, явно по родственному и территориальному признаку, направляются в заранее намеченные хаты, где и продолжаются поминки.

Мы с Дорофеевной — разумеется, на паях (пригодился-таки ее узелок!) — тоже были приняты в одну из компаний и вскоре оказались в небольшой избе, в которой проживали восьмидесятилетняя Федора Горелова, ее невестка Галина да две малолетние внучки. Гостей принимала Федора — величественная, с суровыми, строгими глазами старуха. Невестки не было: хлопотала на птицеферме — это ее питомцы белым ручьем стекали с высокой горы в Десну. Внучки, светло-русые и темноглазые, держали по одному большому яблоку. По красным губам их еще струился, капая на мокрые подбородки, прозрачный белый яблочный сок. Девочки с неудержимым любопытством наблюдали за всем, что происходило в их доме.

А происходило вот что.

Женщины, перебрасываясь шутками да прибаутками, развязывали узлы, извлекали из них содержимое — вскоре стол уж не мог поместить всего, что было упаковано в этих узлах: тут и оладьи, и пироги с капустой, и блины, и жареная телятина, и, конечно, сало свиное во всех видах, а у края стола тесной гурьбой столпились разнокалиберные бутылки. Шутки да прибаутки были бы, вероятно, более энергичными и острыми, кабы не присутствие гостя из Москвы, когда неизвестно, что он может подумать о таких поминках. Однако известная сдержанность была кратковременной. Вначале старухи предупредили друг друга, что на поминках не чокаются, и первую рюмку выпили при благостном молчании. Но уже при следующей чарке в немом согласии забыли об этом обязательном условии.

— За тебя, Федора!

— За тебя, Дорофеевна!

— За твое здоровье, кума!

Все и всё вдруг поравнялись и поровнялось. Забыт московский гость, забыт батюшка, да и сами поминки теперь больше походили на свадьбу: началось обыкновеннейшее гулянье.

Я все еще ждал, что старухи начнут ворчать, жаловаться: ведь на то они и старухи, чтобы ворчать да жаловаться. И когда, не дождавшись, сказал им об этом, они сначала рассмеялись, потом немало подивились тому, как могло прийти в голову такое, а под конец самая веселая из них, Матрена Дятлова, объявила:

— Это на что же нам жаловаться-то? Может, на то, что свет провели во все наши избы?

И тут началось. Старухи поднялись со своих мест и сердито выкрикивали:

— А может, на то, что к самым нашим домам вода пришла?

— О хлебе и думать позабыли!..

— Дети и внуки по-городскому обуты и одеты!..

— Креста, что ли, на нас нет, чтобы жаловаться!..

— Нас сызмальства приучили не жаловаться!..

Высказавшись таким образом, старухи оглянулись вокруг, остановили осуждающий взгляд на самой молодой из присутствующих, на тридцатипятилетней Аннушке Сулимовой. Матрена Дятлова сказала:

— Это вот они, молодежь, ворчат да жалуются.

— Правда, бабыньки, правда! — поддержала Матрену Горелова Федора.— То клуб им тесен, то кино не каждый день бывает, то артисты редко приезжают...

— Женихов, вишь, не хватает!

— Прошлого-то они и не знают!

— Откуда ж им знать, как жили в старину люди?..

Веселая Матрена умолкла и вдруг стала неузнаваемой: куда-то исчезла ее веселость, глаза расширились и глядели далеко-далеко. Что они видели сейчас, эти старые, много повидавшие на своем долгом веку глаза? Может быть, то, как однажды в лютую зимнюю пору совсем еще молоденькая Матреша, только что выданная замуж, подымалась с полными ведрами на коромысле от реки, на высокую гору, как поскользнулась, в кровь разбила лицо и руки? Или то, как поздней осенью, когда у краев река уже схватывается ледком, стоит она по грудь в студеной воде и выбрасывает на берег тяжелые, мокрые снопы конопли? Или то, как сидит день-деньской за самодельным ткацким станком и ткет холст: как же много требовалось его для большой семьи!

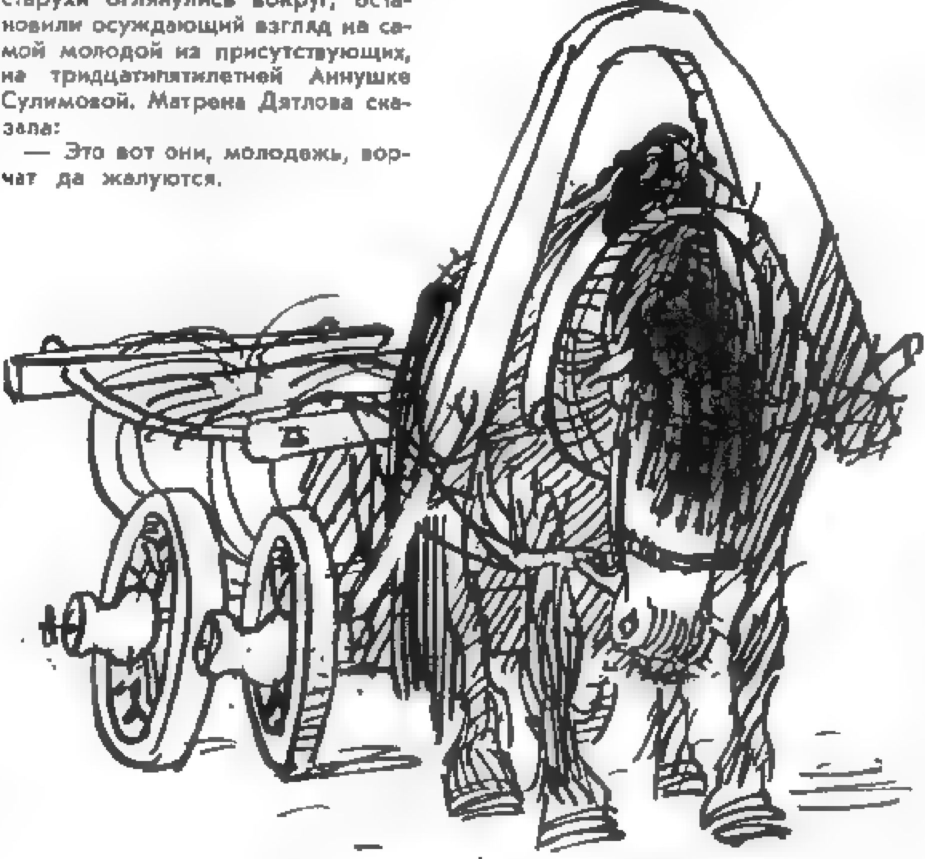
Неожиданно Матрена улыбается и говорит:

— А помните наши посиделки от зари до зари! Соберемся, бывало, у подруги со своими прялками и сидим, прядем, поем песни. И парни с нами — страсть озорные. Керосину не хватало — лучину зажгем. И не жаловались. Весело было. А парни-то, парни-то какие были в нашу-то пору — огонь! Не то, что ныне...

— Как же не весело! Надо бы веселее, да некуда! — вздыхает Федора и при полном молчании гостей тихо и печально повествует: — Коноплю надо сначала посеять, потом раза два прополоть. Вырастет она, милые, лес лесом — дергали вручную. Рученьки-то в кровавых мозолях, по ночам зудят, глаз не дают сомкнуть...

— А мочка конопли в ледяной воде!

— А кострика туча тучей, дышать, бывало, нечем!



— Весело, что и говорить!

Матрена Дятлова смущенно улыбается:

— Ладно уж! Что было, то быльем поросло. Но ведь не жаловались!

— А кому? Кому пожалуешься-то? — грозно и сурово спрашивает Федора, и все вновь умолкают.

Я смотрю на эту величественную старуху. Ее словно бы прорвало, и она говорит, говорит:

— Росла я, сами знаете, сиротой. Сызмальства в людях горе мыкала — сколько одних побоев вынесла! Замуж выдали чужие люди. Бил он меня смертно, бил — и сем, поди, не знал, за что. А что поделаешь, кому скажешь про беду свою? Скажешь, тебя же осудят. А ведь и у меня сердце не камень, ведь и я любила, думала о счастье. Да не далось оно мне в руки, счастье это!..

Федора не сидит со всеми вместе за поминальным столом: она хозяйка, ее дело—смотреть за гостями, пополнять закуски, поглядывать на шесток, где — одна сковорода, сменяя другую, — жарятся сало, яичница. Сейчас старуха стоит, высокая и гордая в скорбном своем воспоминании, стоит недвижно над столом, чуть склонив седую голову. У ее подруги, Дорофеевны, губы подрагивают, глаза увлажняются. Дорофеевна отворачивается и концом платка прикрывает лицо. А я вспоминаю ее недавний рассказ:

— Не знаю уж отчего, только не полюбилась я свекору да свекрови. Пока муж был дома, они ничего, помалкивали, и жить еще можно было. А как забрали моего Матвея в солдаты, тут и началось... Так уж измывались, что не приведи господи! Сядут, бывало, за стол, а мне и местечка на лавке не оставят. Стою за спиною свекора, свекрови и других снох, потянусь через их головы ложкой к блюду, а он, свекор, швырь ее в сторону. Хочу хлеба ломоть взять — он по руке ложкой. Так и уйду, умоюсь слезами...

Дорофеевна громко сморкается и выходит на улицу. Прохладный ветерок немного успокаивает. Из переулка появляется стайка девчат. Дорофеевна слышит:

Оба парня смелые,
Оба хо-о-роши.
Милая рябинушка,
Сердцу подскажи.

Дорофеевна хмурится:

— Ишь ты, никак не выберет!

Навстречу девчатам, вышедшим из переулка, быстро приближаются другие — те, что вернулись из города. Вот они сейчас сомкнутся, смешаются, и пойдут по рукам покупки...

Оживленные лица девчат, прохладный воздух, бодрый голос, вылетавший из репродуктора на клубной площади, зажженные электрические лампы на столбах вдоль всей улицы развеселили Дорофеевну, вообще-то и не склонную к меланхолии. Она возвращается в избу.

Черноглазая женщина, не проронившая до этого ни единого слова, запевала старинную песню. Поначалу она взяла невозможно высокую ноту, но, увидев, что ее не смогут поддержать остальные, быстро перестроилась, снизила голос, и вот по комнате текло уже плавно, ровно и грустно:

Через три годочка
Сын домой идет,
Молодую жинку
Он с собой ведет.

Старухи, и особенно веселая Матрена Дятлова, дружно подтягивают:

Рада ли ты, мать,
Рада ли ты мною,
Рада ли ты, мать,
Моею женою?

Звуки песни нарастают, воздух насыщается тревогой. Тревожны и скорбны лица поющих. Глаза их блестят. Старая Федора стоит в прежней позе, сложив большие жилистые руки на груди. Матрена Дятлова раскраснелась, распустила волосы, жилы на ее шее натягиваются струной, по лицу катится обильный пот. Маленькие девочки смотрят на эту бабушку со страхом: им все кажется, что жилы на ее шее вот-вот оборвутся, и тогда прямо на стол польется алая кровь, а дети очень боятся крови. Молодая Аннушка Сулимова вначале тоже пыталась петь, но не подладилась и теперь, обидевшись не то на самое себя, не то на старух, так хорошо и верно поющих, поджала губы в иронической усмешке. А черноглазая — вся во власти песни, она как бы помолодела, разрумянилась и, сбросив теплую шаль с головы, заливалась все звончее и звончее:

Рада я, сыночку,
Рада я тобою.
Только я не рада
Твоею женою.

Кто-то уже всхлипывает, кто-то глубоко вздыхает. Но песня, как судьба, о которой в ней поется, беспощадна:

Наливали сыну
Вина-винограду,
Нелюбой невесте
Зеленого яду.

Черноглазая поет уже надрывным, хватающим за душу голосом:

Давай, люба, выпьем,
Да по половинке,
Хай же нас схоронят
У одной могилке!

Старухи подхватывают угрюмо и сурово:

Схоронили сына
В зеленом садочке,
Нелюбу невесту
В глубоком ярочке.
Посадили сыну
Кусточек малины,
Нелюбой невесте —
Колючей шипшины.

И вдруг из самых, казалось, сердец старых этих женщин исторгнулось торжествующее:

Малина-шипшина
Вместе срослися:
Знать, мои детины
Крепко влюбилися.

После того, как угас последний звук песни, в избе некоторое еще время стыла напряженная тишина. Думалось, что никто не решится вызволить людей из плена давно минувшего, вызванного к жизни цепкой и жестокой силой человеческой памяти.

Наконец Матрена Дятлова молвила:

— А ну их к лешему, эти старинные песни! Душу наизнанку выворачивают! Давайте новую споем!

— А может, спляшем, а? Нутека, старые, расступись!

Это выскочила из-за стола женщина лет под шестьдесят, которую все зовут Маруся,— для восьмидесятилетних она и впрямь Маруся, в дочери сгодится. К тому же плясунья, каких не скоро сыщешь. Откуда-то явился и гармонист, сразу увеличивший мужскую часть этой компании вдвое. С его появлением и мне стало вольготнее — как там ни говори, а быть одному среди десяти женщин не очень-то удобно.

Началась пляска. Должен сказать, давненько уж не доводилось мне видывать такое веселье! И, наверное, было бы еще веселее на этих удивительных поминках, если бы Аннушка Сулимова, самая младшая из женщин, не пыталась подпортить дело своими ироническими замечаниями. Она всеми силами старалась, явно «работая» на москвича, подчеркнуть, что далеко шагнула от этих «некультурных» старух, что ей скучно среди них, что вообще село стало для нее тесным, что ее тянет в город. В который раз заговаривала она о театрах, о концертах, давая понять, что знает толк в искусстве, но старухи беспощадно перебивали ее, подтрунивали над ней и довольно-таки ядовито, а под конец, не желая, видимо, слушать более ее нытья, выпроводили до- [redacted]

— Плохо им все! — опять сердито сказала хозяйка, захлопнув покрепче за Аннушкой дверь.— Пожила бы она, как мы жили в ее-то годы! Узнала бы такой театр!..

И опять старухи, перебивая одна другую, заговорили о былом.

«Ну и поминки!» — думал все время я.

Потом, уже поздно вечером, Дорофеевна пригласила всех к себе — смотреть передачу телевизора, одного из первых на селе. По ярко освещенной улице шли с песнями и плясками, как при настоящей свадьбе.

Пришли. Дорофеевна включила телевизор. Показывали кинокартину «По ту сторону». И тут-то я был озадачен весьма любопытным обстоятельством. Я ожидал возгласов удивления, восторга: ведь старухи видели такое впервые. Но они молча и важно расселись на табуретках против маленького экрана и стали спокойно ждать. И нисколько не удивились, когда на этом экране появилась девушка и защебетала что-то премилым голосом. Через пять минут наши телезрительницы лишь отдельными вздохами да восклицаниями сопереживали с героями фильма все перипетии. Глаза, в которых некогда, колеблясь, отражался слабый и робкий свет лучины, теперь, спустя сорок с небольшим лет, спокойно глядели на это чудо. И все-таки мне почему-то думалось, что видели они нечто значительно большее, эти много повидавшие, старые и мудрые глаза.

В полночь старухи разошлись по своим домам. Выйдя на крыльцо, я услышал уже знакомый мне голос черноглазой:

Забота у нас простая,
Забота наша такая...

Песенку эту только что пели герои фильма. Старухи теперь понесли ее по белу свету.

Так-то и закончились эти по- [redacted]

Мне остается только сказать о месте, где произошло это маленькое событие. Все случилось в селе Лопуше, Выгоничского района, Брянской области.

Платье и обувь — финские.

ПО-СОСЕДСКИ

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото А. УЗЛЯНА.

В зал Всесоюзной экспортно-импортной конторы «Ленфинторга» вошел высокий молодой мужчина. В руках у него были большие желтокожие чемоданы.

— Хювяя пяйвяя! Добрый день, господин Силин! — сказал он.

— Здравствуйте. С приездом, господин Сиинтола, — приветствовал его директор «Ленфинторга» Михаил Иванович Силин.

Финский коммерсант сел за стол.

— Можем начинать?

— Кюлля! Да! — ответил Силин.

Господин Сиинтола открыл чемоданы и стал выкладывать на стол дамские нейлоновые блузки, мужские рубашки из перлона, нейлоновые дамские пальто...

— Все легко и просто стирается, — пояснил он.

— Нам знаком этот товар, — сказал Силин. — Купим еще.

Господин Сиинтола предлагает мужские куртки из водоотталкивающей ткани, шерстяные свитеры.

Хейкки Сиинтола — директор-распорядитель акционерного общества «Атрано» и, кроме того, представляет фирму «Силло». В Ленинграде он закупил большую партию тканей.

В другом зале собрались ленинградские товароведы, директора универмагов, специализированных магазинов. Они знакомятся с изделиями, которые хотят продать финны. Тут обувь, спортивная одежда, дамский конфекцион. Манекенщицы демонстрируют последние модели пальто.

Снизу звонят: прибыли гости из Хельсинки, Лахти, Миккели. Знакомимся. Господа Емсен и Терясалми — директора акционерных обществ, снабжающих население Финляндии баранками. В мире [illegible] две страны — Советский Союз и Финляндия — пекут баранки. У кого лучше поставлено дело и чьи машины выгодней?

Вместе с финнами отправляемся на хлебозавод «Балтика». Подолгу стоят коммерсанты у автоматов, изготавливающих баранки, знакомятся с работой универсальных машин, пробуют свежие бублики. Кто-то из финнов достает из портфеля кульки, угощает рабочих баранками своего производства.

— А вы наших отведайте, — предлагает инженер Тамара Брелова.

— Визит оказался весьма полезным, — сказал директор акционерного общества «Миккеллин Кекса» господин Терясалми. — Пожалуй, мы купим у вас машины.

«Ленфинторг» — молодое коммерческое учреждение. Но оно быстро завоевало популярность в деловых кругах Финляндии.

...Звонят из Хельсинки. Фирма «Альтстрем» выясняет возможность закупки в Ленинграде хозяйственного мыла и костяной муки. «Митте» хочет заключить сделку на ручные часы. «Тексес» интересуется кожей и предлагает купить у нее партию обуви.

М. И. Силин листает записную книжку и рассказывает нам о сделках, заключенных финнами и ленинградцами:

— Фирма «Ленэкс» приобрела у нас хвойное мыло. Мы у нее — швейные изделия. Фирма «Агруми» — веломоторы, заводные игрушки, лезвия «Балтика». Мы — пальто, платья. Фирма «Асконтехтаат» взяла вату, шпагальное полотно, мы купили столы. Фирме «ОТК» мы поставляем оцинкованные ведра, она нам предложила диваны-кровати. В общем, начало непосредственной торговле соседей положено. Первые финские товары уже появились в крупных ленинградских универмагах и магазинах.

— Мы очень довольны установлением прямой торговли с нашими добрыми соседями-ленинградцами, — сказал директор-распорядитель «Атрано» господин Хейкки Сиинтола.

Представитель финской фирмы «Атрано» г-н Сиинтола в конторе «Ленфинторга» показал товар лицом.

Акционерному обществу «Миккеллин Кекса» необходимо купить оборудование для хлебозавода. Директор-распорядитель общества г-н Терясалми придирчиво изучает машины и механизмы.

Игрушечные кораблики охотно покупаются финнами. Прежде чем отправиться за границу игрушки проходят на заводе строгие испытания.

Простые истории

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото Д. Ухтомского.

Плыли над городом рыхлые, низкие облака. Горели купола деревьев оранжево-красным цветом. Падали листья, прилипали к земле, штопали мокрый асфальт. Осень...

В такой день и приехали мы в Саранск — столицу Мордовской республики.

Отмечали тогда в городе большое событие. Вечером собрался народ на площади, зажгли ракетой факел, и стало светло, как днем. Газ пришел в Саранск. Митинг был недолгим. И вот начали расходиться люди. Пустела площадь. Тесно становилось на улицах.

Все незнакомо в этом городе: и люди и улицы. Какой он, Саранск?

Побродим по улицам, посмотрим на новые кварталы. Словно город расправил плечи. Стройки всюду. И заводы, заводы... Электроламповый и медицинских препаратов, кабельный, экскаваторный, «Электровыпрямитель» — все они выросли за последние годы

Мы не смогли побывать на всех заводах. И встречи наши с жителями Саранска были короткими. Но мы узнали много простых историй и хотим рассказать о них.

Особый разговор

Видите двух девушек на фотографии? Это Тамара Кравченко и Нина Кудрявцева. О чем они говорят сейчас? Есть у них свой особый разговор.

Тамара пришла в ОТК Электролампового завода не так давно А Нина считалась уже опытным контролером — два года стажа.

В тот день Тамара остановилась возле стенда для проверки стартеров, где работала Нина.

— Новенькая? — спросила Нина. И, не дождавшись ответа, добавила: — Все ясно, засыпалась на экзаменах, и к нам — стаж зарабатывать. Я тоже засыпалась... Подавала на отделение иностранных языков. Как сейчас помню, меня спросили...

— Я не засыпалась. Я просто ушла из девятого, — перебила ее Тамара. — В школу буду ходить вечером. Мы ведь всем классом к вам на экскурсию приходили. Мне понравилось у вас, и я решила поработать. Очень люблю физику, электричество

— Ах, вот, оказывается, бывает и так! Ну что ж. Садись, я буду учить тебя. Я проверяю стартеры, работа нетрудная.

Но Тамару интересовал более сложный прибор — фотокалориметр. Девушка, любившая физику и электричество, решила во что бы то ни стало научиться работать на этом приборе. И вот сейчас уже здесь ее рабочее место.

Мы знаем, о чем говорят Тамара и Нина...

— Ну, как иностранные языки? — спрашивает Тамара.

— Я, кажется, пойду в электромеханический техникум А ты?

Миллионеры

Нашим гидом была главный технолог цеха Людмила Дмитриевна Чиж. Она сразу же призналась, что страстно влюблена в свой цех полупроводников. Но разве три года тому назад, когда она приехала на завод «Электровыпрямитель», разве это был завод? А в их цехе, где сейчас шестьсот человек, работало всего тридцать четыре. И смешно даже вспомнить: начальник цеха всю месячную продукцию носил в своем кармане

Цех работает на материалах — кремнии и германии.. Взгляните на этот снимок. Галя Постова закладывает кремний в кассеты. Ювелирная работа! И каждая такая крупица — ценность. А станки для резки кремния и германия барахлили. Да и при резке были потери: вольфрамовая нить крошила материал.

И вот, как сказала нам Людмила Дмитриевна, нашлись на заводе светлые головы. Простые рабочие. Слесарь и токарь. Два друга — Борис Щетинин и Алексей Шкердин. Они усовершенствовали станок. Вольфрамовую нить заменили стальными полотнами, поставили их по 30—40 штук вместо 5—6 нитей.

Нас познакомили со светлыми головами. Алексей Шкердин, застенчивый, робкий. И веселый, шумный Борис Щетинин. О планах, о работе Щетинин рассказывал шутя. Алексей слушал, смущенно улыбался и изредка вставлял:

— Да в общем ничего такого мы и не сделали.

В прошлом году получили друзья отдельные квартиры на одной площадке. В один день вступили в партию. И на заводе в отдельности о них не говорят Сколько сделано их руками на за-

Завод медпрепаратов. В цехе фасовки пенициллина

Галя Пестова закладывает кремний в кассеты.

В гости к народной сказительнице Фекле Игнатьевне Беззубовой пришли писатели Мордовии.

Тамара Кравченко и Нина Кудрявцева.

воде!.. Сколько экономии дали заводу! Миллионеры они, вот кто...

Университет

Этот случай нам рассказал ректор университета Григорий Яковлевич Маркушкин.

Однажды отворилась дверь его кабинета, и на пороге остановилась старушка, замотанная в платок.

— Пришла я к тебе, потому что ты мордвин. И я на своем языке могу с тобой поговорить. Помоги мне внучку мою разыскать, на каком-то «хизмате» она здесь учится.

Ну что ж, пошли искать. Как увидела бабушка в лаборатории множество приборов, а среди них внучку, остановилась у порога Стоит, крестится...

Молод еще Саранский университет, три года ему. Но какие здесь великолепные лаборатории, оборудованы по последнему слову техники. 84 лаборатории в университете.

Мы побывали здесь в тот день, когда начали заниматься вечерники.

Они пришли пораньше. И просто бродили по новым, незнакомым еще аудиториям, где им придется заниматься. Они говорили о том, что в университете скоро откроется свое конструкторское бюро. И старшекурсники получат производственные задания. Будут проектировать мосты, здания, дороги.

В тот вечер мы и познакомились с Людмилой Александровой, руководителем бригады коммунистического труда на заводе «Электровыпрямитель». Она сказала:

— Еще в школе мечтала о химии. И поступила на заочное отделение в Ленинградский химико-фармацевтический институт. А потом подумала: что это я делаю? Ведь я же люблю свой завод, свою работу, так зачем же мне менять профессию? И перевелась в наш университет на инженерно-технический факультет Вот и буду специалист по полупроводникам.

...Шумно сегодня и радостно в университета. Пришли заниматься вечерники.

Про Милкину

— Ни за что! Я же вам сказала, уберите аппарат и не снимайте меня. — Маленькая женщина возмущенно размахивает руками, глаза у нее голубые и очень строгие. И вдруг улыбнулась она, и глаза стали сразу добрыми, озорными.

— Рано еще говорить, не все ладится у нас. Ну и вообще, сдадим детсад — тогда и приезжайте. Потом, дядя Сидор у нас главный, а меня не спрашивайте.

Так ничего и не рассказала нам о себе одна из лучших каменщиц Саранска, депутат Верховного Совета СССР Анастасия Ивановна Милкина. А рассказал о ней бригадир — Герой Социалистического Труда Сидор Евстигнеевич Нуждин. Это был недлинный рассказ. Выросла Милкина в мордовской деревне, работала в колхозе, а в сезон на торф выезжала. Торфушкой так себя и называла. А потом на стройку пришла разнорабочей. И как-то попросилась на укладку кирпича. Вскоре у нее талант в этом деле проявился.

— Не у меня она вначале работала. Но и вместе уже немало кирпичей сложили. Не один завод в Саранске построили.

И он вдруг крикнул звонко:

— Настя, а домов, домов сколько с тобой сложили! Не помнишь?

Но Настя не ответила, не до разговора ей Кирпич идет.

«Я еще приду сюда, непременно приду»...

Они вошли и остановились, завороженно оглядываясь вокруг. Летят санки, сидят на санках девчонки. Им смешно и боязно. Эй, посторонись! Картина так и называется — «Катание с гор».

...Пришли в картинную галерею ученики средней художественной школы. Вот и ходят, восторженно и шумно обсуждают картины Федота Васильевича Сычкова. Глядит на них «Гринька». Сидит на заборе мальчишка в шапке-ушанке. Да это же их товарищ, да это же просто один из них.

...Два прекрасных мастера — художник Федот Васильевич Сычков и скульптор Степан Дмитриевич Эрьзя — оставили Мордовии свое огромное наследство.

Сколько различных работ Эрьзи смотрят на вас: «Аргентинка», «Чилийка», «Китаец», «Казашка», «Старый мордвин»! И они притягивают магнитом, и они заставляют подолгу стоять возле себя. Трудная жизнь была у скульптора, долго жившего вдалеке от Родины. Многие свои скульптуры скупал он, чтобы привезти с собой. И вот теперь они здесь, в Саранске.

Мы видели, как покидали люди галерею: остановятся у порога, обернутся и еще раз посмотрят на все долгим, жадным взглядом И кажется, хотят сказать на прощание: «Я еще приду сюда, непременно приду».

Вечер воспоминаний

Певучая, говорят, мордва. И действительно, много подарила она хороших певцов. Знают и любят Д. Еремеева, Р. Беспалову и М. Антонову. И кажется, биография сложилась у этих молодых певцов одинаково. Пели у себя в деревне — их заметили, пригласили в художественную самодеятельность, а потом поехали на олимпиаду — их опять заметили, и попали они в заботливые руки преподавателя консерватории.

А сегодня мы в доме у известной мордовской сказительницы Феклы Игнатьевны Беззубовой. Пришли к ней в гости и писатели — поздравить ее с 80-летием. Вот и получился маленький вечер воспоминаний.

Фекла Игнатьевна негромко рассказывала.

— Много нас было у матери. Жили бедно. В одиннадцать лет посадили за прялку. Сижу и мурлычу, песни пою. А какие певучие были все подружки вокруг, да кто обращал внимание на нас? Так и пропали голоса. И знала я много песен и сказок и никогда не думала, не гадала, что пригодятся они потом.

Тогда я в детских яслях работала. И вдруг приезжает к нам в деревню один товарищ и просит рассказать все песни и сказки, которые знаю. Помню, день рассказывала, вечер рассказывала, даже с работы меня освободили, а он все слушает да записывает. А потом и говорит: ваши слова в песню складываются. Быть вам, говорит, в Москве. Смеялась я тогда, а он словно в воду глядел. И в Москве была, и сам Михаил Иванович Калинин мне орден вручил. И во многих городах и республиках была и много стихов и сказок сложила.

И довелось мне на шестидесятом году жизни своей на фронте побывать. Сначала, как приехала туда, увидела раненых, плакала много, а мне солдаты говорят: не слезами вы должны нам помогать. Тогда впервые читала я свой сказ «Благословение матери»

Вот так и жизнь шла. А теперь уж на девятый десяток перевалило. Не заметила, как эти годы подошли. Да что это я о себе да о себе разболталась? Вы бы мне что-нибудь рассказали...

Студенты вечерники в лаборатории ядерной физики.

Ученики средней художественной школы в картинной галерее.

Анастасия Ивановна Милкина.

ОТКЛИКНИТЕСЬ, ВЕТЕРАНЫ НАШЕГО ЗАВОДА

В 1934 году по призыву комсомола Украины в Киев на строительство завода станков-автоматов приехали первые 150 юношей и девушек.

В нынешнем году нашему заводу исполняется четверть века. В связи с этим у нас возникла мысль — создать его историю. И вот мы обращаемся через журнал «Огонек» с просьбой ко всем, кто работал когда-то на нашем заводе: пришлите нам свои воспоминания и документы, которые помогут написать историю завода имени А. М. Горького.

Г. Трегубенко
Киев.

Моя фотоохота

Когда я впервые услышал о фотоохоте, то подумал: «Экая невидаль — сфотографировать дикого зверя или птицу! Подстрелить бы — вот это дело!»

Вскоре произошел случай, доставивший мне глубокое огорчение из-за того, что в тот момент у меня не было фотоаппарата. Да, да, не ружья, а именно фотоаппарата. На рассвете разбудил меня неистовый лай собак. Через минуту в окно забарабанила соседка:

— Зверюга диковинный по вашему саду ходит!

Схватив ружье, я выскочил из дому. Каково же было мое изумление, когда в саду вместо «диковинного зверюги» я увидел огромного лося. Спокойно, не обращая внимания на собак, величественный лось переходил от одного дерева к другому, понюхивая ветви.

— Стреляйте, стреляйте! — горячилась соседка.

Я стоял словно завороженный. Мне было хорошо известно, что охота на лосей у нас запрещена, но если бы такого запрещения и не было, я ни за что не выстрелил бы в этого красавца.

Тогда мне очень захотелось сфотографировать лося. В тот же день, одолжив «ФЭД» у товарища, я долго бродил по полям, надеясь вновь встретить красавца лося, но безуспешно. Вскоре я приобрел фотоаппарат и теперь никогда не расстаюсь с ним. На охоту хожу без ружья, чтобы не было соблазна. Вы, конечно, спросите: есть ли у меня «трофеи»? Да, есть. И именно тот самый лось, что приходил ко мне в сад. Все-таки взял я его в объектив! Впрочем, возможно это и не тот самый, может, они все друг на друга похожи, но мне кажется, что «своего» лося я узнаю из тысячи.

Потом мне посчастливилось сфотографировать и молодых лосят.

Так я стал фотоохотником.

Н. Тарасов
Поныри, Курской области.

Профессор И. М Саркизов-Серазини в лаборатории института физической культуры

Фото О. Кнорринга.

СОЛНЕЧНЫЙ ДОКТОР

Доктор медицинских наук Иван Михайлович Саркизов-Серазини — страстный коллекционер. Сколько бесценных рукописей и автографов великих людей прошлого передал он различным музеям страны! Он подарил Третьяковской галерее свою чудесную коллекцию — 88 картин и рисунков русских и советских художников. Марины Айвазовского и Лагорио, «Девушка со сложенными руками» Архипова, картина Маковского «Политики» — да всего и не перечислишь!..

И вот мы в квартире профессора И. М. Саркизова-Серазини. Старинная массивная мебель, уникальные издания книг по медицине, искусству, философии. На стенах фотографии Ермоловой, Гиляровского, Давыдова, Южина, Максимилиана Волошина... И на каждой — задушевные или шутливые надписи. Это люди, с которыми Иван Михайлович был близок, которых он знал и любил. Профессор рассказывает о себе. Этот рассказ похож на импровизированную приключенческую повесть, где один невероятный эпизод сменяется другим.

Таинственное ночное кораблекрушение парусной шхуны. Спасается только юнга: он успел взобраться на самую высокую мачту. Ужас чудовищных шестидневных ураганов. Одиночество безработного в чужом городе. Причудливые мечети Анкары. Краски знойного Сингапура...

Скромная афиша 1925 года извещает о постановке в Малом театре пьесы И. М. Саркизова-Серазини «Сочувствующий». А вот его роман — «Потомок венецианского дожа», сборник рассказов «Над голубым заливом»...

Страстная жажда неизведанных дорог вела Ивана Михайловича по жизни. И доктором он стал совсем особенным.

Однажды недалеко от клиники, где Иван Михайлович работал ординатором, он встретил двух парней. Парни как парни: в спортивных майках, тапочках на босу ногу. Они помогли доктору довести до клиники двух собак — нужны были для опыта — и по пути рассказали о своем институте. Тогда он только что открылся — Государственный институт физической культуры. На узкой улице с грязными, облупившимися домами и забитыми фанерой окнами ребята, загорелые, подтянутые, жизнерадостные, вдруг на какой-то миг показались Ивану Михайловичу живыми вестниками будущего. Через несколько дней доктор пришел в институт физической культуры, а некоторое время спустя стал его сотрудником.

Это было суровое время — начало двадцатых годов. Народ недоедал. В разрушенных войною городах рабочие семьи ютились в землянках... Но именно в эти годы на Воробьевых горах в Москве началось строительство Международного Красного стадиона. По воскресеньям на площадях в Ленинграде, Москве, Иркутске устраивались грандиозные массовые действа. Боевые лозунги призывали: «За смычку с солнцем!»

Медицина вторгалась в жизнь, помогала рушить старый быт и уживавшееся с невежеством пренебрежение здоровьем и культурой тела. Начиналось сражение за нового человека — гармонически развитого, прекрасного в своей физической и духовной природе. И в этом сражении одним из передовых борцов-застрельщиков был доктор Саркизов-Серазини. В маленькой популярной брошюре, изданной в 1930 году, он писал: «Нам особенно сейчас нужны солнечные поэты, солнечные писатели, солнечные драматурги, солнечные врачи, потому что... к коммунизму мы должны прийти крепкими, сплоченными рядами, спаянные воедино солнечной силой, волей, бодростью и энергией».

Книги Саркизова-Серазини по лечебной гимнастике, закаливанию, теории массажа стали настольными. И не только для студентов физкультурных вузов. «Тот невежда и разиня, кто не знает Серазини» — так начиналось шутливое стихотворение, напечатанное в одном из спортивных журналов.

Но искусство никогда не уходило из жизни Ивана Михайловича. Он твердо убежден, что его врачебная профессия имеет самое тесное отношение к творчеству художника. Разве не обязано греческое искусство той высокой степени развития физической культуры, преклонению перед красотой человеческого тела, которые существовали в древнем мире?!

Свою коллекцию картин Иван Михайлович собирал около сорока лет. Почти каждая из них стала частью его биографии, кусочком его души. Картину Айвазовского «Лунная ночь на Босфоре» доктор приобрел в Феодосии у вдовы художника. Картина была сильно попорчена, но после реставрации в мастерской Корина ожила вся ее необычайная прелесть. Айвазовский — первый художник, который пленил воображение Саркизова-Серазини. Еще мальчишкой на улицах родной Феодосии встречал Иван Михайлович Айвазовского. Художник обычно совершал свою обязательную первую прогулку ранним утром, когда город еще спал и только босоногие ребятишки, поднимая столбы пыли, бежали на пристань ловить бычков...

«Девушка со сложенными руками» Архипова вызывающе и немного загадочно улыбается, гордясь собой, радуясь жизни. Архипов был хорошим другом семьи Саркизовых-Серазини, он долгие вечера проводил у них, часто засиживаясь допоздна.

«Девушка со сложенными руками» — подарок Архипова семье Серазини. Художник рассказывал, что писал крестьянку в деревне на Клязьме. Бойкая и смешливая, она никак не хотела позировать, считала это зазорным, и никакие уговоры на нее не действовали. Тогда Архипов нарисовал портрет отца девушки. Старик был явно польщен. Он приказал дочери уважить художника — посидеть спокойно на лавке. Пришлось красавице согласиться, но позировала она скрепя сердце. Может быть, поэтому и взгляд у нее оказался таким «загадочным»?.. Может быть, наблюдает она исподтишка за сердитым отцом?..

Иван Михайлович рассказывает о картинах, как о близких людях...

Наверное, потому, что Саркизов-Серазини хорошо понимает силу прекрасного, он не хотел и не мог прятать от народа свою коллекцию, свое дорогое детище. Искусство, как солнце, должно принадлежать всем.

Дружеский шарж Кукрыниксы. «Спасите! Воскресите! Исцелите! Омолодите!»

Л. ОСИПОВА

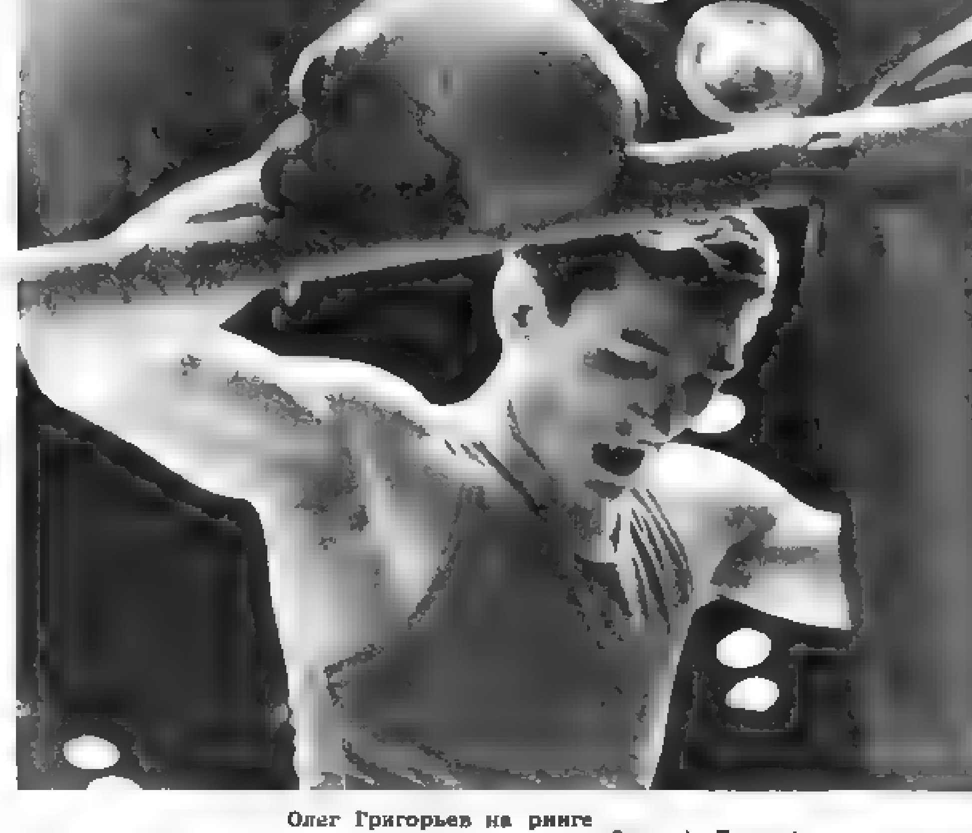
А. Архипов. ДЕВУШКА СО СЛОЖЕННЫМИ РУКАМИ. 1925. **Государственная Третьяковская галерея**

В. Маковский. ПОЛИТИКИ. 1889.

Государственная Третьяковская галерея

Боевой паренек

Михаил АЛЕКСАНДРОВ



Олег Григорьев на ринге

Фото А. Бочинина.

Морозно. Широкие окна электрички затянул ледок, и для того, чтобы видеть, какие станции пробегают мимо, он продышал круглый глазок. И ехать-то совсем недалеко от Люблино. Но надо успеть в цирк. Не каждый день международные соревнования на ринге, не каждый раз олимпийскому чемпиону случается быть зрителем! Сегодня матч армейцев. Конечно, надо было бы позаботиться о билете заранее. Да где выбрать время? Вчера лабораторная работа, сегодня сопромат...

Неудобно все-таки, что техникум за городом. Сколько тратится времени на одну дорогу!.. Правильно ли, что избрал он индустриальный техникум? Может быть, лучше бы сразу в институт физкультуры, все равно без него не обойтись? Там посмотрим... Механик по ремонту станков—тоже неплохо. Пусть уж вся семья будет «техническая». Может, и Володька, когда подрастет, пойдет по стопам родителей?..

Забавный он, уж что-то, кажется, понимает в свои полгода. Лиде трудновато, но бросать учебу ей нельзя ни в коем случае. Это решено. Надо просто больше помогать ей. Ладно еще, что мать от внучонка без ума. Вся жизнь ее в детях. Легко ли было без отца вырастить двух? Теперь вот бабушка... Каким он был, отец? Ничего не сохранилось в памяти, кроме большого горя, которое навалилось, когда пришла с фронта «похоронная»...

...Что там за станция промелькнула? Не остановилась электричка. А в дырочку эту разве успеешь рассмотреть название? Но Москва стала заметно ближе, это уж так. Небо разворачивается навстречу посветлевшими облаками.

В театре давно не были. Ничего, Лида, сходим! Вот только немного полегче станет с занятиями, и сходим в театр и на концерт. Каждый день пробегаешь мимо Зала Чайковского. Там афиш столько! Вот на это пойдем обязательно! И не успеваешь...

Интересно, кто сегодня выступает в «мухе»? Должен быть самый напряженный бой. Этот Бруно Бендик здорово боксирует. Голова у него, как у математика, и удар этот хорош — встречный, нацеленный, точный. Тут как надо поступать? Сначала финт левой, потом...

— Ты кончишь крутиться?..

— Виноват...

Неловко вышло: замечтался и толкнул почтенного соседа так, что у того чуть домино из горсти не прыгнуло...

Как в Риме было жарко! Казалось, бронзовая волчица у входа в олимпийскую деревню тяжело поводила боками. А он ничего, переносил жару, даже, можно сказать, хорошо. С чего это вспомнился Рим? Кто его знает... Далек Рим от снежной Москвы. Может, вспомнился оттого, что уже сейчас звучит в ушах голос гонга и так хочется оттолкнуться перчатками от тугих канатов и, встретив пристальный взгляд того, кто выйдет навстречу, самому начать борьбу!

Много их было, темных и светлых, смелых глаз, будто испытующих: «Каков ты, парень?» Уж он привык завязывать этот всегда острый, молчаливый разговор — глаза в глаза. Привык? Нет, разве к такому привыкнешь! Полюбил — вот это правильно. Кто сказал, что бокс — сильные мышцы плюс техника? Бокс — и кое-что другое... Пожалуй, первым раскрыл ему эту истину маленький и злой Боря Степанов. Белесый, хмуроватый и неразговорчивый, он, помнится, встретил в первом бою таким ясным и открытым взглядом, что захотелось улыбнуться и даже подмигнуть: будем, мол, друзьями, вижу...

Друзьями стали, это так. Но как часто попадало на ринге от приятеля-соперника, как хотелось иной раз куда-то уйти от этих нацеленных, сердитых, все время чего-то ждущих от тебя глаз! Проигрывал ему. И не мог понять, почему. Чего-то не хватало, что-то не умел. На тренировке бил и бил трескучую попрыгунью-грушу, обрабатывал неповоротливый мешок. Фантазировал в бою с собственной тенью, повергая воображаемого противника в прах; в вольных боях с ребятами искал комбинации, разучивал серии...

Побеждал. Говорили, что этот молодой боксер очень техничен. Тренер довольно похлопывал по плечу:

— Все, Олег, идет нормально...

Что, казалось бы, еще нужно боксеру? Пришло и приглашение стать участником сборной команды страны. Кто не мечтает об этом!

Но вот опять встреча на ринге с Борисом Степановым. И опять то же проклятое чувство, что ты чего-то не даешь сопернику, то, что он от тебя так ждет. Опять у него сердитые и недовольные глаза. И, конечно, не потому, что теперь и ему здорово достается...

— Здорово Борис любит бокс! — толковали однажды ребята в раздевалке. — Знаешь, на что он больше всего обижается? Когда противник у него плохой! Честное слово! Он в противнике бокс любит, искусство его... А если этого нет, злится!

Как бывают точны почти случайно брошенные слова! Ну, конечно, так оно и есть. Запомнил тот момент, когда удалось прижать Бориса Степанова к канатам, когда надо было войти в ближний бой и провести серию, нет, целую комбинацию ударов, быстро меняя дистанцию, не выпуская из угла... Почему не сделал этого? Это же было логично. И, наверное, красиво. А ведь, прижав в угол, отошел, не рискнул. И как Борис посмотрел тогда! С юмором и, пожалуй, с досадой: испортил, мол, такой момент!

...Москва недалеко. В надышенную дырочку видно, как отошел с конечной остановки троллейбус. Снег пошел, медленно опускается на улицу по светлым тропам фонарей.

Борису Степанову надо бы сказать спасибо, да как-то не принято. А ведь о нем первом вспомнил в златой Праге, в номере отеля, когда положил на ладонь медаль чемпиона Европы: «Неужели, правда, моя?»

Некрасивым бокс делают слишком часто. Слишком. Горько смотреть: отдуваясь, взбирается на вышку пьедестала почета человек, минуту назад бивший вразмашку, как в уличной драке. Победил! Но разве же это победа?

В Риме тоже было много драки. Как душно ревел в день финалов зал Палаццо делло спорт.

Лучший «мухач» Италии крепыш Дзампарини нетерпеливо переминался у канатов. Им, итальянцам, было чем похвастать на этой олимпиаде! Успех, большой и шумный, ждал их на ринге.

Гонг! Как рванулся из угла Дзампарини! Если бы с такой силой завязали бой, искры б полетели. Но сразу пришла ясность и строгость: «Да ты, видно, ошалел, парень? Кто же так лезет напрямик? Это опасно! Видишь, вот и метнулась твоя бедовая голова... И еще раз! Это тебе для вытрезвления... Знаешь, в чем у нас разница? Ты слеп, а я все вижу. Существенная разница. И не надо потрясать канаты: они ни при чем... В глаза мне дай заглянуть. В глаза. Нет, вижу: не выйдет у нас с тобой хорошего боя. И думаешь, я приму твою драку?.. Вот опять метнулась вбок твоя голова... Счастье твое, что гонг. Можешь пока благодарить свою мадонну...

И дальше все то же. Черт возьми, за игру в «очко» он, что ли, бокс считает? А я тут при чем?..»

Был рад, когда кончилось время. Финальный бой не вышел. Победа в нем не принесла радости. Но медаль олимпийского чемпиона получать не стыдно! Были ведь и другие встречи, хорошие. Как интересно боксировал английский «мухач»! Тонкую и смелую вели игру. Сколько задач ставили один другому каждое мгновение! И решали их. Ради этого только и стоит выходить на ринг. Все девять минут борьбы должны быть сбиты до предельного напряжения... Когда встретились руки в перчатках, посмотрели победитель и побежденный в глаза друг другу: да, это был бокс!

...Нет ни билета, ни пропуска. А народу столько у подъезда Московского цирка, что и не пробьешься. Прошел мимо главный судья, не взглянул... Остановить? Неудобно. Что делать? Уж очень хочется попасть туда, где через несколько минут призывно прозвучит гонг!..

* * *

Он попал в тот вечер в зал цирка. Не знаю как, но проник туда и сидел где-то с вами рядом. Вы, наверное, не обратили внимания на невысокого паренька со студенческим портфелем на коленях?

А спустя несколько недель вы не могли его не заметить. Он боксировал на ринге в огромном, гулком зале Дворца спорта, и этот бой захватил всех. Два больших мастера сошлись в поединке: Олег Григорьев, наш земляк, и Рашер из ФРГ.

Стремительно, тонко, умно боксировали соперники. Кто победил?..

Долго пришлось ждать решения судей. Седовласые ветераны ринга взвешивали неуловимые для непосвященных глаз приметы большого успеха.

Победил Рашер. Это, конечно, огорчило нашего паренька. Огорчило, что где-то, значит, не нашел верного решения. Где, когда?..

Он разберется. Не то он и олимпийский чемпион. Просто встала перед ним еще одна интересная задача.

Любовь Яровая — Е. Солодова, Яровой — Е. Матвеев.

Швандя — В. Доронин, Горностаев — И. Ильинский.

Живая лег

Вл. ПИМЕНОВ

В Малом театре поставили «Любовь Яровую» К. Тренева. И это не просто хороший спектакль, не просто очередная премьера.

Спектакль-памятник, спектакль-легенда, спектакль — живая и вечная благодарность потомков революционным героям, тем, кто в незабываемые дни Октября и гражданской войны встал на первую в мире вахту народной свободы.

Так с позиций современности прочли пьесу режиссеры И. Ильинский и В. Цыганков и весь актерский коллектив.

Но монументальный спектакль вовсе не становится от этого холодным, музейным.

Живая его прелесть в том, что волнение актеров и зрителей, сливаясь воедино, зовет не только к воспоминаниям, но и к новым победам во славу Родины.

История, воскрешаемая сегодня на сцене,— это живая история, в ней узнает себя и советская интеллигенция, и рабочий класс, и колхозное крестьянство, и наши моряки — словом, все те, об отцах и матерях которых так ярко, так любовно, на века рассказал замечательный советский писатель Константин Тренев.

Когда-то, в двадцатые годы, при первой постановке «Любови Яровой» интерес и постановщиков и зрителей был сосредоточен именно на ней, героине Тренева — учительнице Яровой, на ее трудном и суровом пути в революцию.

В сегодняшней постановке мы уже и не назовем одного центрального героя.

«Любовь Яровая и другие» — так по-горьковски должен бы называться сейчас спектакль Малого театра. И другие эти — комиссар Кошкин, матрос Швандя, солдат Пикалов, крестьянка Марья — стоят рядом с Любовью Яровой, иногда даже заслоняя ее. Но будем ли мы сожалеть о том, что театр познакомил нас со многими героями, что индивидуальная тема Яровой органически влилась в тему трудного подвига всего народа?

Думается, нет. В пьесе Тренева по традициям старой, классической драмы на первом плане один главный, основной герой, а все остальные уже потом. Театр прочел драму глазами сегодняшнего человека. Дух коллективизма, неотделимый от советских людей, пронизывает спектакль, и в этом ощущаешь живое дыхание современности.

Мы запомнили солдата Пикалова в превосходном исполнении П. Константинова. Искусство здесь так полно слилось с жизнью, что, казалось, расступились стены театра и с подмостков вошел в зал живой человек: темный, неграмотный, забитый, со своей тоской по оставленной нищей, изнемогающей крестьянской земле. Но в той беспросветной темноте солдата Пикалова, которую поразительно передает Константинов, мы видим чуть брезжущий огонек просыпающегося сознания. Чиста душа этого человека, у которого ничего нет, кроме шинели и винтовки, и мы уверены: большие, истомленные, натруженные руки его скоро обязательно сомкнутся в тесном рукопожатии с братишкой Швандей и комиссаром Кошкиным.

Нет, далеко не эпизодическое лицо крестьянка Марья, с которой познакомила нас С. Фадеева. С Марьей, ищущей сыновей, словно появляется на сцене вся русская деревня, несчастная и голодная, но богатая душевными силами, лукавым юмором и нежной материнской любовью к тем, кто ушел добывать свободу.

И когда Марья кидается на расфуфыренную Дуньку, зрители не просто смеются над испугом одной и возмущением другой. Стыдя Дуньку за ее нелепый, чужой наряд, Марья обличает всех тех, кто липнет к буржуазии, забывая рабочее свое первородство, становится холуем. Ничего не знает Марья о Дуньке, ни того, что Дунька — спекулянтка, ни того, что уйдет потом она из города с белыми. Но природный инстинкт, живое чутье подсказывают Марье, что перед ней враг, который предает, топчет святую рабоче-крестьянскую солидарность. И когда потом пойдет Марья вместе с сыном, с тем, что у красных, мы вспомним сцены с Дунькой, как первое проявление ее просыпающегося трудового самосознания.

В этом спектакле, где герои все, не на первом плане и фигура комиссара Кошкина (Н. Анненков). Но там, где он появляется, сразу воцаряются спокойствие и уверенность в близкой победе — так силен, прост и искренен этот человек, в груди которого пылает неугасимый революционный огонь. Есть у Кошкина — и в этом сказывается личное обаяние актера — внутренняя интеллигентность. По-

Панова — Т. Еремеева, Кутов — В. Кенигсон.

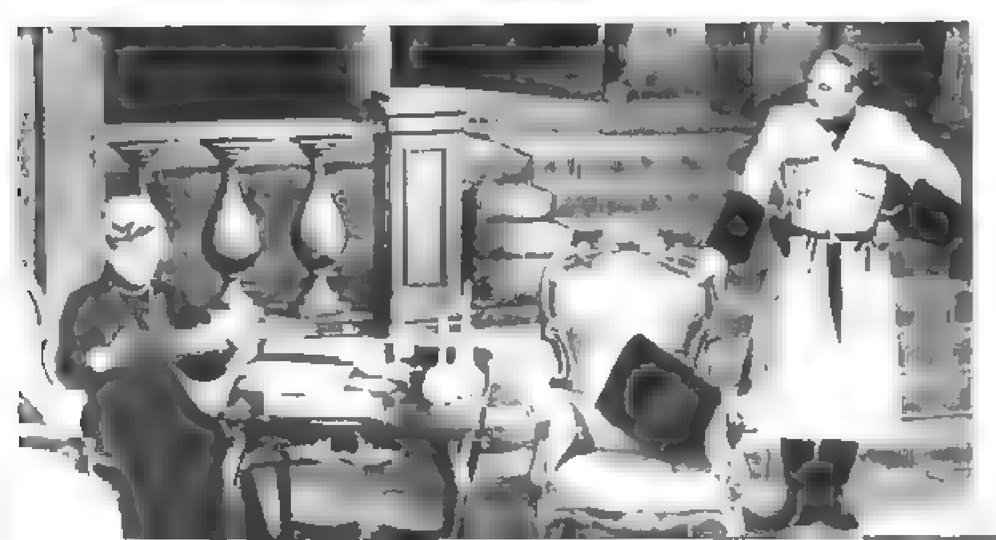


Фото Е. Мичуриной и И. Ефимова.

ции, как поняли этот образ сегодня в Малом театре.

В Солодовой-Любови Яровой покоряет постоянная, чуткая готовность человека к счастью. Вот, кажется, несчастлива она, муж пошел путем белой гвардии, ненавистным, чуждым ей путем, а все равно глаза актрисы каждую минуту готовы осветиться огнем радости, губы раскрыты в улыбке. И потому временное примирение Любови с обманувшим ее Яровым в спектакле объясняется не только сильной любовью к мужу, но и большой, огромной любовью к жизни, к ее радостям и свету. Солодова-Яровая не трагическая личность, раздираемая внутренними противоречиями, но очень милый, очень целеустремленный, живой человек, органически ненавидящий сомнения, несчастья, болезни, душевные муки. И в такой трактовке тоже проявляется современность спектакля. Не надлом, а радость приятия жизни и революции — главное в Любови Яровой сегодняшнего Малого театра.

Режиссеры спектакля отдали много сил и внимания и воплощению лагеря буржуазии, широко, смело, даже где-то дерзко нарисовав его бешеное, пьяное, стыдное умирание. И в этой острой схватке с буржуазным миром мы слышим отзвуки нашей идеологической борьбы с империализмом.

енда

этому, когда профессор Горностаев говорит Кошкину, что тот неграмотен, это не снижает образ комиссара, так как мы чувствуем и ценим в душевном и интеллигентном человеке его революционную грамотность. Мы понимаем, что грамотность в обычном смысле к нему очень быстро придет.

Большая дружба, нежная привязанность объединяет Кошкина и Швандю — братишку Швандю, давно уже ставшего образом нарицательным, любимым народом.

Швандю радостно играть актеру В. Доронину, радостно ему говорить горячие слова о мировой революции, о знакомстве с Марксом, об агитации и пропаганде. Такой Швандя, каким играет его Доронин, напоминает нам народного любимца другой эпохи — Василия Теркина из замечательной поэмы Твардовского. За его лихим чубом, за рваным бушлатом и матросской тельняшкой чудится нам пилотка с красной звездочкой солдата Теркина, так же лихо бившего врагов и так же душевно умевшего вовремя развеять черную грусть и печальные думы товарищей.

Швандя Доронина — жемчужина спектакля «Любовь Яровая». Он молод, как сама революция, и он мудр, как вековая мудрость народа.

Мы нарочно в конце говорим о Любови Яровой — Е. Солодовой, не потому, конечно, что таково значение этой роли в спектакле, но потому, что она одна из рядовых, скромных героев револю-

Олицетворение этого мира — поручик Яровой в исполнении Е. Матвеева, страшный и сильный, жалкий и слабый одновременно. Сильный потому, что вскоила его вековая ненависть богатеев к простому люду, слабый потому, что борьба народа с эксплуататорами исторически справедлива, исторически победоносна.

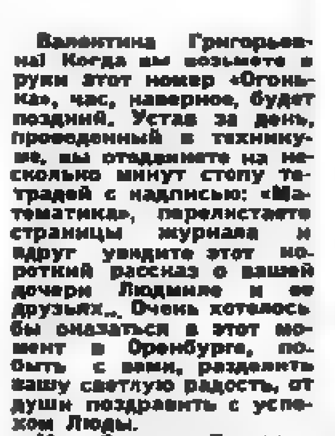
Да, Малый театр создал хороший, волнующий, умный спектакль. Конечно, и в нем есть некоторые просчеты: чужеродна и невыразительна музыка, не получилось замечательного треневского символа Дуньки, уезжающей в Европу, не прозвучало толстовское непротивленчество Колосова и его осуждение.

Но это все частности, а главное — радость. Радость оттого, что встретились мы с пьесой, озарявшей дни нашей юности, с отличной режиссурой и великолепной актерской работой (профессор Горностаев) Игоря Ильинского, с крепким мастерством артистов Малого театра, так по-граждански страстно разговаривающих сегодня с современностью.

В финале спектакля алый стяг, словно колеблемый тревожным ветром долгих фронтовых дорог, вспыхивает над головами Кошкина, Шванди, Любови Яровой и их товарищей. И мы еще глубже понимаем замысел театра, однажды в двадцатые годы рассказавшего в этом спектакле о живых своих современниках, сегодня, в шестидесятые годы, воздвигнув им памятник.

Доброго пути вам, молодые!

М. КВАРЦЕВ,
Ю. КРИВОНОСОВ



Валентина Григорьевна! Когда вы возьмете в руки этот номер «Огонька», час, наверное, будет поздний. Устав за день, проведенный в техникуме, вы отодвинете на несколько минут стопу тетрадей с надписью: «Математика», перелистаете страницы журнала и вдруг увидите этот короткий рассказ о вашей дочери Людмиле и ее друзьях... Очень хотелось бы оказаться в этот момент в Оренбурге, побыть с вами, разделить вашу светлую радость, от души поздравить с успехом Люды.

Мы были в Большом зале Московской консерватории в тот вечер, когда огромная и обычно такая сдержанная аудитория взволнованно аплодировала молодым певцам — победителям труднейшего конкурса. Они сидели в центре сцены под портретом Михаила Ивановича Глинки, чьим именем был назван этот конкурс. Ветви белой сирени осеняли молодые лица счастливцев. Сирень казалась особенно свежей в хмурую декабрьскую пору...

Их было двенадцать из восьмидесяти восьми, начавших соревнование талантов. Ваша Людмила оказалась единственной, кому седовласые члены жюри присудили первую премию. Мы разговаривали с вашей дочерью в небольшой артистической комнате, за сценой, в перерыве между отделениями концерта. Она сказала, что вы хотели видеть [redacted] усердно занималась в Ленинградском университете. Но... там был хороший вокальный кружок...

И слышали бы вы, как пела на концерте ваша дочь бессмертную арию Иоанны!..

Первый раз в жизни пела Людмила Филатова под аккомпанемент симфонического оркестра. Страшно волновалась, конечно. А когда прозвучала последняя нота, словно поднятая на легких и могучих крыльях оркестра, огромный и светлый консерваторский зал бурными аплодисментами наградил молодую певицу. Так что не сетуйте, дорогая Валентина Григорьевна, что ваша дочь изберет другую дорогу. Ее призвание — сцена! И давайте вместе пожелаем Людмиле и ее друзьям большого творческого счастья, доброго пути в родное наше искусство.

Очень волновалась Людмила Филатова перед выходом на сцену Большого зала консерватории.

Слушатели были покорены светлым, ясным голосом Ламары Чкония, солистки Киевского театра оперы и балета имени Т. Шевченко.

Не только зал, но и дирижер Кирилл Кондрашин аплодирует студенту-киевлянину певцу Глебу Дранову.

Прославленные мастера вокала поздравили молодежь. И. С. Козловский считает, что у Галины Туфтиной большое артистическое будущее.

На баллоны «Моби-Дик», выдаваемые за «метеорологические», американская разведка возлагала большие надежды. Но и в этом потерпела провал.

Эстафета воздушного шпионажа

Сентябрь 1959 года. Тайна «самолета-призрака» «У-2» была раскрыта: его поймал объектив фотоаппарата японского журналиста близ Токио.

Вольфганг ШРАЙЕР

Шила в мешке не утаишь

11 апреля 1950 года министр иностранных дел СССР вручил послу США ноту протеста против провокационных действий американских военно-воздушных сил над Советской Балтикой. 18 апреля государственный департамент США «опроверг» совершенно очевидные факты: и то, что «Прайвитер» имел вооружение, и то, что самолет вторгся в воздушное пространство Советского Союза. В своей ноте правительство США с циничной развязностью выразило надежду, что правительство СССР накажет виновных и возместит убытки, вызванные смертью американских граждан и уничтожением американского имущества.

Сигнал был подан. Западная буржуазная пресса открыла шлюзы, и поток безудержной лжи и клеветы стал изливаться на страну социализма. Нью-йоркские, лондонские, парижские, боннские газеты пестрели огромными заголовками о «жестокости Советов». Бюллетени нью-йоркской биржи, захлебываясь, сообщали:

«За последнюю неделю наблюдается значительное повышение курсов акций почти всех стальных, нефтяных и самолетостроительных компаний. Особенно большой подъем, после долгого спада, наступил в самолетостроении. Если курс этих акций по состоянию на конец марта принять за 100 пунктов, то к настоящему моменту он уже перешагнул 132 пункта. Впереди всех идут «Файрчайлд инджинирс энд эйрплайн корпорейшн» (42 пункта), а также «Боинг», «Дуглас» и «Юнайтед эйркрафт» — по 39 пунктов каждая...»

Окончание. См. «Огонек» № 2.

Благоприятную ситуацию тотчас же использовали и западногерманские концерны. Они хорошо помнили свое первородство в воздушном шпионаже. И они принялись производить оборудование для самолетов-разведчиков. Фирма «Линдхоф-камераверке» в Мюнхене, которая когда-то оснащала машины из отряда Ровельса, теперь усиленными темпами стала выпускать портативные камеры для тактической аэрофотосъемки. Западногерманский концерн «Цейс-аэрофотограф» принял от США заказы на аппаратуру для обработки отснятых фотоматериалов.

После провала операции «Пасхальное яйцо» стратеги НАТО не отказались от своих воздушных провокаций. То, что они делали, вскрыл в марте 1958 года студенческий журнал «Изис», выходящий в Англии.

«От Ирака до Балтийского моря, — писал журнал, — расположены станции радиоподслушивания, укомплектованные призывниками, специально обученными азбуке Морзе и русскому языку. Они регистрируют малейший писк, издаваемый советскими рациями... Так как русские не всегда сами выходят в эфир, их на это провоцируют. Один из наших самолетов «сбивается с курса», по ту сторону границы его магнитофоны записывают радиопереговоры советских летчиков. Если же самолет принуждают к посадке, то западная пресса тут же преподносит это как «инцидент», спровоцированный красными».

Авторами этой статьи были английские студенты, которые в период их службы в армии привлекались к выполнению заданий секретной службы. Их обучали на специальном факультете института славистики в Бадмэйне (Юго-Западная Англия) и затем придавали воздушным или военно-морским силам.

Вместо ответа на справедливое обвинение английское правительство... привлекло редакторов студенческого журнала к суду. Мужественными заявлениями на суде студенты Филлер, Томпсон и Ридд стремились призвать к борьбе против атомного вооружения все английское студенчество. Не будучи в состоянии опровергнуть приведенных ими фактических данных, суд бросил молодых борцов за мир в тюрьму, обвинив их в «разглашении государственной тайны».

Поймали [illegible]

Вскоре после оглашения этого позорного приговора, 2 сентября 1958 года, над территорией Армянской ССР был сбит и сгорел в горах шпионский самолет. Он был точно таким, как описывали его студенты: оснащен радаром, специальной аппаратурой для радиоперехватов. Это была тяжелая машина, на борту ее находилось 17 человек. Базировался самолет в Турции.

Так как американцы думали, что Советский Союз не располагает никакими доказательствами шпионского характера этого полета, они, как обычно в таких случаях, попытались представить дело в извращенном виде. Государственный департамент Джона Ф. Даллеса набрался даже наглости вручить ноту, в которой обвинял русских летчиков в «намеренном завлечении» американского самолета на советскую территорию и «жесто-

кой расправе с безобидной машиной». Но Советское правительство изобличило фальсификаторов уничтожающими фактами, еще до того, как было предпринято преследование в воздухе вторгшегося американского самолета, 11 из 17 членов его экипажа были сброшены с парашютами на советскую территорию; они были пойманы в окрестностях Еревана.

По ту сторону Атлантики сразу прикусили язык. «Мистер президент, — спросил Эйзенхауэра на пресс-конференции в Белом доме американский журналист Тер Хорст, — в стране распространилось мнение, что на турецко-советской границе наш самолет затеял с русскими игру в кошки-мышки, чтобы таким образом выведать кое-что об их обороне. Можете ли вы сказать что-нибудь по этому поводу?»

Но Айк увернулся от прямого ответа.

«Конечно, — туманно сказал он, — летчики подвержены... ошибкам в навигации. Бывает, что самолет сбивается с курса воздушными потоками или ветром.» О выброске с парашютами 11 шпионов президент постарался не упоминать...

Речь о турецко-советской пограничной области зашла на пресс-конференции в Белом доме не случайно. Именно в этом районе американские ВВС оборудовали три особенно мощных радарных станции.

Американская секретная служба лихорадочно направляла к советским южным границам все новые разведывательные отряды, сложные приборы которых должны были «вслушиваться» в то, что делается внутри этих границ. Шпионские отряды маскировались под «охотничьи экспедиции», под «партии археологов». Американцы взобрались на вершину горы Арарат, северный склон которой находится уже на территории СССР. «Мы вычитали в библии, — заявляли они туркам, — что на Арарате должны находиться остатки Ноева [redacted]».

Впрочем, разведчики Аллена Даллеса не ограничились этими «библейскими операциями» у южных границ СССР. Американские ВВС создали и на арктическом Севере особый отряд из специально оборудованных машин «РБ-47», которые вели разведку над территорией Советского Союза, базируясь на Аляске.

В последнюю треть пятидесятых годов стало ясно, что Америка отстала не только в области термоядерного оружия, но и в развитии средств его доставки к цели. Осознав это, американская военщина и ведомство Аллена Даллеса начали из кожи лезть вон, чтобы осуществить разведку советских ракетных объектов. Их шпионские самолеты стали систематически нарушать советские границы.

Основным плацдармом попыток проникновения в чужую тайну на протяжении ряда лет оставалось Турецко-иранское нагорье. Но вскоре именно здесь американская разведка, начавшая искать «могилу Ноя», вынуждена была похоронить миф о «технической неодолимости» ее шпионских самолетов.

Это более чем убедительно доказала им советская ракета, сбившая «У-2» летчика-шпиона Пауэрса.

Но здесь нелишне будет вернуться несколько назад.

Конфуз с «Моби-Дик»

6 февраля 1956 года перед зданием министерства иностранных дел в Бонне остановился автомобиль. Валериан Зорин, в то время посол СССР в ФРГ, нанес визит статс-секретарю профессору Хальштейну и вручил ему ноту. В этом документе СССР протестовал против незаконных запусков воздушных шаров, которые с ведома боннского правительства проводили американцы с территории Западной Германии. В ту зиму шары часто появлялись над территорией Советского Союза, создавая серьезную опасность для гражданских воздушных сообщений. Две аналогичные ноты, врученные советскими послами в Анкаре и Вашингтоне, требовали немедленного прекращения этих действий, неслыханных в практике международных отношений.

Сначала партнеры по НАТО притворились ничего не ведающими. Но вот и в западной печати появились сообщения о том, что американская радиостанция «Свободная Европа», она же шпионский центр, с апреля 1954 по январь 1956 года запускала в Венгрию, Польшу и Чехословакию воздушные шары различного объема и грузоподъемности, и за это время с помощью таких шаров было заброшено более 250 миллионов экземпляров подстрекательских листовок. Стало также известно, что на эту подрывную работу американская секретная служба ежегодно ассигновала по 12 миллионов долларов. Баллоны наносили ущерб имуществу, вызывали человеческие жертвы. Тогда за дело взялась истребительная авиация государств — участников Варшавского договора, и вскоре небо над ними снова стало чистым...

Те баллоны, против запуска которых протестовал Советский Союз в феврале 1956 года, были иного свойства. Они напоминали по своей форме аэростаты и несли с собой гондолу величиной с легковой автомобиль. Комментатор американских военно-воздушных сил Линкольн Уайт назвал эти воздушные гиганты «Моби-Дик» и объявил, что цель их запуска — ну, разумеется! — «метеорологические исследования»

«За последние четыре года, — заявил американский офицер, — было запущено 4 тысячи таких баллонов, из них 500 в минувшем декабре. Подхваченные воздушными течениями, они могут сделать полный оборот вокруг Земли... Полет каждого баллона можно прекратить по радио с Земли или со специальных самолетов. Гражданской авиации ни один такой баллон не угрожает.»

Прочитав скороговоркой этот текст, комментатор высказался и о советской ноте. «Это совершенно неправдоподобно, — заявил он, — чтобы находящимися в гондолах метеорологических баллонов камерами можно было фотографировать советские оборонные объекты. Для этого баллоны потребовалось бы перехватывать по ту сторону СССР, чтобы извлекать из них отснятую пленку».

Увы, незадачливому «комментатору» был нанесен сокрушительный удар его же коллегами. В тот же день и час двумя домами дальше, в здании Пентагона, второй комментатор проболтался представителям других газет, что перехватывание шаров действительно происходит и что «для этой цели приходится держать наготове быстроходные патрульные суда...»

Следуя своей неприглядной «традиции» отрицания очевидных фактов, правительство США 8 февраля заявило в ответ на советскую ноту, что речь идет о баллонах «службы погоды».

На следующее же утро, в четверг 9 февраля, в квартирах аккредитованных в Москве иностранных корреспондентов зазвонили телефоны. Министерство иностранных дел СССР приглашало их на пресс-конференцию в особняк на улице Алексея Толстого. Там журналистов ожидала сенсация: уже во дворе старинного здания они увидели воочию... оборудование, снятое с нескольких десятков выловленных в воздухе «Моби-Диков».

Эксперт военно-воздушных сил СССР полковник А. В. Таранцов привел некоторые технические данные об американских аэростатах, выловленных в воздушном пространстве СССР. Аэрофотосъемная камера... Радиотехническая аппаратура... Специальные приборы, регистрирующие географические координаты баллона, пока шпионская фотокамера снимает проплывающую внизу местность... И ни малейших признаков какой-либо аппаратуры, предназначенной для метеорологических исследований!

Полковник Таранцов вынимает одну из проявленных пленок, найденных на аэростате, заряжает ею проектор и демонстрирует на экране. Собравшиеся видят заснятый участок советской территории.

Корреспондентам было сообщено, что в СССР выловлено много таких шаров. Было также отмечено, что каждый «Моби-Дик» обходится примерно в 50 тысяч долларов. Поскольку сами военно-воздушные силы США назвали общую цифру запущенных шаров, это дает представление о том, какие огромные средства тратятся в США на воздушный шпионаж, грубо нарушающий нормы международного права.

На следующий день в Вашингтоне на пресс-конференции выступил Джон Фостер Даллес. В своей увертливой, осторожно сформулированной речи он заявил, что правительство США готово «принять во внимание» советские протесты против запуска американских баллонов. Однако Даллес наотрез отказался признать их военно-шпионское назначение. Он утверждал, что эти баллоны служат для сбора... научного материала по программе Международного геофизического года! А то, что камеры засняли также и поверхность Земли, — лишь «слепая случайность».

Своего шефа поддержали «эксперты» госдепартамента. Они утверждали, что «вся эта история служит Советскому правительству лишь предлогом для пропагандистской подготовки нового закона по использованию воздушного пространства». Москва-де хочет оставить за собой право протестовать и на случай запуска Соединенными Штатами искусственных спутников Земли. У ретивых «экспертов» и в мыслях тогда не было, что первый в истории человечества спутник будет запущен не Соединенными Штатами, а Советским Союзом!

Рождение «самолета-призрака»

В один из последних дней февраля 1956 года в главной квартире Центрального разведывательного управления США собрались четыре человека. У стены кабинета Аллена Даллеса перед огромной картой, изображающей северное полушарие в полярной проекции, стоял подполковник Хэмлок. Он представлял управление научных исследований ВВС и был здесь [redacted].

Штатский, беспокойно шагавший взад и вперед по комнате, был полковник в отставке Прейвитт. Теперь он заседал в правлении крупного финансового концерна в Лос-Анжелосе и в совете экспертов Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА).

У окна, прислонившись к стене, стоял четырехзвездный генерал Натан Ф. Туайнинг. Несколько рядов пестрых орденских ленточек украшали его элегантную тужурку цвета хаки. Он смотрел вниз, на Потомак, несущий свои темные воды в Атлантику. Его, начальника штаба всех военно-воздушных сил Америки, заранее раздражало, что на этом заседании придется выслушивать директивы штатских профанов. После испытанных военных американская секретная служба была отдана в руки этому Аллену Даллесу, адвокату, ставленнику таких же штатских банкиров и к тому же закулисному интригану...

— Господа, ждать больше нечего. — Аллен Даллес схватил несколько бумаг и вышел из-за стола. — Госдепартамент уже уведомлен. Могу вас заверить, что мысль, которую я вам сейчас выскажу, там одобрят...

В этом никто и не сомневался. Всем было хорошо известно, что никогда еще в Соединенных Штатах секретная служба и министерство иностранных дел не работали так гармонично: в феврале 1953 года, после победы на выборах республиканцев, братья Джон и Аллен Даллесы дорвались наконец до того, к чему стремились давно: до руля правления США.

Все уселись за продолговатый стол посреди кабинета. Даллес застегнул свой спортивного покроя пиджак и пригладил седые усы.

Генерал Туайнинг сказал:

— Наши разведывательные операции над странами восточного блока вступили в критическую фазу Баллоны показали хорошие результаты, но теперь противник умеет их обезвреживать. И тем не менее нам надо как-то продолжать...

— Мы в нашем управлении, — заметил подполковник Хэмлок, — не верим, что русские в состоянии сбивать «Моби-Дик». Наши баллоны летают слишком высоко. Скорее всего им удалось подобрать радиошифр и отдавать приказ на посадку. Если мы улучшим нашу шифровальную систему, то этого можно будет в дальнейшем избежать.

— Наше ведомство не разделяет вашего оптимизма, — сухо возразил Прейвитт.

Пока специалисты обсуждали детали, Аллен Даллес набивал трубку. Он знал, что решающее слово останется за ним. Назначенный на пост начальника Центрального разведывательного управления, Даллес был ответствен только перед президентом.

«Четвертый род оружия» — так

Жених с потолка

Алла ТРУБНИКОВА *Фельетон* Рисунок М. Ушаца

Если вы хотите знать, что случилось под покровом ночи в селении Сарыдаш, вам придется вместе с нами сперва вскарабкаться высоко в горы. Туда, где запросто разгуливают медведи в шубах из натурального меха, где готовые взорваться красным соком гранаты берут прямо с дерева, как в магазине без продавца,— только без чеков и даже без денег. Словом, вы очутитесь в одном из самых отдаленных районов Азербайджана, в котором живут курды.

А затем вам предстоит войти в жилище курда. Посередине крыши этого жилища — окошко. Вот это-то окошко и сыграло, как выяснилось, существенную роль в происшествии, случившемся недавно в шатре старого Масдана.

Сам Масдан, подвижной, сухощавый старик в мохнатой шапке, тыча пальцем в потолок, рассказывает нам, что в ту ночь ему не спалось и он как раз смотрел в [redacted]

— Валла! Да будут благословенны мои позвонки, которые дергало, как порванные струны зурны. Если бы не они...

Он раскуривает наполненную душистым доморощенным табаком трубочку и приступает к обстоятельному рассказу.

Итак, ночью, чтобы побороть боль, он принялся вспоминать разные смешные истории. Например, как к ним впервые приехала машина. И все наперебой принялись ее потчевать сеном — с дальней дороги проголодалась, бедная! Смешно? А что тут удивительного, если раньше видели «машину» только с четырьмя ногами и только в одну лошадиную силу? А как когда-то дули на электрическую лампочку и никак не могли ее загасить! Смех да и только!..

И вдруг поглощенный этими мыслями Масдан замечает, что через окно ползет змея. Присмотрелся: это веревка змеей извивается. Добротная, шерстяная черно-белая веревка, какую плетут в их краях. Чудеса да и только! Но вот следом по веревке начинает кто-то спускаться. Вор, конечно. Разве честный полезет в окно? Да, у старого Масдана есть что красть. Вся семья в колхозе работает. И вещей, сами видите, накупили. И мебелью, сами видите, обзавелись. И продуктов, сами видите, хватает.

— Кто же оказался вором? — нетерпеливо спрашиваю я.

— Байрам Джаббаров, парень из соседнего селения Милле,— отвечает Масдан.— Пошли ему аллах чесотку, только ногтей не давай!

— Что же он украл?

Сначала Масдан думал, что жулик подбирается к его овечкам. Тем более, что на подмогу спустились еще двое. Однако когда Байрам крикнул: «Берем живую или мертвую!» — и бросился к кровати, где спала Адиля, он понял: вор задумал, как овцу, похитить его дочь. Но не тут-то было. Девичья рука «обласкала» физиономию непрошеного гостя, между тем как ее отец, вовсе не собиравшийся стать тестем, обрабатывал упавшего жениха со спины. Бросилась на подмогу и старая Дурна. Тогда в руках одного из сообщников блеснул нож.

Напрасно нетерпеливо били копытом заждавшиеся кони. Их седоков увезли на милицейской машине...

В милиции незадачливый похититель разошелся вовсю. Судить его за девчонку? Да что они все с ума, что ли, спятили, если хотят из-за одной блохи жечь одеяло?! И что, собственно, произошло? Птица летит на зерна, муха — на мед. Ему пришлась по вкусу Адиля. Он же не Меджнун какой-нибудь, чтобы отправиться в пустыню умирать от безответной любви к какой-то Лейли.

— Пытались ли вы отговорить Байрама? — спрашивает [redacted]тель у соучастников.

— Если осел уже в воде, зачем его звать пить? — машет рукой Заллар Вердиев.— Сперва я ему доказывал: зачем такая страсть? Для чего девчонку воровать? Ее можно, как поют в песне, просто уговорить. А он мне в ответ: «Нет, так не уговоришь. Сам понимаешь: что во мне хорошего? Я не Фархад. Ради женщины гору рыть не буду. На строительстве тоннеля работаю потому, что там здорово платят. А до этого, помнишь, сколько времени лодыря гонял?» И чего только я с ним связался,— мрачно заключил Заллар.— Вот уж поистине: прибежал на запах кебаба, а увидел — осла клеймят.

Второй соучастник, Якуб Абдуллаев, гордо заявляет, что по отцовской линии он является прямым потомком Магомета. А уж колхозным бригадиром, так сказать, по совместительству. Что ж, он охотно скажет свое мнение. Байрам действовал правильно. К чему объясняться девчонке в любви? В коране прямо сказано: всякие клятвы перед женщиной не обязательны, потому что женщина не человек.

И он начинает истово перебирать четки той самой рукой, которой пустил в ход нож.

Происшедшее вызвало глубокое возмущение жителей гор. Однако кое-кому было явно не по душе, что не зазвучат во дворе Байрама звуки дафа — свадебного барабана, что не будут ломиться подносы от жирной халисы — плова с курицей, что не удастся полакомиться сладкой гатой с сахарной начинкой и промочить горло сухим винцом. А главное — что сорвалось все это по милости какой-то девчонки, которая вздумала сама распоряжаться своей судьбой.

— Да помнишь ли ты, что сказано в коране? — строго говорил Масдану «святой» старик Фати, который появился в доме наутро. Масдан даже растерялся. Как он

он сам называл свою шпионскую армию, состоящую из 30 тысяч штатных служащих и многих десятков тысяч тайно завербованных граждан США и других стран.

Аллен Даллес знал также, что ему ни в чем нет и не будет отказа. Насколько велики затраты, настолько же грандиозна конечная цель: насадить на всем земном шаре агентов Си-Ай-Эй (Центрального разведывательного управления), проникнуть во все области жизни всех государств. «Тотальный шпионаж»! Даллесу по душе был этот термин, изобретенный еще последним шефом гитлеровской разведки, Вальтером Шелленбергом.

Аллен Даллес поправил на переносице очки, бросил беглый взгляд на лежащий перед ним документ со штампом «10-10» и сделал знак Прейвитту. Тот извлек из портфеля несколько технических схем и фотографию довольно примитивного моноплана с удлиненными формами. Согласно чертежам, машина имела 14,6 метра в длину и 29 метров в ширину. Площадь ее плоскостей — 62 квадратных метра. До сих пор не было еще моторного самолета с такой большой несущей поверхностью. Хвостовое оперение простое, той же трапециеобразной формы, что и крылья. Сзади, на фюзеляже, расположен самый современный турбореактивный двигатель типа «Пратт и Уитней И-57».

Прейвитт указал пальцем на двигатель.

— Вблизи земли он развивает тягу примерно в пять тонн, — не без гордости сказал он. — Благодаря этому легкая машина поднимается на высоту до 21 тысячи метров и там, наверху, летит со скоростью 750 километров в час. На меньших же высотах предел ее скорости — 920 километров в час. Из своей герметической кабины пилот время от времени может выключать мотор и, экономя горючее, в течение почти 10 часов парить в стратосфере. Испытания первого такого самолета вчера успешно завершены...

Подполковник Хэмлок наклоняется вперед. Он вспоминает: идея создания такой машины родилась год назад у них, в научном управлении ВВС. Да, сообщение Прейвитта для него — полная неожиданность!

— Кто делает машину?

— «Локхид», — отвечает Прейвитт. — Конструкцию самолета разработал главный конструктор компании Кларенс Джонсон. Он применил в основном фанеру и синтетические материалы. Машина получилась легкой, как планер, а почти полное отсутствие металлических частей и черная окраска делают ее неуловимой для радаров...

— Как называется тип? — резко перебивает его Туайнинг.

— «У-2»,— отвечает Прейвитт.— В качестве цели применения этого самолета мы укажем исследование атмосферы на больших высотах.

— Это самолет-призрак, — произнес Аллен Даллес. — И кое-что в его возникновении может показаться странным. Но он нам поможет решить наши задачи за железным занавесом... Си-Ай-Эй заказала у «Локхида» 12 таких машин.

— Си-Ай-Эй? — переспросил Туайнинг. — Это звучит так, словно вы хотите создать собственную авиацию, сэр! — Туайнинга душит бешенство. Это верх наглости. Этого не смог в свое время добиться в фашистской Германии даже сам Гиммлер!

— И да и нет,— осторожно отвечает Даллес. — «У-2» — идеальный дальний разведчик. Это наш большой козырь и на грядущие годы, и мы должны сделать все, чтобы сохранить его тайну...

Увы, тайну сохранить не удалось. Уже при первых испытательных полетах над Америкой разбилось несколько машин «У-2». В начале апреля 1957 года над Невадой потерпел аварию еще один самолет, и, наконец, в сентябре 1959 года произошла еще более крупная неприятность.

На одну из планерных площадок

может знать, что говорится в коране по такому поводу, если он вообще не помнит ни одной строки?

— Так вот,— продолжал Фати,— там прямо сказано: тех жен, которые опасны по своему упрямству, вразумляйте, наносите побои... Ты же вместо того, чтобы проучить строптивицу, подаешь в суд на того, кто хотел ее осчастливить.

— Но она вовсе не хочет быть им осчастливленной!— возмутился Масдан.

— Что значит хочет или не хочет? С каких это пор стали считаться с желанием девушки? — побагровел Фати.— Разве сам Масдан в свое время не действовал по законам, чтимым предками? Пусть он ответит: умыкал он Дурну или не умыкал?

— Ну, допустим, умыкал,— согласился Масдан.

— Ага! — торжествующе изрек Фати.

Но тут вскипел Масдан. Так ведь то происходило добрых полвека назад. К тому же они любили друг друга. Но препятствием для их любви стал калым — выкуп, который ему, бедняку, пасшему чужие отары, не под силу было выплатить родителям невесты. На этом ведь, собственно, и основывался обычай тащить девушку, как вещь, которую не по карману купить...

— Зря ты шумишь,— пытался возразить страж старинных обычаев.

— Две моих старших дочери вышли замуж по любви,— заключил Масдан,— и Адиля сама выберет себе спутника жизни...

— А где же Адиля? — спохватилась я.— Ее что, приходится прятать?

— Зачем прятать? Она, как всегда, в школе,— говорит мать.

И мы едем за десять километров в школу, где учится и живет в интернате Адиля. Вопреки желаниям разных байрамов и фати черноглазая, с длинными косами, общепризнанная школьная певица, с комсомольским значком на ситцевом платьице, собирается вскоре поступать в институт. Хочет стать врачом. А что ждало бы ее с таким мужем, как Байрам? Да он не только петь, говорить бы не разрешил. Заставил бы в знак покорности закрывать рот платком и объясняться жестами, как «полагалось» женщине прежде.

Нет, не вышло по-байрамовски. И разучивает Адиля новые песни и читает новые книги. Тогда как прогнившие обычаи очутятся вместе с Байрамом и компанией на скамье подсудимых.

Казалось бы, все в порядке. А у меня перед глазами все стоит девчушка лет четырех. Она весело резвилась в саду, но при приближении мужчин тотчас прикрыла рот концом пестрой косыночки. Поражало и то, что, несмотря на теплую погоду, женщины ходили с плотно укутанными головами.

— Значит, к корням прошлого интерес проявляете? А я-то думал корреспондента ростками нового порадовать,— разочарованно сказал секретарь райкома партии Сафар Халилович Вердиев.— Как хотите, конечно. Но еще сам великий Низами черпал вдохновение на этих высотах. А ему, между прочим, куда труднее было вдохновляться...

Горячо возражаю. Как можно остаться равнодушным к хорошему, даже если ты фельетонист! И тогда секретарь с просветлевшим лицом увлекает меня на экскурсию по Кельбаджарам.

Мы идем по асфальтированным улицам. Гостиница. Библиотека. Магазин. Клуб. Больница. Ветлечебница... Вердиев знакомит меня с местной интеллигенцией. Почти все они тридцатилетние люди, сверстники секретаря и местные уроженцы. И завроно Ибрагим Велиев, и председатель райисполкома Хасан Багиров, и редактор газеты, которая называется «За новую жизнь», Шамиль Аскеров. Дотемна несколько дней подряд неутомимый секретарь водит меня по табачным плантациям и пастбищам, рассказывает о строительстве завода, который будет разливать 10 миллионов бутылок в год целебной воды, и, конечно, показывает высокогорный курорт Исти-Су — чудесный городок из розового туфа.

С жадностью смотрю. Записываю. И по-настоящему жалею, что мне, фельетонисту, не под силу писать ямбом или на худой конец белым стихом!

в 65 километрах от Токио неожиданно бесшумно опустился черный, как ночь, самолет. Его реактивный двигатель молчал. Дефект в турбине заставил пилота совершить вынужденную посадку. «У-2» возвращался из очередного разведывательного полета, и на борту у него была фотопленка, вынуть которую не имел права даже сам пилот. Летчику было строго запрещено отвечать и на вопросы посторонних. Поэтому он целых 15 минут не вылезал из своей герметической кабины.

Потом на планерную площадку, стрекоча мотором, опустился вызванный им по радио американский военный вертолет. Из него выскочили люди в штатском и, угрожая пистолетами, стали гнать с поля японских спортсменов. Однако один из них — журналист — успел щелкнуть затвором фотоаппарата. Проявив пленку, он заметил, что в нижней части фюзеляжа самолет имеет небольшое окно, точно такое, как у воздушных разведчиков. На следующий день вся левая пресса Токио поместила снимок загадочной машины, снабдив его соответствующим комментарием.

Так была разоблачена еще одна тайна Аллена Даллеса. А 1 мая 1960 года близ Свердловска произошло то, что окончательно сорвало маску с воздушных пиратов.

В Пентагоне проектируются и запускаются спутники-шпионы, известные под названиями «Самос», «Тирос», «Мидас». В июне 1960 года, чтобы ускорить изготовление «Самоса», сенат США выделил дополнительно 219 миллионов долларов.

Последняя страница пиратской воздушной хроники Соединенных Штатов, истоки которой восходят к гитлеровскому рейху, еще не написана. Американские ВВС и ЦРУ не оставляют преступных дел, которыми занимаются уже более десяти лет. Но народы, в том числе американский народ, заставят их уважать свою волю к миру.

Перевел с немецкого А. ГИЛЛЕР.

Снимок, сделанный в 1914 году, хранит у себя старый рабочий М. И. Маковецкий.

Таран летчика Нестерова

Этот старенький, почти полувековой давности, «фирменный бланк» обнаружен мною в селе Червоное, Андрушевского района, на Житомирщине. Я узнал, что до революции авиатор Ф. Ф. Терещенко содержал здесь мастерскую по изготовлению пропеллеров, которая громко именовалась «Аэропланным заводом». В близлежащем селе Краловке я познакомился с семидесятидевятилетним столяром Михаилом Ивановичем Маковецким, который в свое время работал на «заводе» Терещенко старшим мастером. Вот что рассказал мне Михаил Иванович:

— Накануне войны 1914 года туда часто приезжал знаменитый русский летчик Петр Николаевич Нестеров, человек простой, общительный, дружески расположенный к нам, рабочим. Он очень интересовался нашим трудом, расспрашивал о том, как лучше гнуть дерево, чтобы получались прочные, устойчивые в работе пропеллеры. Но вот однажды осенью 1914 года, когда уже началась война, к нам прибыл только друг Нестерова, прежде всегда сопровождавший его.

«А где же Петр Николаевич?» — спросили мы.

«Погиб наш герой. Пал смертью храбрых»,— был ответ.

И с этими словами друг Нестерова достал из бумажника фотографию: «Вот память о нем».

...Маковецкий показал пожелтевший снимок, который он бережно хранит почти полвека, получив его на память от друга Нестерова.

На фотографии в окружении русских воинов лежат на траве два мертвых летчика: П. Н. Нестеров и сбитый им в воздушном бою австрийский ас.

Чтобы убедиться в подлинности этого снимка, я написал в Нестерово (быв. Жолков), Львовской области: в тех краях, как известно, погиб Нестеров, таранивший в воздухе вражеский самолет. Заместитель председателя Нестеровского райисполкома тов. Палик, которому я подробно описал содержание старинного снимка, ответил, что в селе Воля Висоцкая, близ которого в 1914 году упали самолеты Нестерова и сбитого им австрийца, живут свидетели этого исторического боя Иван Колодин и Иван Крип. К сожалению, мои дальнейшие письменные обращения — теперь уже в сельсовет — остались без ответа.

Думаю, что, увидев этот снимок в журнале, свидетели гибели замечательного русского летчика более подробно расскажут о его героическом подвиге, а возможно, и узнают себя на снимке среди людей, стоящих близ тела Нестерова.

А. ЮЗВА,
сотрудник районной газеты
Андрушевка,
Житомирской области. УССР.

История одного трактора

Знаете ли вы, каков средний срок «жизни» трактора? Всего семь лет.

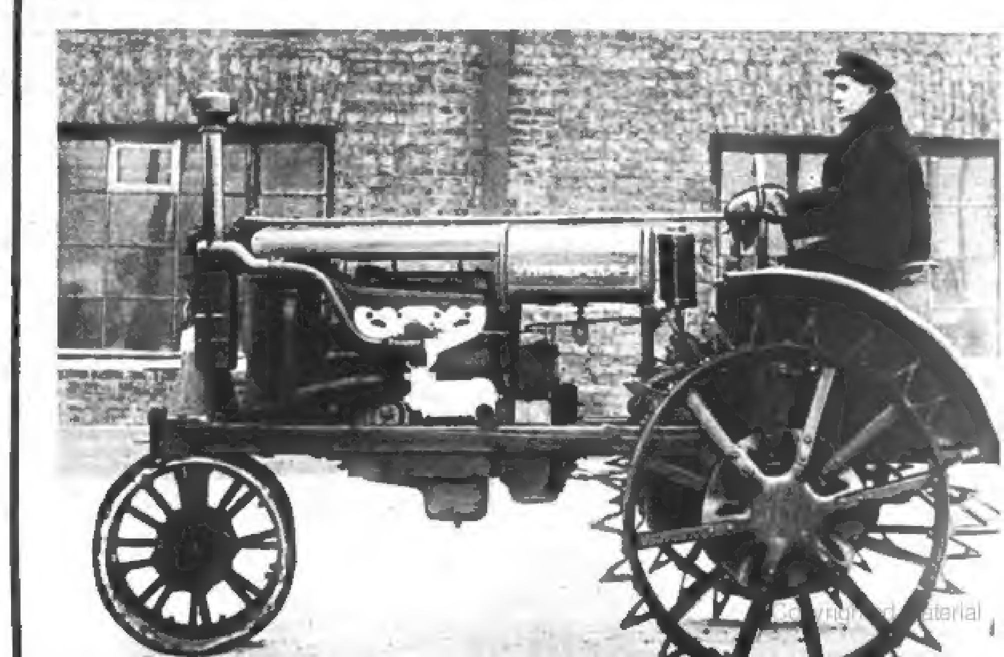
И кто бы мог подумать, что один из первых тракторов, «Универсал», изготовленный в 30-х годах на «Красном путиловце», еще «жив»! Его можно видеть не в музейной экспозиции, а на полях колхоза имени Свердлова, Янги-Юльского района, в Узбекистане.

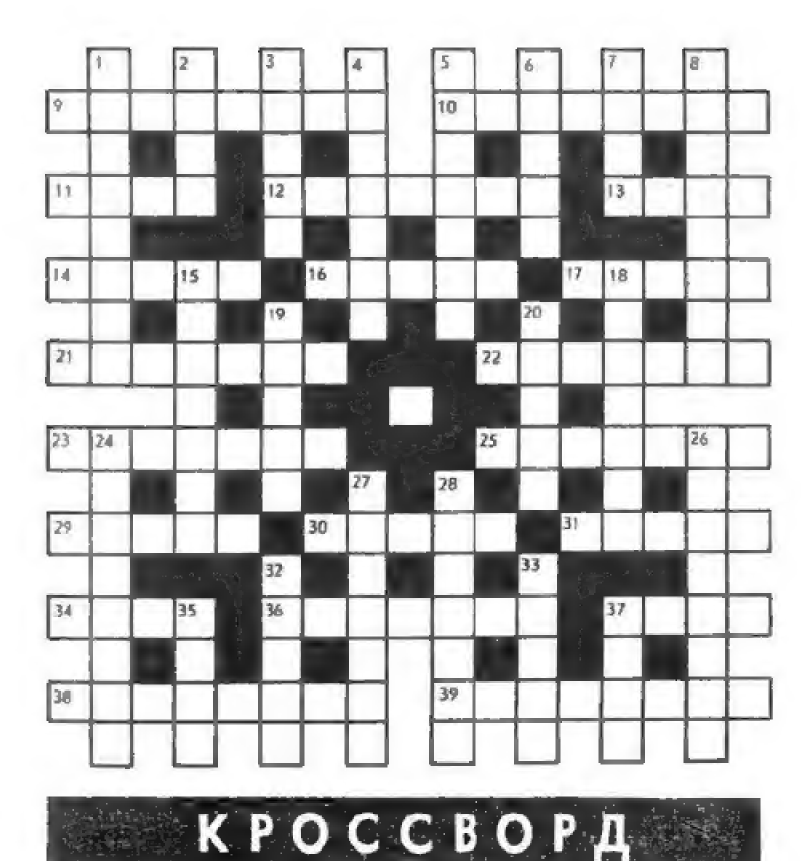
За первые семь лет тогда еще молодой тракторист Туляган Ташев обработал на «Универсале» около десяти тысяч гектаров. Срок «жизни» машины подходил к концу, но тракторист не захотел менять ее. После ремонта трактор снова стал отлично работать.

Кончилась Великая Отечественная война. На поля Узбекистана стала прибывать новая техника. Но Ташев не захотел расстаться со своим «стальным конем». Ветеран остался в строю.

И. БЫСТРОВ, В. КАРПУЩЕНКО

Один из первых тракторов, «Универсал», выпущенный «Красным путиловцем».





КРОССВОРД

По горизонтали:

9. Морская водоросль, предполагаемая пища космонавтов. 10. Древний город в Сирийской пустыне. 11. Минерал. 12. Герой оперы М. И. Глинки. 13. Газ. 14. Союзная республика. 16. Шахматная фигура. 17. Промысловая рыба. 21. Народный музыкальный инструмент. 22. Остров Индонезии. 23. Русский путешественник, исследователь Сибири. 25. Пьеса М. Горького. 29. Работа на корабле всей команды. 30. Мягкая кожа для обуви. 31. Изобретатель электродвигателя. 34. Лестница на судне. 36. Вечнозеленый кустарник. 37. Перечень блюд. 38. Преобразователь звуковых колебаний в электрические. 39. Действующий вулкан в Эквадоре.

По вертикали:

1. Искусство резьбы на цветных камнях. 2. Экваториальное созвездие. 3. Повесть А. И. Куприна. 4. Время перед восходом солнца. 5. Философ XVII века. 6. Жвачное животное. 7. Река в Якутской АССР. 8. Прибор для определения плотности жидкостей. 15. Бактерийный препарат. 18. Музыкант. 19. Сеть для ловли рыбы. 20. Курорт на берегу Черного моря. 24. Изменение обычного порядка слов в предложении. 26. Персонаж драмы А. Н. Островского «Гроза». 27. Ягода. 28. Запись исторических событий. 32. Советский физик. 33. Приток Днепра. 35. Государство в Латинской Америке. 37. Порода собак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

7. Харламова. 8. «Звездочка». 10. Ванги. 11. Старина. 12. Пампа. 16. Комик. 18. Награда. 19. Плиоцен. 20. Полюс. 22. Радиоактивность. 25. Кагул. 26. Калитва. 27. «Арсенал». 28. Грамм. 30. Гряда. 32. Барибал. 33. «Старт». 35. Глоксиния. 36. Полуустав.

По вертикали:

1. Караджале. 2. Плут. 3. Свиток. 4. Звонок. 5. Томе. 6. Экспонент. 9. Хромолитография. 13. Подосиновик. 14. Зеленогорск. 15. Прокатчик. 17. «Холстомер». 20. Планк. 21. Ствол. 23. Сганарель. 24. Скагеррак. 28. График. 29. Мрамор. 31. Дека. 34. Тост.

На последней странице обложки: Затерялась в сибирских снегах площадка одного из многочисленных строительных участков, прокладывающих нефтепровод из Башкирии к Байкалу (см. в номере очерк «Река человеческих дел»).

Фото В. Тарасевича.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-06; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-26; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01206 Подписано к печати 11/I 1961 г.
Формат бум. 70×108 1/8 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 720 000 Изд. № 4. Заказ 3645.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Узелок

А. ПЛАТНЕР

Жил бедный портняжка на свете когда-то,
И шил, и чинил он, и ставил заплаты.
Пришел к нему пан как-то раз поутру
И шубу принес он — заштопать дыру.
Совсем еще новая шуба и мех,
Да мыши прогрызли дыру, как на грех.

Стоял еще летний полуденный зной,
Когда за работу уселся портной.
Едва только нитку в иголку продел он,
Как птичка, чирикнув, к нему залетела.
Портной поглядел на окно, потолок...
И тут он забыл завязать узелок.

Он думает: «Будь я крылатая птица,
Я тоже по воздуху мог бы носиться,
Летал, щебетал бы весь день напролет
И зерна клевал бы, не зная забот.
Зачем мне панов обшивать-одевать
И жить в нищете, как отец мой и мать?»

И, вспомнив о детстве своем, об отце,
Забыл завязать узелок на конце.
Стежок за стежком... Он иголку втыкает,
И нитка, за нею летя, вылетает.
«Так в чем же тут дело? — подумал портной.—
Не лучше ли сделать всю нитку двойной?»

Но все ускользает и нитка двойная.
Над шубой сидит он, покоя не зная.
Рассвет уже близок, а он не прилег:
С досады забыл завязать узелок.
Он год уже шьет и еще две недели...
И дважды деревья, как медь, пожелтели...
И снова морозам приходит пора,
А в шубе все шире и шире дыра.

Замерз уже пан, не торопит портного,
А панская шуба еще не готова.
Портной поседел уже, стал стариком.
Чирикают птицы весной за окном,
Как будто смеются они, что опять
Забыл узелок он в конце завязать.

Перевела с еврейского Елена ИЛЬИНА.

Новогодний «подарок» Екатерине II от пугачевцев

Разные бывают подарки на Новый год. 1 января 1774 года императрица Екатерина II получила «подарок», который надолго вывел ее из душевного равновесия и омрачил новогодние празднества, напомнив об успехах «бунтовщика Емельки Пугачева». В ночь под Новый год неизвестному стороннику Пугачева удалось проникнуть в Зимний дворец и незаметно подбросить пакет с надписью о вручении «в собственные руки» Екатерине II. Рано утром пакет был обнаружен у галереи перед покоями императрицы и вручен ей. В пакете находился один из знаменитых манифестов Пугачева о предоставлении трудовому народу свободы от крепостной неволи. Разгневанная императрица приказала Тайной экспедиции Сената произвести розыск и установить дерзкого злоумышленника, «осквернившего» Зимний дворец пугачевскими «листами, наполненными изменническим ядом». Следствие, проведенное над служителями дворцовой прислуги и охраны, не дало результатов. Тогда через петербургскую полицию было объявлено, чтобы человек, подкинувший пугачевский манифест в Зимний дворец, безбоязненно явился 7 января в дом обер-гофмаршала князя Голицына. Власти надеялись путем этой нехитрой провокации заполучить в свои руки неизвестного пугачевца. В назначенный день никто, конечно, не явился. Узнав об этом, Екатерина II тут же предписала генерал-прокурору Сената князю Вяземскому: «Как вор Пугачев коекуда указы посылает, то думаю, что нехудо сие будет, если Сенат велит публиковать, что где его, разбойника, указы не появятся, чтоб везде оные через палача сжечь».

10 января Сенат опубликовал указ об уничтожении пугачевских манифестов, причем власти должны были приложить особое старание, чтобы «самого подсыльщика с письмом, если возможность допустит, изловя, представить в ближнюю городовую канцелярию».

На следующий день палач Тайной экспедиции Сената публично сжег на площади пугачевский манифест — неприятный и язвительный «подарок».

Р. ОВЧИННИКОВ,
старший научный сотрудник Центрального государственного архива древних актов СССР.

1. Среди живописных полотен, написанных поэтом М. Ю. Лермонтовым, есть один загадочный портрет. Человек изображен в средневековом испанском костюме, на шее цепь ордена Золотого Руна, таинственное освещение, страдальчески изогнутые брови... «Предок Лерма».

Сохранилось предание, будто фамилия Лермонтовых происходила от испанского герцога Лермы, вынужденного покинуть родину. Бывая в доме Лопухиных, Лермонтов однажды углем на стене нарисовал портрет своего предка. Впоследствии он повторил его на холсте. Образ предка-изгнанника долгое время волновал поэта.

2. Рукописи и записные книжки А. С. Пушкина испещрены рисунками; они у многих на памяти: великолепный портрет Вольтера и ножки танцовщиц, иллюстрации к поэмам и повестям, карикатуры, шаржи на друзей и знакомых.

В рукописи поэта сохранился набросок незаконченного стихотворения, посвященного картине Брюллова «Последний день Помпеи». Пушкин был дружен со многими художниками, высоко ценил Брюллова. Посвящение это не получалось, и рядом со стихотворными строчками поэт по памяти нарисовал группу из знаменитой картины: старик, которого сыновья несут по улицам гибнущего города.

РИСУ

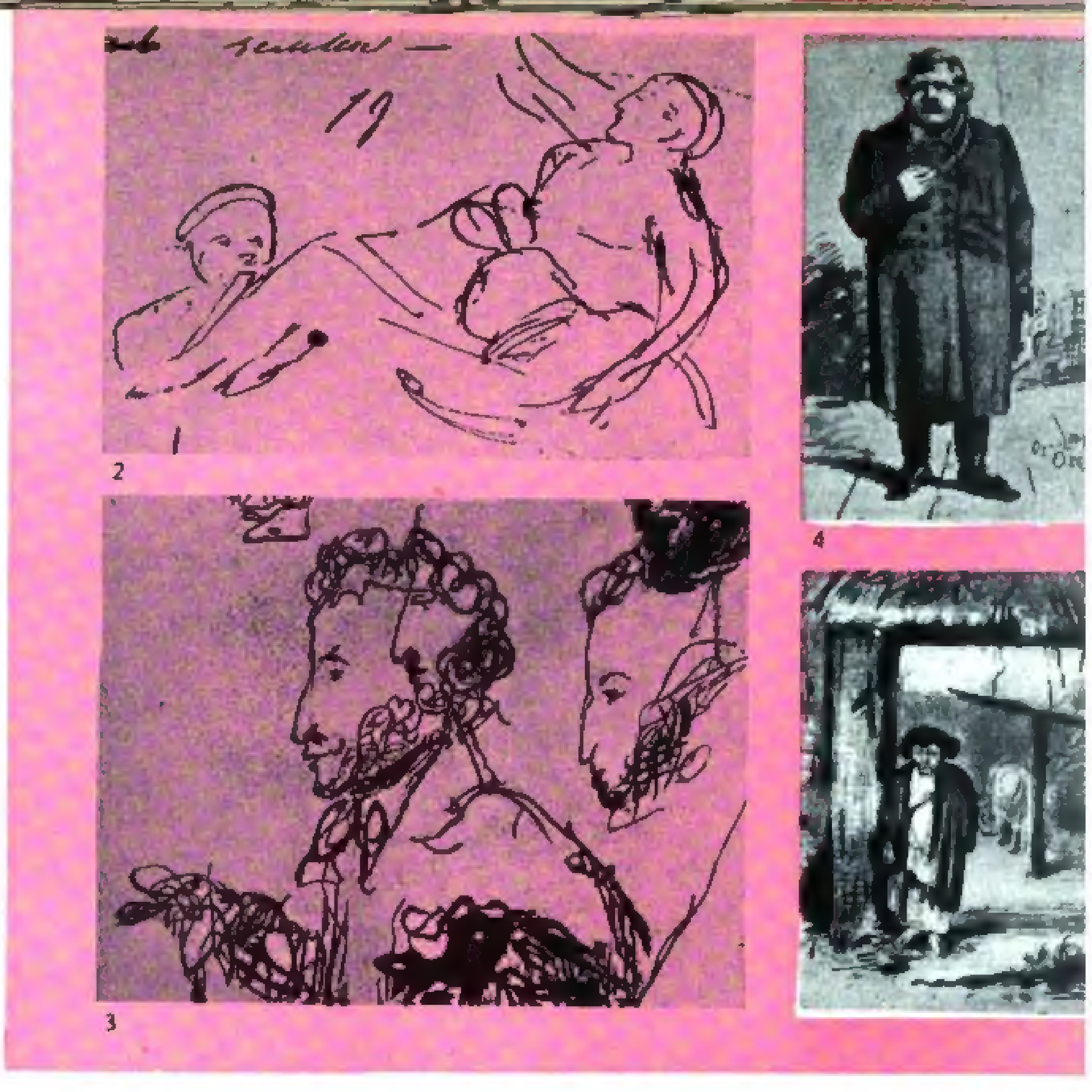
3. Н. В. Гоголь одно время аккуратно посещал классы Санкт-Петербургской Академии художеств: «...Занимаюсь живописью, которую я никак не в состоянии оставить, — тем более, что здесь есть все средства совершенствоваться в ней...» — пишет он матери. До нас дошло небольшое количество гоголевских рисунков: зарисовки в письмах, обложка к первому изданию «Мертвых душ», собственноручно выполненная автором; интересные наброски портрета А. С. Пушкина и др.

4. Эти рисунки к «Запискам охотника» выполнены самим И. С. Тургеневым. Не являются ли они по манере исполнения и проникновенной передаче настроения лучшими из всех иллюстраций к его произведениям?

5. Страсть к рисованию привела однажды крестьянского парнишку Тараса Шевченко к соседскому дьячку-маляру, славившемуся своими образами на весь околоток. Узнав о цели прихода, дьячок притянул к себе ладонь Тараса и, рассмотрев ее внимательно, отказался наотрез принять его в ученики. Линии руки свидетельствуют, мол, о полной неспособности парня не только к рисованию, но и вообще к какому-либо ремеслу.

А незадолго до смерти, в 1860 году, замечательный художник Тарас Шевченко получил от Санкт-Петербургской Академии художеств звание академика. Акварель «Киргизский мальчик топит печку» создана писателем по впечатлениям ссылки.

1



2

3

4

НКИ ПИСАТЕЛЕЙ

Многие великие русские писатели проявляли большую одаренность не только в литературе. Некоторые занимались музыкой, другие великолепно владели кистью. И живопись была для них не только занятием в часы досуга, но серьезным увлечением.

5

6. Л. Н. Толстой иллюстрировал Жюля Верна. Вот что рассказывает об этом его сын Илья в своих воспоминаниях:

«...мы увлеклись чтением Жюля Верна. Папа привозил эти книги из Москвы, и каждый вечер мы собирались, и он читал нам вслух «Детей капитана Гранта», «80 тысяч верст под водой», «Путешествие на Луну», «Три русских и три англичанина» и, наконец, «Путешествие вокруг света в 80 дней».

Этот последний роман был без иллюстраций. Тогда папа начал нам иллюстрировать его сам. Каждый день он приготовлял к вечеру подходящие рисунки пером, и они были настолько интересны, что нравились нам гораздо больше, чем те иллюстрации, которые были в остальных книгах...

Мы с нетерпением ждали вечера и все кучей лезли к нему через круглый стол, когда, дойдя до места, которое он иллюстрировал, он прерывал чтение и вытаскивал из-под книги свою картинку».